

СОВРЕМЕННАЯ И КЛАССИКА

Джон
Ирвинг

ПРАВИЛА
ВИНОДЕЛОВ

«ИНОСТРАНКА»

Иностранная литература. Современная классика

Джон Ирвинг

Правила виноделов

«Азбука-Аттикус»

1985

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ирвинг Д.

Правила виноделов / Д. Ирвинг — «Азбука-Аттикус»,
1985 — (Иностранная литература. Современная классика)

ISBN 978-5-389-11184-4

Классическая сага о любви и выборе от блистательного Джона Ирвинга, автора таких мировых бестселлеров, как «Мир глазами Гарпа» и «Отель „Нью-Гэмпшир“», «Правила виноделов» и «Сын цирка», «Молитва об Оуэне Мине» и «Мужчины не ее жизни». Итак, молодой доктор приезжает в провинциальный городок работать в приюте для сирот. Он помогает женщинам этих сирот рожать, он воспитывает брошенных ими детей... Это книга о том, что каждый мечтает о семье, особенно сирота. Это книга о простых жизненных правилах, которых должны придерживаться люди, если они хотят оставаться людьми, об обязательствах, которые настоящие люди берут на себя и выполняют, и о призвании, которое, как ни крути, есть у каждого в жизни, но не всякий его найдет. Киноверсия романа, снятая Лассе Хальстремом (в ролях Тоби Магуайр, Шарлиз Терон, Майкл Кейн), была номинирована на семь «Оскаров» и два «Оскара» получила, причем один из них достался самому Ирвингу – за лучший сценарий. Книга также выходила под названием «Правила Дома сидра».

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-11184-4

© Ирвинг Д., 1985
© Азбука-Аттикус, 1985

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	27
Глава третья	48
Глава четвертая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	89
Примечания автора	

Джон Ирвинг

Правила виноделов

John Irving

THE CIDER HOUSE RULES

Copyright © 1985 by Garp Enterprises, Ltd.

All rights reserved

© М. Литвинова, перевод, послесловие, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство Иностранка®

* * *

Традиционные устои — не то, что моральные принципы, уверенность в своей непогрешимости, не религиозность. Критиковать одно вовсе не значит нападать на другое.

Шарлотта Бронте. 1847 г.

В рабочем порядке аборт можно определить как прерывание беременности на стадии нежизнеспособности плода.

Доктор медицинских наук

Г. Дж. Болдт. 1906 г.

Глава первая

Усыновленный Сент-Облаком

В больнице при отделении мальчиков сиротского приюта, что в Сент-Облаке, штат Мэн, работало всего две медсестры: среди прочих обязанностей им было предписано давать имена новорожденным и следить за тем, чтобы их крохотные пенисы хорошо заживали после обязательного обрезания. В те дни (1920-е годы) все мальчики, появившиеся в Сент-Облаке, подвергались обрезанию, поскольку приютский врач в Первую мировую войну немало намучился (по разным причинам) с необрезанными солдатами. Этот врач, по совместительству заведовавший отделением мальчиков, особой религиозностью не отличался: для него обрезание было не обрядом, а чисто медицинской операцией, проводимой в гигиенических целях. Звали его доктор Уилбур Кедр, и, хотя от него всегда исходил легчайший запах эфира, одна из сестер, думая о нем, нет-нет и вспоминала твердую, долговечную древесину хвойного дерева, имеющего то же название. Что касается имени Уилбур, она его терпеть не могла; самая мысль, что столь идиотское сочетание звуков приходится произносить вместе с такой солидной фамилией, казалась ей оскорбительной.

Другая медсестра пребывала в уверенности, что влюблена в доктора Кедра. И когда была ее очередь давать имя младенцу, она частенько нарекала его Джоном Кедром, или Джоном Уилбуrom (ее отца звали Джон), или еще Уилбуrom Уолшем (Уолш – девичья фамилия матери). Несмотря на чувства, питаемые к доктору Кедру, его фамилия всегда оставалась для нее только фамилией, не вызывая никаких древесных ассоциаций. Ей имя Уилбур нравилось – такое удобное, делай что хочешь – хоть имя, хоть фамилию. Когда же «Джон» ей надоедал или вторая медсестра пробирала ее за скудость воображения, пределом ее изобретательности были Роберт Кедр или Джек Уилбур, ей было, по-видимому, невдомек, что Джек – ласкательное от Джона.

Если бы наш герой получил свое имя от этой романтической дурочки, он, скорее всего, был бы Кедр или Уилбур в сочетании с Джоном или Робертом, что уж совсем было бы скучно. Но в тот раз имена давала другая сестра, и он стал Гомером Буром.

Отец этой медсестры занимался бурением колодцев – делом честным, нелегким, требующим терпения и точности, – и, по ее убеждению, обладал всеми перечисленными качествами, что придавало слову «бурение» серьезный, глубокий, даже фундаментальный смысл. А Гомером звали одного из бесчисленных котов, живших в ее семье. Эта медсестра – все звали ее сестра Анджела, редко повторялась, давая имена своим подопечным; зато бедняжка сестра Эдна умудрилась создать трех Джонов Уилбуров и даже двух Джонов Кедров Третьих. Сестра Анджела хранила в памяти неисчерпаемый запас полезных и звучных слов, которые с успехом использовала в качестве фамилий, взять хотя бы Мейпл, Филдз, Бук, Хилл, Нот, Дей, Уотерс (и это лишь малая часть), и чуть менее внушительный список имен, почерпнутый из семейных анналов: часть из них принадлежала близким и дальним родственникам, остальные – покойным и здравствующим четвероногим любимцам (Феликс, Фаззи, Дымка, Кудри, Джо, Лужок, Эд и т. д.).

Разумеется, большинство сирот недолго носили придуманные сестрами имена. Мальчикам было легче подыскать семью еще в младенческом возрасте, и многие не только не знали полученного при рождении имени, но не помнили даже сестер Анджелу и Эдну – первых женщин, заботившихся о них в этом мире. Более того, доктор Кедр строго придерживался правила не сообщать приемным родителям любовно придуманное имя. В Сент-Облаке считалось, что ребенок, покинув приют, начинает новую жизнь; и все-таки, если мальчик задерживался в приюте, сестре Анджеле и сестре Эдне, да и самому доктору Кедру было нелегко смириться,

что их Джон Уилбур или Джон Кедр (а также Хилл, Кудри, Мейпл, Джо, Нот или Дымка Уотерс) будет всю жизнь зваться как-то иначе.

А вот Гомер сумел-таки сохранить данное ему при рождении имя; он столько раз возвращался в Сент-Облако после неудачных усыновлений, что работники приюта не устояли перед его очевидной целеустремленностью и приют стал для него отчим домом. Нелегко было на это пойти, но сестра Анджела, сестра Эдна и в конце концов сам доктор Кедр были вынуждены согласиться, что Гомер Бур неотторжим от Сент-Облака. И оставили всякие попытки подыскать упряму семью.

Сестра Анджела, обожавшая кошек и сирот, заметила однажды, что Гомер Бур, должно быть, очень полюбил придуманное ею имя, раз так упорно боролся за право его носить.

Городок Сент-Облако, что в штате Мэн, почти весь девятнадцатый век был лагерем лесорубов. Лагерь с годами превратился в поселок, выросший вокруг лесопильного завода, который был построен в речной долине на ровной местности, что облегчало прокладку первых дорог и транспортировку тяжелого оборудования. Первыми поселенцами были франкоканадцы – лесорубы, пилющики и валыщики леса, затем появились трелевщики, сплавщики, за ними проститутки, бродяги, грабители, и наконец была построена церковь. Первоначально лагерь просто называли «Облачный», потому что стоял в низине и облака над ним подолгу не рассеивались. По утрам над бурной рекой висел густой туман; а в трех милях вверх по течению ревели пороги, и воздух в окрестностях, включая поселок, был насыщен водяной пылью. Когда сюда пришли первые лесорубы, безжалостному истреблению леса мешали единственно несметные полчища комаров и другой мошкеры; эти исчадия ада предпочитали густые туманы безветренных долин внутренних районов Мэна морозному воздуху гор и яркому солнцу океанского побережья.

Доктор Кедр был не только врач и заведующий отделением мальчиков (он и основал этот приют), но взял еще на себя обязанности летописца Сент-Облака. Согласно доктору Кедру, лагерь лесорубов «Облачный» стал Сент-Облаком «благодаря пристрастию ревностных католиков, населявших глухие углы штата, цеплять эту приставку к любому названию, как будто она могла облагородить самое мерзопакостное место». К этому времени (спустя полвека после прихода первых лесорубов) лагерь уже превратился в поселок при лесопильном заводе. Лес вокруг на многие мили был вырублен, бревна больше не загромождали реку, исчезли хижины, где ютились изувеченные лесорубы – придавленные деревом или упавшие с него; теперь взор привлекали высокие аккуратные штабеля свежераспиленных досок, сохнувших под неярким затуманенным солнцем. Весь поселок был припорошен опилками и древесной пылью, зачастую невидимой невооруженным глазом, но дающей о себе знать астматическим свистом, чихом и свербящими носами жителей. На смену синякам и переломам пришли порезы, швы, шрамы; местные стратотерпцы гордо демонстрировали глубокие раны (а иногда отсутствие частей тела), нанесенные острыми зубьями пил. Пронзительный вой пилорам был столь же присущ Сент-Облаку, как туманы, испарения, влажность, изнуряющие население внутренних районов Мэна в долгие, холодные, со снегопадами зимы и делающие невыносимой душливую жару лета, когда единственное облегчение приносили редкие ливни с грозами.

Весны в этой части Мэна не бывало вовсе, если не считать той поры марта – апреля, когда тает снег и все тонет в непролазной грязи. Весной жизнь в городе замирала; тяжелые грузовозы стоят, из дому не выйдешь, вздувшаяся от талого снега река мчитя вниз как угорелая, так что и водный путь отрезан. Весна в Сент-Облаке приносила беду: пьянство, драки, изнасилования, самоубийства. Только у проституток горячая пора; щедрый весенний посев давал богатые всходы, и приют в Сент-Облаке работал без простоев.

Ну а осень? В ежедневной хронике приютских событий доктор Кедр коснулся и осени. Все его записи, кроме тех, что начинались словами «Здесь, в Сент-Облаке», предварялись вступительной фразой: «В других местах на земле...»

«В других местах на земле, – писал доктор Кедр, – осень – пора урожая. Осенью пожинают плоды весенне-летних трудов, запасаясь провиантом на долгий зимний сон природы. Здесь, в Сент-Облаке, осень длится всего пять минут».

Впрочем, какого еще климата ожидать от места, где сам собой вырос сиротский приют? Можно ли вообразить подобное заведение вблизи фешенебельных курортов? Откуда взяться сиротам в земле, текущей молоком и медом?

Ведя дневник, доктор Кедр демонстративно экономил бумагу. Писал мелким, убористым почерком на обеих сторонах листа. И конечно, не оставлял полей. «Здесь, в Сент-Облаке, – писал он, – кто, думаете, главный враг мэнских лесов? Кто тот негодяй, что плодит никому не нужных детей, загромождает реку топляком, превращает плодородные долины в пустыню, изъеденную половодьем? Угадайте, кто этот ненасытный губитель лесорубов с просмоленными руками и раздробленными пальцами, пыльщиков – рабов лесопильни, чьи ладони высохли и растрескались, а от пальцев осталось одно воспоминание? И почему этот обжора требует все больше и больше леса?»

Этим главным врагом была для доктора Кедра бумага, а если точнее, бумажная компания «Рамзес». На доски леса всегда хватит, рассуждал доктор Кедр, а вот аппетит компании «Рамзес» неутолим, деревьев на нее не напасешься, особенно если не делать новых посадок. И в конце концов долина вокруг Сент-Облака совсем оголилась; там и сям полез из земли подлесок – низкорослые сосны и осинник, бесполезный, как осока; начиная от Порогов-на-третьей-миле и кончая Сент-Облаком, красного леса не осталось и в помине. Сплавать было нечего, и компания «Рамзес», бумажный флагман Мэна, на пороге двадцатого века закрыла лесопильню, склад пиломатериалов и отправилась вниз по реке губить леса дальше.

Что же после нее осталось? Та же дрянная погода, опилки, израненные берега – огромные стволы сплаваемого леса, ударяясь о них, разрушали почву; брошенные строения – лесопильный завод с провалами пустых окон, гостиница-бордель с танцзалом на первом этаже и помещением для игры в бинго на втором, выходящем на реку, несколько бревенчатых домов и католическая церковь для канадских лесорубов, новенькая, опрятная, словно и не действовала все прошедшие годы. Впрочем, где ей было тягаться с борделем, танцзалом или даже игрой в бинго. Доктор Кедр у себя в дневнике писал: «В других местах на земле играют в покер, теннис. А здесь, в Сент-Облаке, – в бинго».

Куда же девались обитатели Сент-Облака? Все, кто работал на компанию, переехали вместе с ней вниз по реке. Но место совсем не вымерло, остались проститутки с детьми – немолодые и не слишком привлекательные. Приют церкви, не избалованный вниманием прихожан, тоже покинул Сент-Облако в кильватере компании «Рамзес». Надо же кому-то спасать человеческие души!

В «Краткой летописи Сент-Облака» (как назывался дневник) доктор Кедр документально засвидетельствовал, что по крайней мере одна из местных проституток умела читать и писать. С последней баржей, уплывающей вместе с компанией «Рамзес» в цивилизованное будущее, эта грамотея отправила письмо по адресу: «*Чиновнику штата Мэн, отвечающему за сирот!*»

Письмо, как ни странно, дошло до чиновника, отвечающего за сирот. Оно двигалось по инстанциям благодаря не столько «диковинности содержания», как писал доктор Кедр, сколько отчаянной мольбе о помощи. И в конце концов попало в совет здравоохранения штата Мэн. Письмо никому не ведомой проститутки подсунили, как наживку, самому младшему члену совета – «птенцу, только что выпорхнувшему из гнезда, то бишь из Гарвардской медицинской школы» (как сам себя назвал доктор Кедр). Коллеги по совету считали его безнадежно наивным либералом и демократом. В письме говорилось: «*В Сент-Облаке должен быть чер-*

тов доктор, чертова школа, чертов полицейский со своим чертовым законом, потому что все чертовы мужики (их и раньше было немного) отсюда смотались и бросили беспомощных женщин и сирот на произвол судьбы!»

Председатель совета был старый, отошедший от дел врач, который искренне полагал, что из всех двуногих существ в мире только он и президент Тедди Рузвельт были сделаны не бананом.

– Почему бы вам не заглянуть в эту дыру, а, Кедр? – обратился он к молодому коллеге, не подозревая, что эта полупросьба-полуприказ очень скоро обернется для совета созданием штатного сиротского приюта. И что придет день, когда придется раскошелиться и федеральным властям. Но и этого будет мало, и взоры попечителей обратятся к менее надежным источникам финансирования – частным благотворителям.

Как бы то ни было, в 1900-е годы, когда двадцатый век, такой еще юный и многообещающий, начал свое победное шествие по планете (коснувшись и внутренних районов штата Мэн), доктор Кедр приступил к врачеванию застарелых пороков Сент-Облака. Эта работа была как будто специально создана для него. За почти двадцатилетний срок доктор лишь однажды покинул приют – когда началась Первая мировая война. Но вряд ли на войне он был более полезен. В самом деле, кому еще можно было поручить исправление зла, причиненного бумажной компанией «Рамзес», как не человеку, носящему имя дерева, неподвластного воздействию времени? У себя в дневнике, в самом его начале, доктор Кедр писал: «Есть ли на свете более подходящее место для самоусовершенствования и борьбы с окружающим злом? Зло здесь не просто цветет пышным цветом. Можно сказать, оно почти что восторжествовало».

В 192... году, когда новорожденный Гомер Бур лишился крайней плоти и получил столь звучное имя, сестра Эдна (та, что была влюблена) и сестра Анджела (та, что не была) вместе придумали для основателя приюта – прекрасного врача, местного летописца, героя войны (имевшего боевые награды) и заведующего отделением мальчиков – вполне подходящее прозвище. Они назвали его Святой Кедр. В самом деле, почему бы и нет? Это он, силой своего авторитета, насовсем оставил в Сент-Облаке Гомера Бура, ибо во всем, что касалось приюта, он был непререкаемый авторитет. Святой Кедр умудрился – и это в двадцатом веке! – найти место в жизни, где он действительно был полезен. А уразумев, что от Гомера никуда не деться, начал и его воспитывать по собственному образу и подобию.

«Так вот, Гомер, – сказал он, приняв то историческое решение, – надеюсь, ты будешь приносить пользу».

А Гомер, сколько себя помнил, всегда старался приносить пользу. По-видимому, это было свойство его характера. Его первые названные родители вернули его в Сент-Облако, решив, что с ребенком что-то неладно: он никогда не плакал. Проснутся ночью, жаловались они, а в доме ни звука. Но ведь они завели младенца, чтобы избавиться от тишины! Они опрометью бросались в детскую: уж не умер ли он? А Гомер тихонько лежал, жевал губки беззубыми деснами, гримасничал, и все. Новоиспеченные родители воображали, что он часами лежит так – мокрый, голодный – и молча терпит. Явно ненормальное явление!

Доктор Кедр пытался втолковать им, что дети в Сент-Облаке скоро привыкают сами справляться с трудностями. Как ни тряслись над своими питомцами сестры Анджела и Эдна, они физически не могли прийти на помощь каждому плачущему младенцу. И у сирот не было моды орать по ночам. Правда, в глубине души доктор Кедр сознавал, что Гомер и для Сент-Облака исключение – так редко он плакал.

Опыт подсказывал доктору Кедру, что люди, которые могут с такой легкостью отказаться от ребенка, вряд ли способны заменить сироте родителей. Из-за такого пустяка решить, что им подсунули идиота! И он не стал метать бисер перед свиньями. Гомер – крепкий, здоровый младенец, а значит, его ожидает долгий, славный жизненный путь. И он взял малыша обратно.

Вторые родители иным образом реагировали на молчание Гомера, привычку жевать губки и тихонько лежать в постельке. Они принялись его бить и выбили-таки из него нечто подобное детскому плачу. Это его и спасло.

Если раньше он стоически переносил неудобства, то теперь, поняв, что от него ждут слез и воплей, пошел им навстречу – надо же приносить пользу! – и начал закатывать концерты. А поскольку он всегда отличался кротостью нрава, то доктор Кедр, узнав, что младенец из Сент-Облака своим ором нарушает покой Порогов-на-третьей-миле, весьма удивился. К счастью, городок находился по соседству и слухи о горластом младенце распространились недели за две и скоро дошли до сестер Анджелы и Эдны, которые были арбитрами всех толков и пересудов, разнообразящих жизнь окрестных лесных, речных и бумажных городков. Услыхав, что их Гомер не дает жителям Порогов спать по ночам, и сопоставив услышанное с тем, что сами о нем знали, они напрямик двинулись к Святому Кедру.

– Это не мой Гомер! – заявила сестра Анджела.

– Он вообще не способен плакать, Уилбур, – вторила сестра Эдна, не упускавшая случая вслух произнести дорогое имя, за что нередко получала выговор от сестры Анджелы, которая находила в этом неуместную фамильярность.

– Доктор Кедр, – подчеркнуто официально обратилась она к нему, – если Гомер Бур и правда криком и плачем будит Пороги, значит эта семья, куда вы его определили, не иначе как прижигает его тельце сигаретами.

Этого, конечно, не было. Горящие сигареты были пунктиком сестры Анджелы. Она ненавидела табак: торчащая изо рта сигарета пробуждала в ней ужасные воспоминания. Однажды к ее отцу зашел канадский индеец поговорить о колодце. А ее любимец, кастрированный и потому особенно ласковый котик по имени Бэндит – у него была полосатая мордочка, точь-в-точь енот, – прыгнул индейцу на колени, а тот – какой кошмар! – возьми и ткни в его розовый нос горящую сигарету. Сестра Анджела именем этого котика своих подопечных не называла, считала, что имя Бэндит больше подходит девочке.

Так вот, семейство из Порогов не были садистами в общепринятом смысле слова. Немолодой муж, молодая жена и взрослые дети от первого брака жили все вместе. Жена очень хотела ребенка, но не беременела. И тогда родилась идея взять сироту, благо приют рядом. Но тут было одно обстоятельство, о котором семья умолчала. Незадолго перед тем дочь мужа родила вне брака ребенка, ухаживать за ним не умела, и тот без конца плакал. Семье, конечно, это не нравилось, а взрослой дочери надоело слушать попреки, она взяла свое чадо и ушла, оставив записку: *«Осточертели ваши стенания. Всего вам хорошего. Надеюсь, скучать не будете»*.

А они, как ни странно, заскучали. Им стало не хватать милого, орущего младенца и его мамы. И однажды кто-то сказал:

– Хорошо бы у нас в доме опять плакал маленький.

Сказано – сделано, семейство отправилось в Сент-Облако и усыновило грудничка.

И надо же было случиться, что им достался самый тихий младенец. Гомер просто попал не в ту семью. Его молчание их возмутило, даже обидело. И они устроили состязание, кто первый исторгнет из младенца рев, кто заставит его громче и дольше орать.

Первый раз он заплакал от голода. Очень громко кричал от щипков и шлепков, остались, между прочим, и отпечатки зубов. Но сильнее всего заливался он от испуга. Семья даже сделала открытие: дети больше всего боятся внезапности. В этом турнире они, как видно, добились блестящих личных успехов, ведь его вопли стали легендой в Порогах, где из-за шума воды вообще трудно что-то расслышать, тем более – чем-то кого-то удивить.

Река на порогах так сильно бурлила, что городок был, как ни прискорбно, идеальным местом для убийств: грохот способен был поглотить не только крик, но и выстрелы, да и с мертвым телом никаких проблем – бросьте труп в бурлящую стремнину, его закрутит и понесет

до самого Сент-Облака, что в трех милях вниз по реке. Представляете себе, с какой силой кричал Гомер!

Около года сестра Анджела и сестра Эдна отучали Гомера с плачем просыпаться среди ночи и кричать из-за любого пустяка; скрипнет ли стул, хлопнет ли дверь, войдет кто-нибудь внезапно – Гомер задавал такой рев, что случайный посетитель мог бы подумать: это не приют, а застенки, где детей подвергают невыносимым пыткам.

– Гомер, Гомер, – успокаивал его доктор Кедр, а побагровевший скандалист набирал в легкие воздуха перед очередной руладой, – из-за тебя нас обвинят в человекоубийстве. И еще, чего доброго, закроют!

Сестры Эдна и Анджела, познакомившись с семейством из Порогов, похоже, испытали даже больший шок, чем бедняжка Гомер.

И даже сам Святой Кедр долго не мог прийти в себя. Ведь он лично разговаривал с каждым членом семейства – и так ужасно ошибся! Он встретился с ними еще раз, приехав забрать Гомера.

До конца жизни запомнит доктор Кедр панический страх, исказивший их лица, когда он, ворвавшись к ним, взял малыша на руки. Этот их страх заставил его задуматься над величайшей двойственностью отношения людей к детям, которая навсегда останется для него загадкой: плоть человеческая желает зачать ребенка, а ум зачастую противится. К несчастью, существуют извращенные умы, требующие, чтобы женщина родила ребенка вопреки своему желанию. Во имя чего? Зачем рожать на свет никому не нужных страдалцев?

Ну а тот, кто хочет ребенка, но не может или не умеет о нем заботиться, о чем думает? И всякий раз, размышляя об этом, доктор Кедр вспоминал испуганное до смерти семейство из Порогов-на-третьей-миле и слышал душераздирающие вопли младенца Гомера. Тот, кто видел и слышал нечто подобное, никогда не заставит женщину родить против ее воли. «Никто на свете! – записал в своем дневнике доктор Кедр. – Даже служащие компании „Рамзес“».

Имея хоть каплю здравого смысла, вы бы не стали осуждать аборт в его присутствии. А если бы стали, вам пришлось бы выслушать подробное повествование о шести неделях, проведенных Гомером в Порогах-на-третьей-миле. Именно в разговоре, а не на ученом диспуте. Такие диспуты он вообще отвергал. Он был врач-акушер, но если его просили сделать аборт, он делал, при условии, что операция не грозит здоровью женщины.

Только к четырем годам Гомер избавился от ночных кошмаров, сопровождавшихся такими воплями, что просыпались все обитатели приюта, а одна ночная няня даже уволилась («Второго такого дежурства, – сказала она, – мое сердце не выдержит»). Эти вопли так врезались в память Кедра, что еще много лет слышались ему во сне и он, ворочаясь с боку на бок, бормотал: «Гомер, Гомер, успокойся, все хорошо».

Разумеется, ночью плакали и другие дети, но так громко не плакал никто.

– Как будто его живого режут на куски, – говорила сестра Эдна.

– Или прижигают сигаретой, – качала головой сестра Анджела.

Но только Уилбур Кедр знал, какие кошмары мучат по ночам Гомера. «Как будто его подвергают обрезанию, – писал он у себя в дневнике. – Кромсают его маленький пенис кусочек за кусочком».

Третья приемная семья Гомера Бура, которую тоже постигла неудача, как и две предыдущие, обладала такими исключительными достоинствами, что если бы кто стал судить по ней обо всем человечестве, сделал бы большую глупость. Семья была идеальна во всех отношениях, иначе доктор Кедр не отдал бы туда Гомера. После истории с семейством из Порогов-на-третьей-миле доктор Кедр стал крайне осторожен.

Профессор Дрейпер и его жена, женщина лет сорока, жили в Уотервилле (штат Мэн). В 193... году, когда Гомер отправился в Уотервилл, это был весьма невзрачный университетский городок, но по сравнению с Сент-Облаком или Порогами Уотервилл мог по праву считаться очагом нравственности и просвещения. Он тоже был расположен далеко от побережья, но не в долине, а на возвышенности – здесь уже начинались предгорья, – что давало его жителям некие духовные преимущества (как и тем, кто живет на обширной равнине или затерянном среди океана острове). Эти счастливицы имеют возможность как бы глянуть за край земли. Перспектива раздвигающихся горизонтов обогащает душу. Так, по крайней мере, полагал профессор Дрейпер, прирожденный лектор и педагог.

Замкнутые долины, развивал он свою мысль, обнесенные, как оградой, лесом, ограничивающим кругозор, обладают свойством подавлять высшие проявления человеческого духа и поощрять низменные, мелочные инстинкты.

– Спокойно, Гомер, – говорила в этих случаях миссис Дрейпер. – Профессор любит ораторствовать. Не принимай его слова совсем уж всерьез.

Все в семье звали ее Мамулей; Дрейпера же никто, даже взрослые дети и внуки, не величал иначе как Профессор. Даже доктор Кедр не знал его имени. При всей его склонности к нравочениям и витиеватой манере выражаться, он был в общем человек неплохой, легкий в общении, к тому же слушать его было всегда забавно.

– Мокрые ботинки, – однажды заявил он Гомеру, – неотъемлемая черта штата Мэн. Их следует принимать как данность. Твое решение вопроса оставлять их на подоконнике на тот маловероятный случай, что проглянет чахлое мэнское солнце, заслуживает, Гомер, всяческого уважения за оптимизм и позитивизм. Тем не менее я бы предложил тебе иное решение проблемы мокрых ботинок, которое, заметь, никоим образом не зависит от погодных условий и основано на использовании более надежного источника тепла, а именно печки. Если принять во внимание тот факт, что обувь промокает именно в те дни, когда нет солнца, то, согласишься, печное решение вопроса имеет ряд неоспоримых преимуществ.

– Не принимай уж слишком всерьез, Гомер, слова Профессора, – напомнила приемышу миссис Дрейпер, которую сам Профессор всегда называл Мамулей (а Мамуля его – Профессором).

Даже если Гомер и не считал разглагольствования Профессора простыми и ясными, они его не раздражали. Пусть студенты и коллеги Дрейпера на кафедре истории считают его претенциозным занудой и разбегаются при его приближении, как кролики из-под носа добросовестной, но заторможенной охотничьей собаки. Это не могло повлиять на отношение Гомера к первому в его жизни отцу, достойному сравнению с доктором Кедром.

Гомера окружили в Уотервилле заботой, какой он никогда прежде не знал. Сестра Эдна и сестра Анджела занимались им только в экстренных случаях, а доктор Кедр скорее исполнял роль строгого, отстраненного наблюдателя, хотя и любившего его всем сердцем. Миссис же Дрейпер была настоящей «мамулей», заботливой и внимательной. Вставала задолго до его пробуждения и, пока он завтракал, пекла пирожки, которые чудесным образом оставались теплыми в ранце до полудня. Более того, она сама возила Гомера в школу на велосипеде – не по шоссе, а напрямик по пешеходным тропам; это был, как она говорила, ее моцион.

После лекций профессор Дрейпер заходил за Гомером на спортивную площадку – казалось, расписание уроков было специально составлено так, чтобы последний урок совпадал с последним занятием Профессора, – и они вместе возвращались домой. Зимой это был настоящий лыжный поход: искусство ходить на лыжах Профессор приравнивал к умению читать и писать.

«Упражнять надо и тело, и ум, Гомер», – любил повторять профессор.

Легко понять, почему этот человек произвел столь благоприятное впечатление на Уилбура Кедра. Он был живым воплощением полезности.

Честно говоря, Гомеру нравилось это размеренное, лишенное неожиданностей существование. Сирота еще больше, чем обычные дети, нуждается в незыблемом, предсказуемом распорядке жизни. Именно поэтому доктор Кедр никогда не отступал от раз и навсегда заведенного распорядка. Завтраки, обеды и ужины поглощались в строго отведенные часы. По вечерам доктор Кедр читал вслух в спальне мальчиков, начиная и кончая чтение всегда в одно время, даже если случалось остановиться на самом интересном месте. Мальчишки просили – еще немножко, хоть пять минуток, но Святой Кедр был неумолим. «Завтра продолжим в то же время», – говорил он под вздох разочарования. Он воспитывал в сиротах то, что представлялось ему главным, – ощущение стабильности жизни. «Здесь, в Сент-Облаке, – писал он в своей хронике, – ребенок чувствует себя защищенно, поскольку уверен, что все обещанное сбывается. Обещание для него – залог завтрашнего дня. И он живет, предвкушая следующее обещание. Только так действуя, медленно, но неуклонно, можно воспитать в сироте чувство защищенности».

Это «медленно, но неуклонно» как нельзя лучше описывает образ жизни Дрейперов. Каждое действие заключало в себе полезный урок, в каждом углу уютного богатого дома находилось что-то достойное внимания, сулящее в будущем принести пользу.

– Это Руфус. Он очень старый, – знакомил Профессор Гомера со своей собакой. – Это коврик Руфуса, его владение. Когда Руфус спит в своих владениях, не буди его, он может тяпнуть.

Говоря это, Профессор будил древнего пса, тот ощеривался, клацал зубами и озадаченно принюхивался, чую забытые запахи прошлого, – так пахло когда-то от теперь уже взрослых детей Профессора, обзаведшихся семьями и собственными детьми.

Гомер познакомился со всеми ними в День благодарения. Этот день в семье Дрейперов превращался в грандиозное празднество, способное пробудить в любой семье комплекс неполноценности. Мамуля превзошла себя в приготовлении лакомых блюд. Профессор сочинил выступления на все мыслимые и немыслимые темы: сравнительный анализ белого и темного мяса домашней птицы; последние выборы; возможные конфигурации вилок для салата; преимущества романа девятнадцатого века (не говоря уже о всех других преимуществах прошлого столетия); искусство приготовления клюквенного соуса; истинная сущность покаяния; польза физических упражнений (включая сравнительную оценку рубки дров и катания на коньках); послеобеденный сон – один из семи смертных грехов. Каждое мудреное выражение Профессора встречалось его взрослыми детьми (двумя замужними дочерьми и женатым сыном) одобрительным хором, в котором преобладали восклицания:

- Вот именно, Профессор!
- Так оно всегда и бывает!
- Истинная правда, Профессор!

Эти автоматические реплики умеренно разбавлялись любимой присказкой Мамули: «Спокойно, спокойно, не принимайте слова Профессора совсем уж всерьез!»

Гомер выслушивал это нескончаемое сотрясение воздуха, как инопланетянин, силящийся расшифровать язык барабанного боя неведомого племени. Он то и дело терял нить разговора. Бессмыслица происходящего душила его. И, лишь став гораздо старше, он задался вопросом: что больше тогда отвращало его – самодовольство, то явное, то подспудное, или же энтузиазм, с коим отправлялось это насквозь фальшивое торжество?

Постепенно жизнь в Уотервилле разочаровывала его, происходящее становилось препятствием на пути к самому себе, к тому, чем ему предстояло стать. Ему вспомнились Дни благодарения в Сент-Облаке. Да, они были не такие шумные и богатые, как у Дрейперов, но в них было больше человеческого, и он чувствовал там, что нужен. Случалось, пургой обрывало электрические провода – и он по всему дому зажигал свечи и керосиновые лампы. Кормил самых маленьких, помогал мыть на кухне посуду, успокаивал вместе с сестрами Эдной и Анджелой

плачущих малышей и даже был курьером доктора Кедр – самое ответственное и почетное дело в Сент-Облаке. Словом, к десяти годам, еще задолго до того, как доктор Кедр сказал то знаменитое напутствие, в Гомере уже окрепло ощущение своей полезности.

Чем же все-таки День благодарения у Дрейперов так разительно отличался от праздника в Сент-Облаке? Как кулинар Мамуля не знала себе равных; стало быть, дело не в еде – в Сент-Облаке еда как раз не отличалась изысканностью. Может, молитва благодарения? В Сент-Облаке молитва была довольно проста и прозаична, ведь доктор Кедр был не очень-то религиозен.

– Вознесем благодарение... – начинал он и делал паузу, как будто и впрямь решал, за что благодарить. И чуть погодя объявлял: – За все то доброе, что мы ежедневно получаем. – При этих словах доктор Кедр сдержанно оглядывал сидевших вокруг брошенных, нежеланных детей и произносил окрепшим голосом: – Вознесем благодарение за то, что у нас есть сестра Анджела и сестра Эдна. За то, что есть выбор... За возможность начать новую жизнь, – добавил он однажды, бросив взгляд на Гомера.

Одним словом, молитва в Сент-Облаке отличалась разумностью и сдержанностью – отличительными свойствами доктора Кедра.

У Дрейперов же молитва была странным, весьма продолжительным действием, что, по-видимому, объяснялось особым – семейным – пониманием сущности покаяния. Согласно профессору Дрейперу, истинное покаяние следует начинать с объявления себя грешником. Молитву благодарения Профессор начал словами: «Повторяйте за мной: я грешен, я сам себе омерзителен, но я возношу благодарение за всех членов моей семьи!» И все хором повторили эти слова, даже Гомер, даже Мамуля, которая на сей раз воздержалась от своего любимого: «не относитесь так уж всерьез...»

Приют Сент-Облако был не очень сентиментальным местом, но благодарственная молитва произносилась от всего сердца. Первый раз Гомер заметил фальшь в семье Дрейперов именно в День благодарения. В отличие от Сент-Облака, жизнь в Уотервилле зиждилась на крепких устоях, дети и внуки были желанные. В чем же тогда каяться? Может, счастью, удаче всегда сопутствует чувство вины? Фамилия Кедр (как объяснили Гомеру) означает дерево. Но тогда Богу (в Уотервилле Его без конца поминали) подошло бы название чего-то более прочного – льда или, скажем, скалы. Бог Дрейперов был трезвый Бог, но День благодарения в Уотервилле, к удивлению Гомера, обернулся настоящей попойкой.

По выражению Мамули, Профессор в тот день «изрядно перебрал». Это, похоже, означало, что он превысил дневную дозу, от которой, прибавила Мамуля, он бывал лишь навеселе. Обе замужние дочери, да и женатый сын тоже, как видно, перебрали. По случаю праздника Гомеру (и внукам) позволили пойти спать позже, и он оказался свидетелем забавного представления. Он и раньше слышал, засыпая, возню на лестнице, стуки, скрипы, шуршание, чей-то приглушенный укоряющий голос. Выяснилось, что голос принадлежал Профессору, протестующему против насильственных действий Мамули, которая волокла его по лестнице в спальню: там подняла его на руки и не очень вежливо уложила спать, проявив незаурядную физическую силу.

– Вот что значит регулярные тренировки! – воскликнул взрослый женатый сын и вывалился из зеленого шезлонга на коврик подле старины Руфуса, словно раскусил во рту ампулу с цианистым калием.

– Яблоко от яблони!.. – воскликнула одна из замужних дочерей.

Вторая замужняя дочь молчала – она мирно спала в кресле-качалке, опустив пальцы до вторых костяшек в почти полный бокал, балансировавший, подобно канатоходцу, у нее на коленях.

Оставленные без присмотра внуки с упоением попирали все домашние правила и устои. Увещательные речи Профессора были забыты.

Гомер Бур, которому еще не было десяти, поднялся к себе в комнату и лег в постель. Чтобы уснуть, он часто прибегал к испытанному средству: вспоминал один особенно грустный эпизод из жизни Сент-Облака – отъезд матерей из приютской больницы, которая соединялась с отделением мальчиков длинным переходом (в нем когда-то хранились запасные лезвия к циркулярным пилам). Было еще очень рано и совсем темно, шел снег, подсвеченный огнями стоявшего у дверей больницы фургона. Гомер всегда плохо спал, часто пробуждаясь ни свет ни заря – как раз когда подъезжал фургон, привозивший со станции работниц – поварих, уборщиц и первую смену больничного персонала. Фургон, собственно, был списанным железнодорожным вагоном, зимой его ставили на полозья, превратив в огромные сани, запряженные лошадьми. Иногда снега на дороге было мало, и полозья со скрежетом высекали из булыжников снопы искр (их сменяли на колеса лишь с приходом весны). На самодельном сиденье рядом с закутанным в пледы возницей горел фонарь ярким, но неровным светом, напоминавшим пламя факела; внутри же вагона теплились лишь слабые огоньки. В то раннее утро возле вагона топтались в снегу несколько женщин, ожидая, когда из него выйдут приехавшие. Гомер никого из этих женщин не знал, вид у них был робкий, будто пристыженный. Служащие приюта, выходявшие из вагона, старались держаться от них подальше, одна даже обронила какую-то грубость. Что именно – Гомер не расслышал, но женщин как порывом ветра отбросило от обидчицы. Они поднимались в вагон, понунив голову, не глядя друг на друга, не перекидываясь словечками. А возница, веселый, добродушный малый, готовый вступить в разговор с любым пассажиром в любую погоду, молчал, точно набрал в рот воды.

Вагон медленно развернулся и заскользил по обледенелой дороге к станции. В освещенные окошки было видно, что одни женщины прячут лицо в ладони, другие сидят безучастно, окаменело, как на похоронах, боясь шелохнуться, чтобы не потерять самообладания.

В то утро Гомер впервые увидел мам, навсегда оставивших своих детей в Сент-Облаке. Он их почти не разглядел, но хорошо, что видел их сейчас, когда все позади, а не накануне, в день приезда, с огромным животом, придавленных грузом забот. Выглядели они совсем не так, как люди, сбросившие наконец тяжкое бремя, его собственные глаза были свидетелями этому. Никогда в жизни не видал он более несчастных существ, и, наверное, не случайно покидали они приют в предутренние часы.

В ту ночь, завершившую День благодарения у Дрейперов, Гомер, чтобы скорее уснуть, вспоминал этих матерей, ожидавших на снегу фургон, но не ограничился только виденным. Когда сон не шел, он совершал с женщинами весь их путь до станции, садился с ними на поезд, провожал до жилищ; он отыскивал среди них мать и шел за ней. Было трудно вообразить себе, как она выглядит, где живет, откуда родом, воротилась ли в родные места. Еще труднее было представить себе отца. Как она вернулась к нему, если вернулась? Подобно многим сиротам, Гомеру казалось, что он часто встречает родителей, но те не узнают его. Когда он был маленьким, его много раз ловили на том, что он, расширив глаза, смотрел на чужую женщину, иногда с явной любовью, иногда с интуитивной враждебностью. «Перестань, Гомер, – говорил ему в таких случаях доктор Кедр. – Просто не думай об этом, и все». Но и став взрослым, Гомер Бур частенько замечал, что смотрит на идущую мимо женщину тем же вопрошающим взглядом.

В ту ночь в Уотервилле он так отчаянно вглядывался в образы родителей, что казалось, еще миг – и они материализуются; но именно в этот миг он в изнеможении уснул. Его бесцеремонно разбудил один из внуков, мальчик постарше его. Гомер совсем забыл, что в ту ночь он будет с кем-то делить постель – дом был переполнен гостями.

– А ну подвинься, – потребовал мальчик.

Гомер подвинулся.

– И не вздумай доставать свой петушок, – добавил мальчик, хотя, разумеется, причин для такого заявления не было. – Знаешь, что такое содомия? – помолчав немного, спросил мальчик.

– Нет, – ответил Гомер.

– Знаешь, не ври. В Сент-Облаке вы все этим занимаетесь. Трахаете друг друга! Только попробуй прикоснись ко мне, отправишься обратно в приют без своего петушка, – пригрозил мальчишка. – Я его отрежу и скормлю собаке.

– Руфусу? – спросил Гомер.

– Ему, а кому же! Будешь еще врать, что не знаешь про содомию?

– Не знаю, – повторил Гомер.

– Сейчас узнаешь! Хочешь, покажу?

– Не очень.

– Хочешь, хочешь, – заявил мальчишка и попытался было проделать то, о чем Гомер и слыхом не слыхал.

Внук этот освоил технику содомии в очень дорогой частной школе, но вот кричать во всю силу легких там его не обучили; Гомер же еще в младенчестве овладел этим искусством и сейчас счел за благо огласить дом своим знаменитым воплем.

Вопль разбудил Мамулю, спавшую сном праведницы (остальные Дрейперы пребывали в отключке), и, конечно, всех внуков, которые были младше Гомера и к тому же не знали его легендарной способности, так что вопль вызвал среди них настоящую панику. Даже дряхлый Руфус и тот залязгал зубами.

– Бога ради! Что здесь происходит? – ворвалась Мамуля в спальню Гомера.

– Он хотел трахнуть меня. Ну я ему и наподдал, – сообщил ученик очень дорогой частной школы.

Гомер силился справиться со всей легендарной способностью, вернуть ее обратно на страницы истории. По младости лет он еще не знал, что взрослые верят внукам больше, чем приемышам.

«Здесь, в Сент-Облаке, – писал доктор Кедр, – происхождению значения не придается. Это жестоко и унижает достоинство. Увы, в других местах на земле сирота, чья родословная неизвестна, всегда вызывает подозрение».

Мамуля отлупила Гомера, доказав, что семейству из Порогов по этой части далеко до нее. И отвела до утра в котельную; там было сухо, тепло, стояла раскладушка, которую летом брали с собой в походы.

Еще там сохло много пар обуви, одна из которых принадлежала Гомеру. Подобрал он и сухие носки по ноге. Нашел теплый, почти сухой комбинезон и облачился в него. Он понимал, что Мамуля и Профессор слишком дорожат семейной репутацией и не станут поднимать шум из-за какой-то там содомии. Так что, если он хочет вернуться в Сент-Облако, а он уже хотел, действовать надо самому.

Во время экзекуции Мамуля намекнула Гомеру, как его будут воспитывать, и сказала, что верит в его скорое исправление.

А в котельной велела встать на колени перед раскладушкой и повторять за ней странную молитву Профессора.

– Я грешен, я сам себе омерзителен, – повторял Гомер, чувствуя фальшь каждого слова.

Но никогда еще он так не нравился сам себе: еще немного – и он поймет наконец, кто он, что он и какую пользу сможет приносить в жизни. Он был уверен: произойти это может только в Сент-Облаке.

Поцеловав его на ночь, Мамуля сказала:

– Не придавай значения, Гомер, всему, что пишет о содомии Профессор. И не принимай все его речи так уж всерьез.

Гомер Бур решил не дожидаться речи Профессора еще и на эту тему. Вышел из котельной; снегу выпало по колено, но это не остановило его. Профессор Дрейпер научил его преодолевать пешком заснеженные пространства. Гомер оказался отличным ходоком. Очень скоро

он вышел на главную улицу, которая привела его на широкое, уходящее вдаль шоссе. Уже рассвело, когда возле него притормозил первый грузовик, груженный бревнами. Как раз то, что нужно, решил Гомер.

– Мне надо в Сент-Облако, – сказал он водителю. – Я заблудился, не знаю, куда идти.

В 193... году каждый лесозаготовитель знал, где находится Сент-Облако. Но мальчик шел в противоположную сторону.

– Ты идешь не туда, малыш, – сказал водитель Гомеру. – Поверни и поймай машину, которая едет в обратном направлении. А ты правда из Сент-Облака? – спросил водитель. Он, как и многие, полагал, что дети обычно бегут из приюта, а не возвращаются в него.

– Я просто там живу, – попытался объяснить Гомер, но водитель махнул ему рукой и уехал.

По мнению доктора Кедр, этот бессердечный водитель, оставивший ребенка одного на дороге в такой снегопад, наверняка работал на компанию «Рамзес». Следующий грузовик был также с лесоповала, шел порожняком за новой партией бревен, и Сент-Облако был ему по пути.

– Ты сирота? – спросил водитель, узнав, куда держит путь Гомер.

– Нет, – ответил Гомер. – Я просто пока там живу.

В 193... году по заснеженным дорогам штата Мэн ездили медленно. Сильно смеркалось, когда Гомер добрался наконец до родного дома. Было так же темно, как и тогда на рассвете, когда он впервые увидел мам, оставивших в приюте детей. Какое-то время Гомер стоял у дверей больницы, наблюдая, как падает снег. Затем повернулся, подошел к отделению мальчиков, постоял там. И опять вернулся к дверям больницы, где было больше света.

Он все еще думал, что сказать доктору Кедру, когда у входа в больницу остановился почтовый фургон со станции – тот самый вагон на полозьях, привозящий и отвозящий невеселых пациенток Сент-Облака. На сей раз из него вышла всего одна женщина. У нее был такой огромный живот, что возница хотел было проводить ее, боясь, что она поскользнется, но, вспомнив, зачем она здесь, подумал, наверное, что богопротивное это дело – помогать таким женщинам. Развернул свой вагон и покатил обратно на станцию. Женщина осторожно брела по колено в снегу, приближаясь к Гомеру. Вид у нее был такой потерянный, что он сам позвонил в дверь. И подумал: ей, наверное, тоже нужно собраться с духом, приготовиться к разговору с доктором Кедром.

Если бы кто увидел их сейчас, принял бы за мать и сына. Во взглядах, которыми они обменялись, было именно это родственное взаимопонимание, как будто они читали мысли друг друга. Гомера беспокоил предстоящий разговор с доктором Кедром, но он понимал, что женщине труднее, – она ведь не знакома с доктором и ничего не знает о Сент-Облаке.

Внутри вспыхнул яркий свет, и Гомер различил величественный силуэт сестры Анджелы, спешащей к дверям. Непонятно, что толкнуло его взять за руку беременную женщину. Может, он заметил у нее на щеке замерзшую слезу, а может, самому захотелось опереться на чью-то руку. Но, увидев, как сестра Анджела вглядывается в снежную мглу, отпирая замерзший замок, Гомер успокоился и сказал женщине, беременной никому не нужным ребенком:

– Не волнуйтесь. Здесь все очень хорошие люди.

Женщина в ответ с такой силой сжала Гомеру руку, что ему стало больно. И с его губ чуть не сорвалось самое, казалось бы, не подходящее сейчас слово «мама!». Но в этот миг сестра Анджела совладала наконец с замком и заключила Гомера в объятия.

– О-о! – воскликнула она. – Гомер! Мой, наш Гомер! Я так и знала, что ты вернешься!

И поскольку рука беременной женщины все еще крепко сжимала руку Гомера – у обоих не хватало духу их разнять, – сестра Анджела повернулась к ней и тоже обняла. В эту минуту ей почудилось, что эта женщина – такая же сирота, как Гомер, и, так же как он, вернулась к себе домой.

Доктору Кедру Гомер сказал, что в Уотервилле от него не было никакой пользы. Но тут позвонили Дрейперы, сообщили, что Гомер убежал, и объяснили причину. Так что Гомеру пришлось-таки рассказать историю с содомией. Пьянство профессора немало удивило доктора Кедра (пьяниц, как правило, он распознавал безошибочно), а услышав о молитве, только развел руками. В результате записка, посланная доктором Кедром Дрейперам, отличалась несвойственной ему лаконичностью.

«Покайтесь», – гласила она. На этом можно было поставить точку, но Кедр не удержался и приписал: *«Вы грешны, вы должны быть сами себе омерзительны»*.

Уилбур Кедр понимал, что найти четвертую семью для Гомера будет не так-то просто. Поиски заняли три года – к этому времени Гомеру было уже двенадцать лет – почти тринадцать. Кедр знал, в чем беда, – нужны годы, чтобы Гомер где бы то ни было почувствовал себя покойно и защищенно, как в Сент-Облаке.

«Здесь, в Сент-Облаке, – писал Кедр в своих хрониках, – у нас есть только одна проблема. То, что на свете были и будут сироты, нас не заботит; ситуация в принципе неразрешима, наше дело – как можно лучше заботиться о них. Не проблема и вечная нехватка денег: приюты финансируются в последнюю очередь, и с этим ничего не поделаешь. Нас не касается и то, что женщина, забеременев, иногда не хочет ребенка. Наверное, придет когда-то просвещенное время и закон даст ей право избавляться от нежеланного ребенка. Но и тогда останутся женщины необразованные, запутавшиеся, испуганные. Так что и в самые просвещенные времена никому не нужные дети все равно будут рождаться на свет.

И конечно, всегда будут дети-сироты, чье рождение ожидалось как манна небесная, но которых обездолил несчастный случай или злонамеренное насилие. Но это тоже не наша проблема. Здесь, в Сент-Облаке, мы не можем впустую тратить духовные и физические силы, коих и так немного, на борьбу с темными сторонами жизни. Здесь, в Сент-Облаке, есть только одна проблема. Имя ей – Гомер Бур. С этим мальчиком мы добились особых успехов. Сиротский приют стал для него отчим домом. Это-то и есть проблема. Государственное учреждение не может и не должно вызывать в детях любовь, какая уместна только в семье. А тем более приют для сирот. Ведь это всего лишь пересадочный пункт на пути к лучшей жизни. И нельзя превращать его в монстра – начальную и конечную станцию, представляющуюся сироте единственным надежным на земле пристанищем.

Ничто не может оправдать жестокость, но здесь, в сиротском приюте, нам, возможно, вопреки себе, надо сдерживать свою любовь; если это не удастся, мы создадим приют, который ни один сирота не захочет покинуть по доброй воле. И мы породим новый человеческий подвиг – вечного сироту, ибо его отчим домом будет сиротский приют. Да простит меня Господь (или кто там вместо Него), я своими руками вырастил вечного сироту: имя его – Гомер Бур, и похоже, что он останется в Сент-Облаке навсегда».

К двенадцати годам Гомер знал Сент-Облако как свои пять пальцев. Досконально изучил газовые плиты и дровяные сараи, плавкие предохранители, бельевые шкафы, прачечную, кухню; все укромные уголки, где ночевали кошки; знал всех поименно, кто в какую смену работает; когда привозят почту; кто получает письма; где поступившим матерям бреют лобки; сколько времени они остаются в приюте, когда уезжают и в какой нуждаются помощи. Он знал расписание всех звонков, – вообще-то, он сам их и давал; знал всех преподавателей, опознавал их по походке с расстояния двухсот ярдов, когда они шли со станции. Знал в приюте всех девочек, но те немногие, что были старше, почему-то его пугали; он редко заглядывал к ним в отделение, и то только по поручению доктора Кедра, разнося его послания и прописанные им лекарства. Заведующая отделением девочек не имела медицинского образования, и доктор Кедр лечил девочек сам – либо приходил в отделение, либо они шли к нему. Заведующей была ирландка из Бостона, работавшая какое-то время в Новоанглийском приюте для мало-

летних бродяжек. Звали ее миссис Гроган, хотя она никогда не поминала мистера Грогана, да и, увидев ее, вряд ли кто заподозрил бы, что у нее был когда-нибудь спутник жизни; наверное, слово «миссис» нравилось ей больше, чем «мисс». Миссис Гроган принадлежала к обществу «Маленькие служители Господни». Доктора Кедр это вначале насторожило, но миссис Гроган не делала попыток превратить Сент-Облако в филиал общества, и факт этот сам собой забылся. Скорее всего, ей было не до общества; она не только заведовала отделением девочек – на ней лежал весь учебный процесс, каким бы хилым он в Сент-Облаке ни был.

Для сирот, которые кончали в приюте шестой класс, образование на этом завершалось. Но таких было немного. Школа-шестилетка находилась в Порогах-на-третьей-миле – всего одна остановка на поезде. Но в 193... году поезда часто опаздывали, да и машинист, работавший по четвергам, обычно в Сент-Облаке не останавливался. Видно, принимал его за вымерший город – столько в нем было заколоченных домов, а может, не одобрял женщин, сходявших на этой станции.

В школе была всего одна комната, и ученики презрительно относились к сиротам, которые изредка появлялись на уроках. Особенно заносились дети из семей, где их самих унижали (одно с другим, как известно, связано). Так что Гомер шесть лет обучался скорее бойцовским качествам, чем наукам. Он часто пропускал уроки – три четверга из каждых четырех, еще раз в неделю из-за опоздания поезда да зимой несколько дней по болезни. А в сильные снегопады поезда вообще переставали ходить.

Уроки были и в самом приюте, из Порогов приезжали сюда две учительницы и учитель, которые тоже страдали от капризов тогдашних железных дорог. Одна учила сирот математике; вообще-то, она была счетоводом на текстильной фабрике – «настоящий живой бухгалтер», говорила о ней сестра Эдна; только почему-то этот «живой бухгалтер» категорически отказывался учить детей алгебре и геометрии, явно предпочитая умножению и делению сложение и вычитание (Гомер был уже великовозрастным юнцом, когда доктор Кедр обнаружил, что он не знает таблицы умножения).

Грамматику и правописание преподавала в Сент-Облаке состоятельная вдова водопроводчика. Методика у нее была жесткая и запутанная. Она давала ученикам цепочки слов без заглавных букв и знаков препинания, изобиловавшие к тому же ошибками. Надо было исправить в словах ошибки, соединить их в предложения и расставить по местам точки и запятые. Затем вдова исправляла работы цветными чернилами, отчего окончательный вариант сильно смахивал на черновик мирного договора между двумя малограмотными воюющими сторонами. Самый текст всегда оставался загадкой для Гомера, даже после всех ее исправлений. А дело было в том, что тексты она брала из семейного псалтыря. Гомер же в церкви ни разу не был и ни одного псалма не слышал; рождественские гимны, которые пела миссис Гроган, он, конечно, знал, но вдова была не так глупа и к рождественским песнопениям в своих целях не прибегала. Гомер столько бился над разгадыванием этих шарад, что по ночам его стали мучить кошмары.

Историю преподавал школьный учитель на пенсии из Кэмдена, несчастный старикан, живший в семье дочери, так как сам о себе он уже заботиться не мог. Учебников у него не было, и всю историю он излагал по памяти, считая, что даты вообще ни к чему. Он мог полчаса с пафосом ораторствовать о Месопотамии, но стоило ему на миг умолкнуть – перевести дух или глотнуть воды, – он вдруг оказывался в Трое или Риме; иногда он выдавал длинные пассажи из Фукидида, но, запнувшись, заканчивал их Наполеоном на Эльбе.

– Он умеет раздвигать исторические горизонты, – сказала как-то сестра Эдна доктору Кедру. – Это развивает в детях чувство исторической всеобщности.

– Всякий раз, как я пытаюсь вникнуть в то, что он говорит, – возразила сестра Анджела, возведя глаза к небу, – мне приходит в голову сотня доводов в пользу войны.

Насколько Гомер понял, сестра Анджела хотела этим сказать, что не следует слишком долго заживаться на этом свете. Нетрудно догадаться, ввиду всего этого, что учение нравилось Гомеру гораздо меньше любой приютской работы.

Из всех занятий Гомер больше всего любил готовить доктору Кедру кусок для вечернего чтения в спальне мальчиков; наметить число страниц, которых хватило бы на двадцать минут, – дело нелегкое, ведь Гомер вслух читал медленнее, а про себя быстрее, чем доктор Кедр. Двигаясь черепашьим шагом, доктор Кедр читал «Большие надежды» Диккенса несколько месяцев, а «Давида Копперфильда» больше года. Окончив «Копперфильда», доктор Кедр объявил Гомеру, что начнет сначала «Большие надежды» – ведь все воспитанники, слушавшие этот роман, кроме Гомера разумеется, успели к этому времени покинуть приют.

Впрочем, мало кто из них понимал Диккенса. Его язык был слишком труден, да они вообще еще плохо понимали язык взрослых обитателей Сент-Облака. Но доктора Кедра это не смущало, главное – читать вслух. Того, кто не понимал, словесный поток убаюкивал, а те немногие, что следили за ходом событий, получали возможность хотя бы во сне покинуть на крыльях фантазии Сент-Облако.

Диккенс был любимым писателем доктора Кедра. И конечно, он не случайно выбрал эти романы, ведь в том и другом говорилось о судьбе сироты. («Что, черт побери, можно еще читать сиротам?» – вопрошал он в своем дневнике.)

Воображение Гомера живо рисовало ему картины и образы диккенсовских романов; виселица на болоте «со свисающими с нее цепями, в которые некогда был закован пират», сирота Пип и арестант Магуич, прекрасная Эстелла и мстительная мисс Хэвишем обогащали яркими подробностями его сновидения. Заснув вечером после чтения доктора Кедра, он следовал за призрачными тенями матерей, исчезающих из Сент-Облака под покровом темноты, садился с ними в почтовый вагон, запряженный лошадьми, а позднее в автобус, пришедший на смену вагону, – это новшество было для Гомера зримым свидетельством прогресса. Правда, автобусы в Сент-Облаке не прижились. И с тех пор женщины приходили и уходили пешком, что познакомило Гомера с оборотной стороной прогресса.

Матерей он часто видел во сне, а вот мужчины... Хотя бы один раз женщина пришла сюда не одна! Где же они были, что делали, пока женщина оставалась в Сент-Облаке? Гомеру очень нравился отрывок из «Больших надежд», где Пип, отправляясь в путь, говорит: «Туман, лежавший повсюду, величаво поднялся, как занавес, и предо мной без конца и края распростерлась земля». Любой мальчишка из Сент-Облака предостаточно знал о туманах. Они заволакивали реку, городишко, приют. Ползли сверху от Порогов-на-третьей-миле, поглощали родителей. И те исчезали навсегда, канув в мутное молоко тумана.

– Гомер, – как-то сказал доктор Кедр, – придет день, и ты увидишь океан. Ты уже знаешь горы. Но горы по сравнению с океаном ничто. Над побережьем часто висит туман. Он бывает гуще, чем у нас. А когда рассеется... Словом, Гомер, это надо видеть своими глазами.

Но океан уже был знаком Гомеру. Сколько раз представлял он себе туман, величаво поднявшийся, как занавес... В ответ он только улыбнулся доктору Кедру и, извинившись, ушел – пора было давать десятичасовой звонок. И вот, когда он начал звонить, за ним в Сент-Облако приехала семья. Доктор Кедр так хорошо его подготовил, что он их сразу узнал. Шел 193... год, Гомеру было двенадцать лет.

Эта пара, говоря современным языком, была ориентирована на спорт. В штате Мэн они были известны как заядлые любители всех видов спорта под открытым небом. В чем только они не пробовали себя: байдарки, хождение под парусом, альпинизм, глубоководное ныряние, туризм по местам девственной природы – всего и не перечислишь. Могли совершить стомильный марш-бросок по пересеченной местности, словом, настоящие спортсмены, презирующие физкультуру, в которой нет риска.

Увидев их, Гомер прозвонил десять часов четырнадцать раз – так он был потрясен их видом: крепкими мускулами, упругим шагом, его охотничьей шляпой, ее мачете для рубки кустарника – он висел в ножнах, расшитых индейским бисером, пристегнут к патронташному ремню; на обоих были сапоги в обтяжку. Они приехали на самодельном предшественнике нынешних вездеходов, таком прочном, что он мог бы служить клеткой для носорога. Гомер вмиг сообразил – его ждет охота на медведей и крокодилов вдали от обжитых мест. Он ударил бы в колокол пятнадцатый раз, но сестра Эдна успела остановить его.

Уилбур Кедр был на сей раз крайне осторожен. За душу Гомера можно было не опасаться. Мальчик, дважды прочитавший «Большие надежды» и «Копперфильда», кроме того, прослушавший в спальне вечером оба романа от корки до корки, и тоже дважды, духовно подготовлен к жизни лучше многих других. А вот физическое его развитие оставляло желать лучшего. Спорт, по мнению доктора Кедра, занятие легкомысленное сравнительно с другими, более насущными, так сказать, фундаментальными. Физкультура в Сент-Облаке была не в чести. Если шел дождь, мальчишки играли в футбол в столовой, в ясную погоду бегали в салки на дворе или гоняли консервную банку. Иногда играли в детский бейсбол, причем мяч подавали сестры – Эдна или Анджела. Мяч делался из носков с помощью клейкой ленты, и, конечно, отскок у него был неважный. Против походной жизни доктор Кедр в общем ничего не имел, хотя мало что понимал в ней. Столько энергии тратится впустую, думал он, но, может, хоть это разовьет в мальчишке чувство юмора.

Фамилия супругов уже рассмешила сестер Эдну и Анджелу. Фамилия была Винкль¹, его звали Грант, ее – Билли. Винкли принадлежали к очень небольшому кругу богатых людей штата Мэн. Их бизнес, как они в шутку называли свое увлечение, прибыли не приносил, да они в ней и не нуждались, купаясь в деньгах с рождения, зато открывал неограниченные возможности ублажать главную страсть их жизни. Они умели подвергать опасности своих клиентов: то заведут в дремучий лес и оставят плутать, то спустят на байдарке по горной реке с перспективой если не утонуть, то разбиться о пороги. Винкли вносили посильную лепту в индустрию псевдошоковых развлечений, которая паразитирует на людях, чья жизнь так стерильна, что только опасности могли еще пробудить в них какое-то подобие чувств. Рассказ Винклей об их бизнесе не произвел впечатления на доктора Кедра: он понимал, эти взрослые просто играют и хотят при этом называть свои игры более серьезным словом. В них его привлекло другое – они были счастливы до безумия. А Уилбур Кедр давно подметил: среди взрослых, как и среди сирот, подобное счастье встречается крайне редко.

«В других местах на земле, – писал он в своей „летописи“, – способность испытывать безумное счастье считается особым свойством ума. Здесь, в Сент-Облаке, мы говорим: безумно счастливы те, в ком нет ни грана ума. А потому назовем это редкое состояние свойством не ума, а души». Говоря о душе, доктор Кедр часто бывал не очень почтителен. Особенно любил подтрунивать над этим возвышенным предметом в операционной, смущая покой сестры Эдны и сестры Анджелы.

Вскрыв однажды брюшную полость, доктор Кедр театральным жестом указал на гладкий бордового цвета орган, лежащий справа ниже ребер. Он походил на трехфунтовую буханку хлеба или на слизня, состоящего из двух огромных доль. «Смотрите, – прошептал Кедр. – Ее очень редко можно увидеть, нам посчастливилось застать ее спящей. Скорее смотрите, пока она не проснулась!» Сестры во все глаза воззрились на загадочный орган. «Душа!» – благоговейно прошептал Кедр. Это была, разумеется, печень, самая крупная железа человеческого организма, частично наделенная свойствами, приписываемыми душе, способная к тому же регенерировать клетки. Доктор Кедр считал печень важнее души.

---

¹ *Rip van Winckle* – герой-неудачник из одноименной повести американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783–1859). (Здесь и далее примеч. перев.)

Не важно, чем было «безумное» счастье Винклей – свойством ума или свойством души, в любом случае доктор Кедр надеялся, что хоть малая толика его передастся Гомеру. Винкли мечтали о ребенке давно, «чтобы делить с ним радость общения с природой», поведали они доктору Кедру, и, конечно, сделать его счастливым. Глядел на них Уилбур Кедр, глядел – и вдруг его осенило. Где уж им зачать ребенка, они вечно в походе, в борениях, не про них заповедь «плодитесь и размножайтесь». Впрочем, подумал он, взглядевшись в Билли Винкль, может, она не совсем женщина?

Грант излагал ему свои планы, а доктор Кедр пытался рассмотреть его физиономию, которая пряталась между белесой челкой, скрывающей низкий лоб, и русой бородой; виднелись только края скул, над ними – глаза, все остальное пространство заросло густой бородой, для стрижки которой Билли Винкль и носила, наверное, мачете.

Для начала Винкли решили взять Гомера в небольшое путешествие по заповеднику на севере штата. Пойдут на байдарке, кое-где потащат ее волоком. Цель путешествия – наблюдать жизнь лосей и знакомство с горными реками.

Святой Кедр рассудил, что такое путешествие под опекой искушенных Винклей не будет для Гомера опасно. Другое дело, захочет ли он насовсем остаться с ними. Бесшабашная отвага Винклей вряд ли его отпугнет. Какой мальчишка не мечтает о путешествиях? Но сами Винкли очень скоро могут до смерти надоесть Гомеру. Какая удачная мысль – отправиться в пробное путешествие! Заповедник, горная река, лоси, а между тем мальчик проверит, сможет ли вынести долгие годы общения с Винклями.

– Ну а если тебе в лесах и горах понравится, – бодро-весело сообщил Грант Винкль Гомеру, – тогда нас ждет следующая прогулка – в открытом океане.

«Наверное, они там плавают верхом на китах», – подумал Гомер.

«Будут дразнить акул», – представил себе Кедр.

Взвесив все за и против, он решил: пусть Гомер едет. Гомер не возражал. Ради Святого Кедра он был готов на все.

– Только смотрите, никаких опасных затей, – строго предостерег Кедр Винклей.

– Господь с вами! – воскликнула Билли.

Грант был не менее категоричен.

Доктору Кедру было известно, что через северный заповедник шла одна-единственная дорога, проложенная когда-то компанией «Рамзес» и бывшая по сей день ее собственностью. Рубить в заповеднике деревья компании было строжайше запрещено. Пожалуй, только это – близость к местам, где орудует компания «Рамзес», – всерьез и заботило доктора Кедра.

В самодельном охотничьем фургоне Винклей было тесновато. Груз поражаля разнообразием – байдарка, палатка, рыболовные снасти, кухонная утварь, оружие. Для водителя и пассажиров оставалось совсем мало места. И Гомеру пришлось довольствоваться коленями Билли. Сиденье оказалось широким, но не слишком удобным, колени у нее были твердые как камень. До этого Гомеру лишь один раз довелось ощутить под собой женские колени. Случилось это в Сент-Облаке во время ежегодных гонок на трех ногах.

Это шутовское состязание приют устраивал каждый год для жителей Сент-Облака в благотворительных целях. Собранные деньги шли на нужды приюта, так что участвовать приходилось всем. Последние два года победителем был Гомер – только потому, что с ним в паре бежала самая старшая девочка приюта, она фактически несла его на своем бедре и финишную черту пересекала бегом. Гонки эти заключались в следующем: мальчиков и девочек разбивали на пары, подбирая по возрасту, связывали нога к ноге и пускали бежать наперегонки. Высокая сильная девочка, пара Гомера, явно мошенничала, таща его на себе, поэтому они и побеждали. А в прошлом году уже на финише она споткнулась и упала, нечаянно усадив Гомера себе на колени. Пытаясь встать, он случайно схватился за ее грудь, а она больно ущипнула его за то, что ученик частной школы в Уотервилле назвал «петушком». Звали ее Мелони, хотя офици-

ально нарекли Мелоди: секретарша отделения девочек плохо печатала на машинке и сделала в имени ошибку – такое иногда случалось. Но ошибка оказалась удачной – в девочке ничего мелодичного не было; другое дело мелони, ведь «мелон» значит «дыня»: ее не по годам развитые груди вызывали именно эту ассоциацию. Мелони тогда было шестнадцать лет, но сколько на самом деле, никто в приюте не знал.

Весь долгий путь в заповедник Гомер опасался – вдруг Билли Винкль возьмет и ущипнет его «петушок»? Он видел в окно, как постепенно остаются позади дома, фермы со стадами, вскоре перестали попадаться встречные машины и тягачи. И вот наконец единственная дорога опустела совсем; по большей части она шла вдоль реки, которая мчалась им навстречу со скоростью курьерского поезда. Впереди, казалось – во многих часах езды, маячила гора, увенчанная снежной шапкой, хотя на дворе был июль; название горе дали еще индейцы.

– Вон мы куда едем, – показал мальчику на гору Грант Винкль. – Чуть ниже границы снега – озеро.

– Лоси это озеро обожают, – добавила Билли. – Тебе оно тоже понравится.

Гомер в этом не сомневался. Вот оно – настоящее приключение! И на душе легко, ведь доктор Кедр обещал: никто не заставит его остаться с ними, если он не захочет.

Винкли остановились на ночлег засветло. Между дорогой и бурно несущейся рекой поставили палатку с трех комнатах. В одной зажгли плитку, чтобы сварить ужин; в другой Билли сразу же стала упражняться – села сто раз из положения лежа (Гомер придерживал ей ноги); Грант тем временем ловил форель. Было очень прохладно, и комары им не досаждали. Свет в палатке горел допоздна, полог был откинут, и внутрь вливался свежий ночной воздух. Грант и Билли рассказывали о своих приключениях. (Впоследствии доктор Кедр запишет у себя в дневнике: «О чем еще, черт побери, они могли рассказывать?»)

Грант вспомнил шестидесятилетнего адвоката, который нанял их, чтобы посмотреть, как рождает медведица. И Билли продемонстрировала Гомеру шрамы от медвежьих когтей. Потом был рассказ о клиенте, пожелавшем, чтобы его отправили на утлой лодчонке в открытое море, – хотел изведать, что чувствуют люди, попавшие в экстремальные условия. Он хотел доплыть до берега на одном весле. А Винклям поручил не спускать с него глаз и в случае чего прийти на помощь. Фокус заключался в том, чтобы их присутствие было незаметно. По ночам этот придурок засыпал, его относил далеко в море, и Винкли тихохонько подтягивали его ближе к берегу. А утром, даже если земля виднелась, он снова сбивался с курса. И все-таки пришлось его спасать, когда обнаружилось, что он утоляет жажду морской водой. Клиент так рассердился, что выписал им ничтожный чек. Но в конце концов все-таки заплатил достойный «приключенческий гонорар».

Термин «приключенческий гонорар» придумала Билли.

Гомер понимал, что его предполагаемых родителей не очень-то развеселят истории из приютской жизни. Вряд ли будет иметь успех и рассказ о Дне благодарения в Уотервилле. Но ему хотелось внести свой вклад в романтическую атмосферу первого настоящего приключения. На помощь пришел Диккенс. Доктор Кедр позволил ему взять с собой томик «Больших надежд» – Гомер любил эту книгу больше, чем «Копперфильда». И он спросил Винклей, не хотят ли они послушать пару страничек из его любимой книжки. Согласие, разумеется, было получено – насколько они помнили, им никто никогда не читал вслух. Гомер слегка нервничал: он прекрасно знал текст, но никогда еще не читал перед малознакомой аудиторией.

И он превзошел себя! Ему удалось даже воспроизвести акцент Джо Гарджери, как он его себе представлял. А дойдя до места, где мистер Уопсл кричит «нет!» с бессильной злобой смертельно усталого человека, Гомер почувствовал, что нашел верный тон для всей книги и, возможно, обнаружил в себе в тот вечер свой первый талант. К сожалению, его таланта хватило только на то, чтобы погрузить Винклей в глубокий сон. Но Гомер продолжал читать, теперь уже для себя, и остановился лишь в конце седьмой главы. «Может, дело тут не в моем чтении, –

думал он. – Может, дело в самих Винклях: их сморили сто упражнений, ловля форели и вообще все напряжение походной жизни, какой бы привлекательной она ни казалась со стороны».

Гомер аккуратно расправил складки на огромном спальном мешке Винклей, в котором они свободно уместались вдвоем. Задул лампы, перешел к себе в комнату и заполз в спальный мешок. Он лежал головой к поднятому пологу, видел звездное небо, слушал шум бурлящей воды. Ничего общего с Порогами-на-третьей-миле. Здешняя горная река была совсем другой. Она несла кристально чистые воды по дну глубокого узкого ущелья, ложе ее было усеяно округлыми валунами, а в зеркальных заводях плескалась форель. Гомер мечтал о завтрашнем дне, вот только никак не мог вообразить себе лося. Очень ли он большой? Неужели даже больше Винклей?

Гомер доверял Винклям и ни капельки их не боялся. Их очевидная чужеродность слегка настораживала, но явно ничего опасного – просто чуть измененный человеческий подвид. Когда он засыпал, Винкли в его детском сознании даже перепутались с лосями. Утром его разбудили звуки, несомненно издаваемые этими обитателями леса; но он тут же понял, что ошибся, – звуки шли из соседней комнаты. Винкли энергично приветствовали новый день. Хотя Гомер никогда прежде не слышал, как занимаются сексом люди и спариваются лоси, он сразу сообразил, что там у них происходит. Будь сейчас рядом доктор Кедр, он бы немедленно нашел новое объяснение бесплодию Винклей: их мощное совокупление, решил бы он, наверняка убивает (или пугает до смерти) и яйцеклетку, и сперматозоидов.

Гомер деликатно притворился спящим. Чтобы разбудить его, Винкли придумали игру. Ворвались в комнату на четвереньках, как огромные псы, и стали хватать зубами спальный мешок. «А теперь купаться!» – вдоволь наигравшись, объявили они. Такие большие, такие сильные! Гомер не мог надивиться, глядя на эти горы активной плоти. И все же как они будут купаться в этом бурлящем потоке, ведь он мгновенно размозжит их о валуны и унесет прочь? Сам Гомер не умел плавать даже в спокойной воде.

Но Винкли были асы в любом виде спорта под открытым небом и, конечно, знали толк в снаряжении. Сначала через пороги был переброшен канат – «страховочный», как они объяснили. На одном его конце была похожая на грабли связка шипов, которая точно легла в расщелину между скалами на противоположном берегу, затем Грант прикрутил к канату два других покороче, которые заканчивались сложным устройством – крючками, металлическими петлями и ремнями безопасности. Прикрепив свободный конец первого каната к палатке, Винкли защелкнули у себя на талии ремни безопасности и зависли над самой стремниной. Купание началось. Винклей мотало в бурлящей воде, как надувные игрушки, но никуда не сносило, ведь их крепко держала хитроумная привязь. Гомер с удовольствием глядел, как они резвятся в воде – то нырнут с головой, точно их утянуло на дно, секунда-другая, и они опять в воздухе – прыгают, прогуливаются по кипящей воде. Винкли играли посредине реки, точно гигантские светловолосые выдры. Гомер почти уверовал в их неограниченную власть над стихиями, по крайней мере над водной, и поймал себя на том, что и сам хотел бы принять участие в их захватывающей дух игре. Но крикни он им сейчас, они все равно не услышат; даже издай свой знаменитый вопль, рев водоворота поглотит звук любой силы.

Так Гомер и стоял на берегу, любясь своими намечающимися родителями. Вдруг у него под ногами словно бы задрожала земля. И в памяти сейчас же всплыли глупые сказки из дурно написанных детских книжек: в них земля всегда содрогалась в предвестье чего-то ужасного. Лучше об этом не думать, но земля-то и правда дрожит! И тут ушей его коснулся глухой рокот.

Гомер бросил взгляд на Винклей, не сомневаясь, что ситуация им подвластна. Винкли действительно ныряли вокруг порогов как ни в чем не бывало. Но ведь им ничего не слышно! И дрожания земли не чувствуют – под ногами-то у них вода!

Боже, ведь это лоси, подумал Гомер. Он весь подобрался, глянул на ноги и увидел, что они помимо его воли выбивают чечетку. Целое стало лосей! Рокот перемелся более резкими зву-

ками, как будто палили из пистолетов. Он опять посмотрел на Винклей и по их лицам понял – они тоже слышат пальбу и догадались, что происходит: поведение их изменилось, беспечную веселость как рукой сняло. Они заспешили к берегу, на лицах, все чаще исчезающих под хлопьями пены, застыл явный испуг, взгляды устремлены вверх по течению.

Гомер тоже взглянул туда – и в самое время: сверху по реке двигался сплав, от него до стоянки оставалось не больше тридцати ярдов. Шальные бревна, толстенные, высотой с телеграфный столб, ударившись о валун, как из пушки, выскакивали из воды и, пролетев по воздуху футов двадцать, крушили росшие по берегам деревья, оставляя в лесу проплешины. Остальная масса таких же гигантских бревен катилась вниз по течению, гоня перед собой водяной вал. Мутная от ила вода была насыщена кусками коры, камнями и комьями земли, выбитыми из берегов. Компания «Рамзес» назовет это потом сплавом скромных размеров – всего-то четыреста, ну от силы семьсот бревен.

Гомер сорвался с места и бежал сломя голову, пока не выскочил на дорогу, недостижимую для обезумевших бревен. Обернулся, сплав как раз шел мимо стоянки: палатку, к которой был привязан канат, оторвало от земли и вместе со всем содержимым, включая томик Диккенса, закрутило среди бревен и понесло. Компания «Рамзес» трое суток искала потом тела Билли и Гранта.

Гомер Бур был на удивление спокоен. Посмотрел вверх по течению, ожидая оттуда новых неприятностей. Но там было все тихо. Гомер тяжело вздохнул и полез в охотничий фургон Винклей, который без палатки и кухонной утвари показался ему пустым. Нашел рыболовные снасти, но не решился пойти ловить рыбу – от этой чертовой реки лучше держаться подальше. Обнаружил и несколько ружей; как из них стрелять, он не знал, но уверенности они прибавили. Он выбрал самое большое и грозное на вид – двуствольный дробовик двенадцатого калибра и, вооружившись им, пешком двинулся в обратный путь.

К полудню он сильно проголодался, но скоро услышал позади звук приближающегося тягача с лесозаготовок; судя по натужному пыхтению мотора, тягач шел с грузом. В один день два таких везенья: не умея плавать, Гомер просто не мог составить Винклям компанию, и вот теперь в этом безлюдье – идущий в его сторону грузовик. «В Сент-Облако», – приказал он ошарашенному водителю, на которого тяжеленный дробовик произвел сильное впечатление.

Грузовик принадлежал компании «Рамзес», и поначалу доктор Кедр пришел в ярость, увидев его у дверей больницы. «Если только не экстренный случай, – заявил он потрясенной сестре Эдне, – я и пальцем не пошевелю ради кого-то из этой компании!» Признаться, при виде Гомера он испытал разочарование, а заметив дробовик, встревожился.

– Ты, я вижу, не оставил Винклям никаких шансов, – сурово произнес доктор Кедр.

И тогда Гомер в подробностях объяснил ему, почему так скоро вернулся.

– Ты хочешь сказать, что Винклей больше нет? – переспросил доктор Кедр.

– Их унесло, – кивнул Гомер Бур. – Один миг – и все.

Тут-то Уилбур Кедр и решил никогда больше не искать родителей Гомеру Буру. Вот тут-то он и сказал, что Гомер может жить в Сент-Облаке сколько захочет. Тут-то и произнес свою знаменитую фразу: «Ну что ж, Гомер, надеюсь, ты будешь приносить пользу».

Для Гомера ничего проще не могло быть. Он всегда чувствовал: сироты для того и рождаются на свет – чтобы приносить пользу.

Глава вторая

Работа Господня

Уилбур Кедр был коренным жителем штата Мэн. Он родился в 186... году в Портленде; мать его была молчаливая опрятная женщина, жившая в числе прочей обслуги – кухарок и экономок – в доме Нила Доу, мэра Портленда и отца сухого закона, действующего в штате Мэн. Нил Доу даже выставил один раз свою кандидатуру в президенты от Прогрессионистской партии, но собрал едва десять тысяч голосов – убедительное свидетельство тому, что избиратели были мудрее матери Уилбура Кедр: она боготворила своего хозяина и считала себя скорее его сподвижницей в борьбе за всеобщую трезвость, чем служанкой (кем она на самом деле была).

Знаменательно, что отец Уилбура Кедр был пьяницей – нелегкая участь в Портленде времен мэра Доу. При нем разрешалось выставлять в магазинных витринах разве что пиво и шотландский эль, которые отец Уилбура Кедр поглощал в огромных количествах; эти слабые напитки, говорил он, нужно пить ведрами, если хочешь как следует надраться. Юный Уилбур никогда не видел отца пьяным – тот никогда не шатался, не падал, не лежал в отключке, не кричал, и язык никогда не заплетался. У него скорее был вид человека постоянно удивленного, посещаемого частыми и неожиданными откровениями, которые застигали его на ходу или в середине фразы, словно он сию минуту вспомнил (или, наоборот, забыл) что-то очень важное, занимавшее его мысли вот уже много дней.

Он без конца покачивал головой и всю жизнь распространял одну басню: будто судно «Грейт-истерн» водоизмещением девятнадцать тысяч тонн, построенное в Портленде, предназначалось для рейсов в Северной Атлантике между Европой и штатом Мэн.^[1] Отец Уилбура Кедр был твердо убежден, что два лучших причала в Портлендском порту были воздвигнуты специально для «Грейт-истерна», что новый огромный отель построен в Портленде исключительно для пассажиров «Грейт-истерна» и что судно «Грейт-истерн» до сих пор не вернулось в родной порт лишь оттого, что этому препятствует чья-то злая воля или просто глупость, а может, и подкупленный конкурентами чиновник.

Отец Уилбура Кедр работал токарем на строительстве «Грейт-истерна», и возможно, отупляющий визг токарного станка вкупе с постоянным звоном в ушах от поглощаемого в избытке пива были причиной этого странного заблуждения. Судно «Грейт-истерн» вовсе не предназначалось для рейсов между Портлендом и Европой; первоначально оно строилось для сообщения с Австралией; но бесчисленные задержки со спуском на воду довели его владельцев до банкротства, а для плавания в наших широтах оно оказалось непригодно. И в конце концов где-то сгинуло.

Словом, у отца Уилбура Кедр сохранились весьма путанные воспоминания о тех днях, когда он работал токарем. И он крайне отрицательно относился к борьбе за трезвость, убеждениям жены и к ее хозяину, мэру Нилу Доу. По мнению отца Уилбура Кедр, судно «Грейт-истерн» не возвращалось в Портленд главным образом из-за сухого закона – этого проклятья рода человеческого, обрекшего его на унижительную зависимость от шотландского эля и горького пива. Поскольку Уилбур помнил отца в более поздние годы его жизни, когда история «Грейт-истерна» забылась и отец работал носильщиком на Портлендском вокзале, то он мог только гадать, почему работа на токарном станке считалась пиком его трудовой карьеры.

В детстве Уилбуру Кедру не приходило в голову, что у отца нет пальцев на одной руке («несчастный случай», объяснял он) по той причине, что он и стоя у токарного станка накачивался пивом, и что, возможно, превращением токаря в носильщика объясняется тот пыл, с каким мать боролась за трезвость. Разумеется, со временем он понял, что его родители при-

надлежали к классу обслуги. Их жизненное фиаско стало уроком для Уилбура, и, по свидетельству его преподавателей, учился он как зверь.

Хотя Уилбур Кедр рос в особняке мэра, он ходил в дом только через черный ход и трапезы делил с прислугой великого трезвенника: отец обедал в портовых кабаках, где каждый день напивался. Учился Уилбур Кедр хорошо, ибо предпочитал общество книг разговорам о пользе трезвости, которые с утра до вечера вела прислуга мэра Доу.

Окончив школу, он поступил в Боуденский колледж, а затем и в Гарвардскую медицинскую школу, где увлечение бактериями чуть не сделало его «лабораторной крысой». В лучшем случае он стал бы бактериологом. Преподаватели утверждали, что у него есть исследовательская жилка, к тому же ему нравился идеальный порядок лаборатории. Но у него был и собственный дополнительный стимул. Почти весь первый год занятий в медицинской школе он носил в себе некую бактерию, причинявшую ему физические и душевные страдания, так что им двигал не только научный интерес – он искал панацею от своей хвори. У него была гонорея: можно сказать, нечаянный подарок отца. Его старик, вконец окосевший от пива, так возгордился успехами Уилбура, что не мог отпустить его в университет без подарка. И нанял для сына портлендскую проститутку, устроив ему ночь наслаждения в одной из мебелирашек в районе порта. Был 188... год. Отказаться от такого подарка сын счел неудобным. Старшему Кедру так застила глаза ностальгия по токарному станку, что он редко проявлял внимание к сыну; воинствующая праведность матери была не менее эгоистична; неудивительно, что юного Уилбура тронули отцовские чувства и желание хоть что-то для него сделать.

Проститутка из мебелирашек (просоленное дерево, влажные от морского бриза занавески и постельное белье) напомнила Уилбуру хорошенькую служанку, работавшую у мэра Портленда; он зажмурился и представил себе, что вкушает запретный плод во флигеле особняка мэра, где жили слуги. Открыв глаза, Уилбур увидел при свете свечи растяжки, испещрявшие живот проститутки; но тогда он понятия не имел, что это такое. Проститутку же растяжки на животе не смущали. Заснул он, прижавшись щекой к ее животу, и, засыпая, с опаской подумал, вдруг эти бороздки навсегда отпечатаются у него на щеке, так сказать, пометят его. Разбудил его резкий, неприятный запах дыма; он быстро отодвинулся от женщины, стараясь не потревожить ее сна. В комнате, сидя на стуле, куда проститутка положила свою одежду, кто-то курил сигару – Уилбур видел, как ее кончик разгорается при каждой затяжке. Он решил, что это очередной клиент, терпеливо ждущий очереди, и спросил, не зажжет ли тот новую свечу: в темноте он не мог отыскать одежду. К его удивлению, ему ответил голос молодой девушки. «Меня ты мог бы иметь дешевле», – сказала она. Другой свечи не нашлось, и он не разглядел ее. Девушка помогла ему найти разбросанную одежду, добросовестно пыхтя сигарой, отчего комната наполнилась красноватыми вспышками и клубами дыма. Он поблагодарил ее за помощь и удалился.

Утром, к своему немалому смущению, он встретил эту проститутку в бостонском поезде, оказавшуюся при свете дня весьма разговорчивой молодежьей особой, в руке она держала картонку с непринужденностью завзятой покупательницы; вагон был переполнен, и Уилбур почел долгом уступить ей место. С проституткой ехала молодая девушка. «Моя дочь», – бросила она, указав на девушку большим пальцем. Дочь напомнила Уилбуру, что они уже встречались, дохнув ему в лицо на редкость вонючей сигарой. Она была моложе Уилбура.

Проститутку звали миссис Уиск – «Рифмуется с „писк“!» – пошутил отец Уилбура. Миссис Уиск рассказала Уилбуру, что она вдова, живет в Бостоне, где ведет добропорядочный образ жизни, а чтобы поддерживать его, вынуждена продавать себя в каком-нибудь захолустном городке. Она умоляла Уилбура не выдавать ее, беспокоясь о своей репутации в Бостоне. Уилбур не только клятвенно заверил, что будет нем как рыба, но и дал ей денег – больше, чем заплатил отец. Какая то была сумма, он узнал позднее: отец рассказал Уилбуру, что миссис Уиск пользуется безупречной репутацией в Портленде, но, чтобы поддерживать ее, приходится

иногда продавать себя в Бостоне. Только по старой дружбе – «всего один раз!» – согласилась она сделать исключение для отца Уилбура и столь низко пасть в своем родном городе.

Отец Уилбура не знал, что у миссис Уиск есть дочь, которая – по ее собственному признанию – стоит дешевле матери и не претендует на безупречную репутацию ни в Бостоне, ни в Портленде. Эта неулыбчивая девушка на протяжении всей поездки до бостонского Северного вокзала не проронила ни слова; за нее красноречиво говорили ее прокуренное дыхание и презрительный взгляд. Уилбур не стал заострять внимание отца на одном маленьком противоречии: в каком же все-таки городе миссис Уиск пользуется безупречной репутацией, и уж тем более не сказал ему, что подцепил у миссис Уиск триппер, о котором сама она могла и не подозревать.

В Гарвардской медицинской школе Уилбур узнал, что гонококки могут годами обитать у женщин в фаллопиевых трубах; болезнь становится явной, когда в области таза появляется абсцесс. Прочие симптомы, например влагалищные выделения, могут просто долгое время не замечаться.

А вот Уилбур Кедр симптомы заметил сразу: в те допенициллиновые времена инфекция в организме юного Уилбура жила много месяцев, возбуждив в нем живейший интерес к бактериологии; в конце концов она сама собой сошла на нет, но оставила на память о себе рубцы в мочеиспускательном канале и хронический простатит. А также приучила его к эфиру, который спасал от нестерпимого жжения при мочеиспускании. Этот единственный и такой болезненный сексуальный опыт да еще воспоминания о безрадостном браке родителей вполне убедили будущего врача в санитарной и философской оправданности воздержания.

В том же 188... году, когда Уилбур Кедр стал врачом, скончался борец за трезвость Нил Доу. Безутешная мать Уилбура не смогла оправиться от удара и вскоре последовала за своим героем в могилу. Через несколько дней после похорон отец Уилбура, распродав все, что нашел в комнатах на половине прислуги, в которых Кедры столько лет прожили по милости почившего мэра, сел на поезд и отправился в Монреаль, город, менее помешанный на трезвости, чем Портленд, где и доконал свою печень. Тело бывшего токаря доставили в Портленд по той же железной дороге, что не так давно увезла его из родного города. Уилбур Кедр встретил поезд и собственноручно препроводил останки отца на кладбище. Во время ординатуры у молодого доктора Кедра были среди пациентов умирающие от цирроза. И он представил себе последние дни отца. Вместо печени сплошные рубцы, желтая кожа из-за разлития желчи, стул светлый, моча темная, кровь не свертывается. Сомнительно, чтобы отец при всем этом заметил еще и импотенцию – обычную спутницу алкоголизма.

Как было бы трогательно, если бы на стезю акушерства молодого Кедра подвигла утрата родителей! Участвовать в пополнении рода человеческого – это ли не прекрасно! Но нет, его туда привел путь, усеянный бактериями. Главным бактериологом Гарвардской медицинской школы был некий доктор Гарольд Эрнст^[2], оставшийся в памяти потомков главным образом как один из первых университетских питчеров, подающих крученые мячи; он же стал первым среди университетских бейсболистов бактериологом. Молодой Уилбур Кедр приходил в лабораторию рано утром, задолго до доктора Эрнста. Он там был совсем один, но одиноким себя не чувствовал в присутствии великого множества бактерий: и тех, что выращивались в чашках Петри, и тех, что населяли его уретру и предстательную железу.

Он доставал свой пенис и выдавливал из него капельку гноя на окрашенный диапозитив. Даже увеличенные в тысячу раз, злодеи, коих он каждое утро разглядывал в микроскоп, были меньше рыжих лесных муравьев.

Годы спустя Кедр напишет у себя в дневнике, что гонококки были согнуты вдвое, как догвязые гости в эскимосском иглу («Они словно в танце кланяются друг другу», – записал он).

Молодой Кедр исследовал гной до тех пор, пока в лабораторию не являлся доктор Эрнст, приветствуя своих микроскопических подопечных, как будто они были его партнерами по бейсбольной команде.

– Честное слово, Кедр, – заявил однажды утром знаменитый бактериолог, – когда вы смотрите в микроскоп, у вас такой вид, словно вы замышляете страшную месть!

Конечно, лицо Уилбура Кедр ничего такого не выражало. Просто он стряхивал с себя, прилагая немалые усилия, эфирный дурман. Молодой медик давно обнаружил, что эта летучая жидкость с приятным вкусом – безопасное, но сильнодействующее болеутоляющее средство. За долгие месяцы борьбы со зловредными гонококками Кедр приобрел большой опыт по части вдыхания эфира^[3]. И к тому времени как свирепые бактерии утратили свою вирулентность, Кедр превратился в настоящего наркомана. Пользовался он так называемым капельным методом. Одной рукой прижимал самодельную маску ко рту и носу (конус из плотной бумаги, обернутый несколькими слоями марли), другой смачивал этот конус эфиром: прокалывал небольшую банку с эфиром английской булавкой, по ней на марлю через петлю булавки стекали капли нужного размера и частоты. Точно таким же образом давал он эфир своим пациенткам – только доза у них была куда больше. Лежа на койке, он чувствовал, как рука, держащая банку, начинает дрожать, и опускал ее на пол; постепенно другая рука, прижимавшая конус к лицу, слабела, пальцы разжимались, и конус соскальзывал на пол. Поэтому Кедр и не знал, что такое панический страх, который чувствуют пациенты, вдыхающие наркоз. Маска падала до того, как наступало удушье.

Когда молодой доктор Кедр, работая в Южном отделении Бостонского родильного дома, стал принимать роды в бедных кварталах города, болеутоляющее действие эфира уже прочно отложилось в его памяти. И он всегда брал с собой марлевую маску с эфиром, хотя зачастую к наркозу прибегать бывало поздно. Разумеется, если время позволяло, он пользовался эфирной маской, не разделяя мнения коллег постарше, что обезболивание при родах – насилие над природой: ведь рожать детей в муках предписано свыше.

Своего первого новорожденного Кедр принял у одной литовки в квартире без горячей воды на верхнем этаже дома, стоявшего на улице, которая, как все соседние в этом районе, была загажена конским навозом, гнилыми овощами и фруктами^[4]. В доме не было льда; начнись послеродовое кровотечение, нечего будет положить на живот. Когда он пришел, на плите уже кипела вода в большой кастрюле. Хорошо бы ошпарить кипятком всю квартиру, подумал доктор Кедр. Он отправил мужа за льдом, измерил женщине таз и наметил положение плода. Слушая его сердцебиение, Кедр наблюдал краем глаза за кошкой, играющей сдохлой мышью.

Здесь же была и будущая бабушка, разговаривающая с роженицей по-литовски. К доктору Кедру она обращалась с помощью странных жестов, отчего он заподозрил в ней старческое слабоумие. Она старалась втолковать ему, что большая бородавка у нее на лице доставляет ей то ли наслаждение, то ли страдание – что именно, он понять не мог; может, она хотела, чтобы врач удалил ее до или после родов. Бородавку она демонстрировала весьма необычно: то подставит под нее ложку, как бы показывая, что бородавка вот-вот отвалится, то накроет чашкой и тотчас опять явит на всеобщее обозрение. Этот фокус с бородавкой она проделывала каждые десять – пятнадцать минут, и всякий раз с таким чувством, что доктор Кедр заключил: в голове у старухи дольше десяти минут ничего не держится.

Вернувшись со льдом, муж наступил на кошку, та дико заверещала, и Кедр на мгновение подумал, что ребенок уже родился. Слава богу, обошлось без щипцов. Роды были быстрые, неопасные и громкоголосые. Обмывать младенца муж отказался, и услуги свои предложила бабушка. Пришлось согласиться, хотя сочетание слабоумия и возбужденности могло привести к несчастному случаю. Разъяснив ей (насколько возможно без знания литовского языка), как моют ребенка – ни в коем случае не окунают в кипяток и не обливают холодной водой из-

под крана, – Кедр занялся последом, который упорно не желал отходить. Кровотечение становилось сильнее, и Кедр подумал, что может столкнуться с серьезной проблемой.

Он с трудом упросил мужа наколоть льда – здоровенный мужик притащил целую глыбу, держа ее в огромных щипцах, которые позаимствовал у продавца, и теперь стоял посреди кухни с этими щипцами на плече в угрожающей позе.

Принесенная глыба могла бы охладить кровоточащие матки сразу нескольких рожениц, а возложенная на одну пациентку, сплющила бы в лепешку вместе с маткой и ее саму. Тем временем намыленный младенец, выскользнув из бабушкиных рук, шлепнулся на грязные тарелки, мокнувшие в раковине; и в ту же секунду муж опять наступил на кошку.

Воспользовавшись замешательством бабушки и мужа, Кедр нащупал через стенку живота верхнюю часть матки и с силой надавил. Женщина закричала и сжала его руки; оставив младенца среди грязной посуды, бабушка сзади обхватила Кедра и вцепилась зубами в его загривок. Муж одной рукой извлек ребенка из раковины, другой занес щипцы над головой Кедра. И в это мгновение везучий Уилбур Кедр почувствовал, что плацента наконец отделилась от матки и благополучно вывалилась наружу. Не поведя бровью, он указал на нее мужу с бабушкой, которые отнеслись к ней, казалось, с большим благоговением, чем к новорожденному. Своими руками обмыв ребенка и дав матери препарат спорыньи, он молча раскланялся с домочадцами и вышел на площадку. Едва затворил за собой дверь, как внутри началось светопреставление: бабушка, муж, охлаждаемая льдом роженица – все хором что-то орало – по-литовски, конечно, – и младенец внес свой вклад в первую семейную ссору. Кедр подумал: наверное, роды и появление врача лишь на краткий миг прервали бурное течение жизни этого семейства.

Он осторожно спустился по темной лестнице и на ощупь выбрался наружу; при этом наступил на гниющую головку кочанного салата, расплющившуюся под его подошвой с податливостью черепа новорожденного младенца. На сей раз он не спутал отчаянный кошачий вопль с детским криком. Поднял голову и успел увидеть, как из литовского окна что-то вылетело, как из пушки. Целились явно в него, но он счастливо увернулся. Какое же оскорбление, понятное, возможно, только литовцу, мог он нанести этим беднякам? К его ужасу, выброшенным предметом оказалась та самая кошка – теперь она бездыханная лежала у его ног. Ужас его умеряла мысль: хорошо, что выбросили не ребенка, ведь могли бы. Правда, профессор в Гарварде говорил, что «новорожденные обладают упругостью каучука», но и кошкам, Кедр знал, упругости не занимать; однако этой кошке в тот день, как видно, суждено было погибнуть.

«Здесь, в Сент-Облаке, – напишет впоследствии доктор Кедр, – я не перестаю с благодарностью вспоминать Южный район Бостона». Столько детей родилось с его помощью; он иногда думал, что те часы, когда он водворял их в этот мир, будут, возможно, самыми безоблачными в их жизни. Оценил он и роль тамошних проституток – они неизменно напоминали ему о жгучем подарке миссис Уиск. Встретив проститутку, он видел, как в микроскоп, копошащихся в ней бактерий, а подумав о бактериях, вспоминал дурмящее тепло эфира. Доктор Кедр не курил и не пил. Но изредка баловал себя эфиром (минимальной дозой, одной понюшкой) для поддержания духа.^[5]

Как-то ночью Уилбур дремал на дежурстве в Южном отделении Бостонского родильного дома. Один из врачей поднял его известием, что в больницу поступила тяжелая пациентка и что заниматься ею – его очередь. Хотя она сильно исхудала и утратила молоджавость, так поразившую его во время их краткого знакомства, Кедр сразу узнал в ней миссис Уиск. У нее были сильные боли, затрудненное дыхание, глаза расширены от испуга. Сестра приемного отделения спросила ее имя, и она никак не могла его выговорить.

– Рифмуется с «писк», – пришел ей на помощь доктор Кедр.

Если миссис Уиск и узнала его, то виду не подала. Кожа у нее на ощупь была холодная, пульс сильно учащен, живот твердый и белый, как костяшки пальцев сжатой в кулак руки; Кедр не обнаружил ни родовых схваток, ни сердцебиения плода, которого невольно вообразил похожим на молчаливую дочь миссис Уиск. Интересно, сколько сейчас лет ее дочери? Да столько же, сколько ему, мелькнуло в голове, и тут же стал ясен диагноз: внутреннее кровотечение в брюшной полости. Дежурный по отделению подобрал доноров, и Кедр без промедления приступил к операции.

– Миссис Уиск! – тихо окликнул он ее, надеясь, что она все-таки вспомнит его.

– Как поживает твой отец, Уилбур? – спросила она, не успев он еще взяться за скальпель.

Брюшная полость была вся заполнена кровью; он стал промокать ее салфетками и скоро обнаружил, что кровь идет из шестидюймового разрыва в задней стенке матки. Кедр сделал кесарево сечение^[6] и извлек умершего во чреве ребенка, чье исхудалое личико с презрительной гримаской и впрямь напоминало лицо любительницы сигар. И у Уилбура Кедр вдруг мелькнула мысль: все-таки странно, что миссис Уиск пришла в больницу одна.

Операция проходила гладко. Воспоминания о дочери, о болезни, от которой он лишь недавно избавился, не мешали ему; случай казался довольно банальным. Он уже стал зашивать матку и не смог: нитки в тканях у миссис Уиск не держались. Стенки матки были как мягкого сорта сыр. А попробуйте наложить швы, скажем, на камамбер. Выбора не было: матку пришлось удалить. После всех переливаний крови состояние миссис Уиск, к удивлению доктора Кедра, было довольно хорошим.

Наутро он проконсультировался со старшим хирургом. Врачи-акушеры Бостонского родильного дома, как правило, имели хорошую хирургическую подготовку, Кедр курс хирургии проходил в Массачусетской клинике, но состояние матки миссис Уиск поставило в тупик и старшего хирурга. Необъясним был и разрыв матки – швов от хирургических вмешательств не было. Плацента тоже ни при чем – детское место на другой стороне. И никакой опухоли.

Миссис Уиск держалась молодцом двое суток. Узнав от Уилбура о смерти родителей, стала его утешать. «С твоей матерью я, разумеется, не была знакома», – призналась она. И снова заволновалась о своей репутации, взяв с него слово сохранить ее тайну. (Он уже и так сохранил, не сказал хирургам о своем подозрении, что состояние матки миссис Уиск может быть следствием гонореи.) Между прочим, в голове у него промелькнуло: не появился ли в жизни миссис Уиск и третий город, спасающий ее репутацию.

На третьи сутки брюшная полость миссис Уиск опять наполнилась кровью, и Уилбуру Кедру пришлось вскрывать шов; на сей раз у него появились опасения, что может обнаружиться что-то серьезное. Но крови в брюшной полости оказалось немного, и он с облегчением вздохнул. Удаляя кровь, он случайно задел кишку и проткнул насквозь. Поднял ее, чтобы зашить повреждение, а она расплзлась у него в руках. Если и другие органы у миссис Уиск как желе, долго она не протянет.

Миссис Уиск протянула еще три дня. В ту ночь, когда она умерла, Кедру приснился кошмар – его пенис отвалился у него в руках; он попытался пришить его на место, но тот распался на куски; затем точно так же отвалились пальцы. Пальцы для хирурга важнее, чем пенис, подумал он. Как это характерно для хирурга! И как характерно для самого Уилбура Кедра.

История с миссис Уиск еще укрепила его мнение об опасности половых связей. И он начал ждать, что его скоро постигнет та же участь. Но вскрытие, произведенное известным патологоанатомом, дало неожиданный результат.

– Цинга, – заявил патологоанатом.

Что с них взять, с патологоанатомов, подумал Уилбур Кедр. Какая тут, к черту, цинга!

– Миссис Уиск была проститутка, – почтительно напомнил он патологоанатому, – а не морской волк.

Но патологоанатом категорически заявил: ни гонорея, ни беременность тут ни при чем. Миссис Уиск скончалась от этой чумы мореходов, в ее организме нет даже следа витамина С. И патологоанатом заключил: «Распад соединительной ткани, сопровождаемый внутренним кровотечением. Сомнений никаких – цинга».

Хотя откуда взяться цинге, так и осталось загадкой. Миссис Уиск умерла не от венерической болезни, и доктор Кедр успел-таки выспаться одну ночь. Но на вторую на сцене появилась дочь миссис Уиск.^[7]

– Разве сегодня моя очередь? – запротестовал он спросонья, когда коллега опять разбудил его.

– Она утверждает, что вы ее лечащий врач, – пожал плечами коллега.

Дочь миссис Уиск, которая стоила когда-то дешевле матери, преобразилась до неузнаваемости; теперь она наверняка заломила бы цену, какая матери и не снилась. Тогда в поезде она выглядела моложе Уилбура, сейчас казалась старше его. Подростковая замкнутость сменилась презрительной развязностью. Косметика, украшения, духи – ни в чем нет меры, одета вызывающе. Волосы, заплетенные в толстую косу с воткнутым в нее пером чайки, так натянули кожу, что вены на висках и мышцы шеи вздулись и напряглись, как будто любовник-садист схватил ее за косу и с силой потянул назад.

Вместо приветствия, она протянула Уилбуру Кедру флакон с бурой жидкостью, от которого сквозь неплотно закрытую пробку шел едкий незнакомый запах.

На захватанной грязными пальцами этикетке разобрать что-нибудь было невозможно.

– Вот что ее укололо, – заявила девушка, и из горла ее вырвался глухой хрип. – Я это не употребляю. Есть другие способы.

– Вы мисс Уиск? – с некоторым сомнением спросил Уилбур Кедр, пытаясь уловить тяжелый сигарный дух.

– Я же сказала, есть другие способы! – повторила мисс Уиск. – У меня не такой срок, как у нее, еще не дергается.

Уилбур Кедр понюхал флакон; он понимал, о чем она. Мать была на пятом месяце, значит, ребенок уже шевелился. Для верующих врачей первое шевеление плода означало обретение души, но Уилбур Кедр в существование души, вообще-то, не верил. Вплоть до середины девятнадцатого века закон относился к абортам просто (и, по мнению Кедра, разумно) – позволял прерывать беременность до первого шевеления; такой аборт для жизни матери не опасен; правда, на четвертом месяце плод уже прочно крепится к матке и извлечь его оттуда труднее.

Вот и эта бурая жидкость в склянке, что сейчас держал в руке Уилбур Кедр, не смогла извлечь плод из чрева миссис Уиск, хотя, вероятно, именно она умертвила плод и превратила ее внутренности в подобие манной каши.

– Это, наверное, сильный яд, – заметила суровая дочка миссис Уиск, пока Уилбур Кедр протирает заляпанную этикетку своим драгоценным эфиром.

«Французская лунная настойка», – наконец прочитал он.

«Восстанавливает регулярность месячных!»

«Снимает блокирующие факторы!»

(Блокирующие факторы, насколько было известно молодому Кедру, означали беременность.)

«Противопоказания: замужним дамам не рекомендуется.

Почти всегда вызывает выкидыш!»

Разумеется, именно последнее предостережение и побудило миссис Уиск принимать без конца это адское зелье.

В Гарвардской медицинской школе Кедр многое узнал о средствах, вызывающих аборт. Одни, например спорынья, которую Кедр прописывал после родов для лучшего сокращения матки, или экстракт шишковидной железы, непосредственно действуют на мускулатуру матки.

Другие – попросту сильнодействующие слабительные: вызывая аборт, они одновременно разрушают кишечник. Там же Кедр работал с трупами двух женщин, погибших от скипидара – распространенного в то время домашнего средства прерывания беременности. В восьмидесятых и девяностых годах прошлого века женщины еще травили себя стрихнином и рутovým маслом. Что касается «французской лунной настойки», она оказалась пижмовым маслом; миссис Уиск так долго принимала ее и в таких количествах, что организм полностью утратил способность усваивать витамин С. Это и превратило ее ткани в «камамбер». Так что патологоанатом оказался совершенно прав: умерла она от цинги.

Миссис Уиск могла бы найти и другие способы изгнания плода. Ходили слухи, что один известный мастер подпольных абортóв был и самым процветающим сутенером в Южном районе. За аборт он брал чуть ли не пятьсот долларов, что было явно не по карману многим его клиенткам, и они расплачивались тем, что становились его «девочками». Его штаб-квартира, как и другие подобные заведения, называлась просто «Гаррисон-2» – туманно и не без намека. Один из стационаров Южного отделения Бостонского родильного дома находился на Гаррисон-стрит, так что на местном языке «Гаррисон-2» явно означало что-то полуофициальное, если не сказать нелегальное.

Вероятно, у миссис Уиск имелись веские основания отказаться от услуг какого-нибудь из этих Гаррисонов. И дочь ее, как видно, знала, чем грозят эти заведения, потому и решила обратиться к Уилбуру Кедру: а вдруг он поможет.

– Я же сказала: два, не дергается, – втолковывала дочь миссис Уиск молодому доктору Кедру. – Раз-раз и готово. Я смоюсь отсюда через пару минут.

Было далеко за полночь. Дежурный врач спал сном праведника, сестра-анестезиолог тоже спала. Коллега, разбудивший Кедра, видел уже пятый сон.

Раскрытие шейки матки на любом месяце беременности, как правило, вызывает ее сокращения, и содержимое извергается наружу. Да и вообще, любой предмет, попав в матку, обычно производит этот желанный эффект: сокращение матки и выкидыш. Молодой Уилбур Кедр молча уставился на дочь миссис Уиск: ему показалось, что пол под ним заходил ходуном. Как будто он опять стоял в движущемся вагоне портлендского поезда, опершись о спинку сиденья миссис Уиск, еще не зная, что заразился триппером.

– Ты хочешь сделать аборт? – тихо произнес Уилбур Кедр, впервые выговорив это слово вслух.

Дочь миссис Уиск выдернула перо чайки из косы и ткнула его острым концом в грудь Кедра.

– Делай дело или слезай с горшка, – сказала она. При этих словах вонючий сигарный дух коснулся наконец его ноздрей.

Уилбур Кедр слышал, как храпит во сне сестра-анестезиолог. Для аборта не надо столько эфира, сколько для родов; хватит чуть больше его собственной дозы. Можно не брить лобок, раз надо спешить: это перед родами брить обязательно. А вот без эфира не обойтись. Область влагалища он обработает красным мертиололом^[8]. Будь у него такое детство, как у дочери миссис Уиск, он бы тоже не захотел потомства. Значит так, нужен набор расширителей с дугласовыми наконечниками, которые легко вводятся в матку и не ранят ткани, когда их извлекаешь наружу. Если расширить шейку матки до нужного диаметра, щипцы вообще не нужны, разумеется при условии, что беременность не больше двенадцати недель. А если и понадобятся – так только для удаления плаценты и крупных фрагментов зародыша. В медицинском учебнике они называются «продукты зачатия»: их соскребают со стенок матки кюретками, самой маленькой проникая во все ее закрутки.

Но тогда Уилбур Кедр был еще очень молод, и он вдруг заколебался. Неизвестно, сколько времени дочь миссис Уиск будет отходить от наркоза и что он скажет медсестре, если та вдруг проснется, или дежурному врачу, если придется оставить девушку до утра в случае, скажем,

сильного кровотечения. Очнулся он от раздумья, почувствовав резкий укол в грудь; неукротимая дочь миссис Уиск опять ткнула острием пера чайки, на этот раз посильнее.

– Он не дергается! Не дергается, я тебе говорю! – кричала на него мисс Уиск, снова и снова вонзая перо, пока оно не сломалось у нее в руке.

Оставив перо в рубашке, она резко повернулась – тяжелая коса слегка ударила его по лицу, – опять обдала его сигарным перегаром и выбежала из приемной, хлопнув дверью. Кедр вынул из рубашки перо и заметил, что руки у него испачканы «французской лунной настойкой».

Не то чтобы у нее был неприятный запах, но он заглушал эфир, уже завладевший доктором Кедром. И его душевному равновесию пришел конец.

В «Гаррисоне-2» – одном из нескольких – к наркозу не прибегали. Проблема обезболивания их волновала меньше всего. Роль эфира там отводилась музыке. Ансамбль «Германский хор» пел в приемной немецкие песни, и пел вдохновенно. Возможно, дочь миссис Уиск и оценила их пение, но ни слова не сказала о музыке неделю спустя, когда опять появилась в больнице. Никто не знал, как она сюда попала; судя по всему, девушку дотащили до дверей больницы и оставили. Она была сильно избита – возможно, за то, что не смогла заплатить за аборт. Распухшее лицо на ощупь было горячее и сухое, как каравай хлеба, только что вынутый из печи. Из-за очень высокой температуры и ригидности живота, твердого как стекло, дежурный врач с ночной медсестрой заподозрили перитонит. Уилбура же они разбудили потому, что к плечу платья дочери миссис Уиск была приколота записка:

«Доктор Кедр – делай дело или слезай с горшка!»

К другому плечу, подобно эполету, были приколоты женские трусики, отчего платье съехало на одну сторону. Как скоро обнаружилось, запасной пары у нее не было; и трусики, видимо, были приколоты, чтобы не потерялись. Самый поверхностный осмотр показал Уилбуру Кедру, что аборт кончился неудачей. Плод без признаков сердцебиения остался в матке, которую сжало сильнейшим спазмом. Что до кровотечения и перитонита, они могли быть следствием любого способа прерывания беременности, которые применялись в «Гаррисоне-2». Во-первых, там использовался инструмент водолебеиц – шприц с трубкой для введения в матку; разумеется, ни трубка, ни вода не кипятились, а шприц употреблялся и для других надобностей. Был и отсасывающий аппарат – герметическая стеклянная банка, из которой воздух откачивался с помощью ножного насоса. Она, конечно, извлекала плод, но при этом сосала через поры кровь, причиняя непоправимый вред мягким тканям. И наконец, электричество, согласно табличке на двери: «Снимаем фактор, блокирующий менструацию, электрическим током!» Снимала этот фактор гальваническая батарея Макинтоша с подсоединенными к ней проводами, подающими ток к внутривагинальному и внутриматочному электродам, снабженным резиновыми рукоятками; они защищали врача от удара током.

Дочь миссис Уиск умерла, не успел доктор Кедр начать операцию. Она не сказала ему ни слова, осталась только записка: «Доктор Кедр – делай дело или слезай с горшка», приколотая к плечу; температура у нее была сорок два градуса. Дежурный врач счел необходимым спросить Кедра, знал ли он усопшую: записка носила явно интимный характер.

– Она рассердилась на меня за то, что я отказался делать аборт, – объяснил Уилбур Кедр.

– И правильно, что отказался! – сказал дежурный врач.

Но сам Уилбур Кедр ничего правильного в этом не видел. Все оболочки и внутренние органы брюшной полости у мисс Уиск были воспалены, матка проколота в двух местах, а мертвый плод, как она сказала, и правда «не дергался».

Наутро доктор Кедр нанес «Гаррисону» визит, хотел своими глазами увидеть, что же там происходит; узнать, куда идут женщины после того, как их выставят за дверь. Он всегда будет помнить последний вздох дочери миссис Уиск, пыхнувший ему в лицо табачным перегаром.

Он наклонился к ней, и вдруг в глазах у него поплыл огонек сигары, освещающий в темноте его одежду. Если гордыня – грех, размышлял доктор Кедр, то величайший из грехов – гордыня добродетели. Когда-то он переспал с матерью в присутствии дочери, потом оделся при свете ее сигары. И теперь будет всю жизнь преспокойно обходиться без секса. Но он не имеет никакого права осуждать других людей за секс.

У двери, где висела табличка, обещающая возвращение менструации с помощью электрического тока, его приветствовало пенье «Германского хора». Сопровождал хор только расстроенный, дребезжащий рояль. Ни гобоя, ни английского рожка, ни меццо-сопрано, и все же музыка отдаленно напомнила Кедру малеровскую² «Киндертотенлидер»^[9]. Многие годы спустя, когда он впервые услышал грохот воды в Порогах-на-третьей-миле, на память ему пришли песни, извергающиеся из «Гаррисона», будто семенная струя. Он постучал в дверь; с тем же успехом он мог бы заорать во всю глотку, его бы все равно никто не услышал. Кедр распахнул дверь и вошел внутрь – никто даже не взглянул в его сторону; «Германский хор» продолжал петь. Рояль был действительно единственным инструментом, стульев не хватало даже для женщин, так же как и пюпитров. Мужчины сгрудились в отдалении от женщин. Дирижер хора стоял подле рояля. Худой лысый мужчина без рубашки, но в грязно-белом стоячем воротничке (наверное, чтобы преградить дорогу ручейкам пота), глаза полужакрыты, как во время молитвы, руки отчаянно молотят воздух, насыщенный табачным дымом и вонью дешевого пива, напоминающей смрад, идущий от застоявшейся мочи. Хор покорно повиновался движениям его мельтешащих рук.

«Грозный или критически настроенный Бог, – подумал Уилбур Кедр, – давно бы поразил нас громом небесным». Он обогнул рояль и прошел в единственную открытую дверь. И оказался в комнате, в которой не было ничего – ни мебели, ни даже окна. Только еще одна закрытая дверь. Доктор Кедр распахнул ее и очутился в приемной: на столе газеты, в горшках живые цветы, окно, раскрытое настежь. Посетительницы – их было четверо – сидели парами. Газет никто не читал, цветами не любовался, в окно не выглядывал, глаза всех устремлены в пол. С его появлением ни одна не подняла головы. За конторкой с блокнотом и ящиком для денег сидел подтянутый мужчина и ел из миски что-то похожее на бобы. Мужчина был молод, силен и ко всему безучастен. В рабочем комбинезоне и нижней рубашке с коротким рукавом, на шее, как свисток у тренера, ключ от ящика с деньгами.

Он тоже был лыс, как и дирижер, и доктор Кедр подумал, что, скорее всего, головы у них обриты.

Мужчина за столом, показавшийся Уилбуру хористом, пропускающим одну-две песни, не взглянув на вошедшего, произнес:

– Эй, тебе сюда нельзя! Пусть твоя дама приходит одна или с подружкой.

Хор пел, краем уха слышал Уилбур, что-то про дорогую матушку. Так, кажется, переводится *mutterlein*.

– Я врач, – сказал доктор Кедр.

Человек, продолжая есть, поднял глаза на доктора Кедра. Певцы в передней комнате перевели дыхание, и в наступившей тишине Кедр отчетливо услышал, как ложка быстро и ловко выскребает миску; за дверью кого-то вырвало: содержимое желудка с характерным звуком шлепнулось в металлический таз. Одна из женщин в приемной заплакала. Доктор Кедр не успел определить кто, как певцы, набрав в легкие воздуха, снова запели. На сей раз что-то о крови Христовой, перевел про себя Кедр.

– Что вам угодно? – спросил мужчина за столом у Кедра.

– Я врач, хочу поговорить с вашим врачом, – объяснил Кедр.

² Густав Малер (1860–1911) – австрийский композитор.

– Здесь, кроме вас, врача нет, – сказал мужчина.

– Тогда я хотел бы предложить свои услуги. Медицинская консультация. Бесплатно.

Мужчина внимательно изучал лицо Кедр: казалось, хотел в нем почерпнуть ответ на услышанное предложение.

– Вы здесь не один, – произнес он после долгой паузы. – Ждите своей очереди.

Этим собеседники пока удовлетворились, и Кедр присоединился к ожидающим, сев между двумя парами, находившимися в комнате. Все увиденное так поразило его, что, узнав одну из пар, он не очень сильно удивился.

Слева от него рядом с бородавчатой матушкой безмолвно сидела литовка, у которой он не так давно принимал роды (первые в своей жизни). Хотя они упорно не глядели на него, Кедр одобряюще улыбнулся и кивнул. Литовка была месяце на пятом, такой поздний аборт был всегда опасен, даже при благоприятных обстоятельствах. И Кедр вдруг с ужасом понял, что не сможет объяснить им этого: они ведь говорят только по-литовски. И наверное, воспринимают его как акушера. К тому же он ничего не знает о ее первом ребенке, как растет, жив ли. Доктор Кедр нервно притопнул ногой и перевел взгляд на другую парочку – тоже, судя по всему, мать с дочерью, но обе гораздо моложе, чем литовки, и на глаз не определить, какая беременна. Ну хоть этот-то аборт будет проще! Дочь на вид казалась совсем девочкой, вряд ли беда стряслась с ней, но тогда за каким дьяволом мать притащила ее с собой? Что, она так остро нуждалась в компании или этот поход замышлялся как наставление? Смотри, мол, такое и с тобой может случиться!

А хор уже бился в истерике, захлебываясь в любви к Господу и трепеща перед слепой судьбой (*verblendenen Geschike*).

Уилбур Кедр вперился в закрытую дверь, за ней явно кого-то вырвало. В раскрытое окно влетела пчела и сразу же вылетела обратно; так ей показалось тут жутко, что, наверное, и цветы приняла за искусственные. Кедр заметил, что старуха-литовка узнала его – более того, придумала новый способ демонстрировать бородавку, которая за это время слегка изменила цвет, да и волоски на ней подросли. Она пальцами мяла кожу вокруг бородавки до покраснения; казалось, бородавка вот-вот лопнет, как созревший фурункул. Ее беременная дочь не замечала омерзительного представления, устроенного матерью; ее взор иногда падал на Кедра, но она его явно не узнавала и сидела, уставившись в пол с типично литовским, по его мнению, выражением лица. Возможно, ее муж выбросил-таки ребенка в окно и она лишилась рассудка, подумал Кедр. На мгновение ему показалось, что хор в передней запел по-литовски, но тут донеслось что-то о сражении между «*Gott und Schicksal*» – явно между Богом и Судьбой, явно по-немецки.

Крик, прорвавшийся через закрытую дверь, перекрыл ликующие голоса, уверявшие, что Бог одержал победу. Девочка вскочила со стула, села, обхватив руками плечики, и в голос заплакала. Потом уткнулась в колени матери, пытаясь подавить рыдания. Значит, это она плакала. Значит, дочь нуждается в аборте, а не мать. Девочке на вид было лет десять – двенадцать, не больше.

– Простите, – обратился Кедр к матери, – я врач.

Он почувствовал себя актером, знающим силу своего таланта, но одной неудачной фразой погубившим свое выступление. «Я врач». Ну и что из этого следует?

– Так вы врач, – с горечью произнесла мать; Кедр обрадовался уже тому, что говорит она не по-литовски. – Чем вы можете нам помочь? – спросила женщина.

– Какой у нее срок? – вопросом на вопрос ответил Кедр.

– Месяца три. – В ее голосе послышались настороженные нотки. – Но я им уже заплатила.

– Сколько ей лет? – спросил Кедр.

Девочка подняла голову с материнских колен; убрала попавшую в рот грязновато-серую прядь сухих волос.

– Мне уже четырнадцать, – проговорила она, словно оправдываясь.

– Четырнадцать будет на следующий год, – уточнила мать.

Кедр встал и обратился к кассиру:

– Верните им деньги. Этой девочкой буду заниматься я.

– Я так понял, что вы пришли насчет консультации, – сказал кассир.

– Чтобы дать консультацию, – поправил его доктор Кедр.

– Можете кое-что и узнать, – заявил собеседник. – В оплату услуг входит задаток. А задаток не возвращается.

– Какой задаток? – осведомился Кедр.

– Допустим, половина, – сказал кассир.

– «Eure ganze Macht!» – пел хор.

«Да будет воля Твоя», – перевел Уилбур Кедр. Студенты-медики обычно неплохо знают немецкий.

Зловещая дверь наконец отворилась, и в приемную осторожно выглянула престарелая пара, похожая на чем-то озадаченных бабушку с дедушкой; они были похожи друг на друга, как многие супруги, долго прожившие вместе. Сейчас их лица выражали вместе смущение и любопытство. Оба были маленькие, сгорбленные, за их спинами на больничной койке под простыней лежала женщина, неподвижная, как кукла, с открытыми, но невидящими глазами. Таз, куда ее рвало, стоял на полу, на расстеленном полотенце, прямо у нее под рукой.

– Он говорит, что он врач, – сказал кассир, не глядя в сторону старичков. – Говорит, что пришел дать бесплатную медицинскую консультацию. Говорит, чтобы этим дамам вернули деньги. Говорит, что сам позаботится о юной леди.

По тому, как седенькая старушка по-хозяйски расположилась или, точнее, утвердилась в дверном проеме между приемной и операционной, Кедр понял: именно она здесь главная; седовласый старичок, судя по всему, был ее ассистентом. Старушка идеально смотрелась бы в уютной кухоньке, где пекутся вкусные пирожки и куда то и дело прибегают соседские ребята.

– Доктор Кедр, – представился он, кланяясь с чуть излишней официальностью.

– Значит, доктор Кедр, – безо всяких эмоций произнесла старушка. – Ну что ж, знаете, как говорят: делай дело или слезай с горшка.

Эту специалистку звали в округе «миссис Санта-Клаус». Не она придумала эту поговорку, не она писала и ту записку. Дочь миссис Уиск написала ее сама, перед тем как пойти сюда. Она хорошо знала, что ей грозит: после визита к миссис Санта-Клаус можно протянуть ноги.

Доктор Кедр меньше всего ожидал увидеть кого-то вроде миссис Санта-Клаус. Он был уверен, что, встретившись с любым потрошителем женщин, будет хозяином положения. Он и сейчас еще пытался им стать. Зашел в операционную, взял со стола первое, что попало под руку, так просто, для самоутверждения. Это оказалось всасывающее устройство – банка, соединенная коротким шлангом с ножным насосом. Банка удобно легла в его ладонь, и он тут же вообразил, где еще она могла бы столь же удобно устроиться. К его вящему изумлению, миссис Санта-Клаус тут же привела в действие ножной насос. Кровь с силой хлынула к порам ладони, но он успел вовремя оторвать банку, отделавшись лишь кровавым волдырем чуть выше запястья.

– Ну как? – агрессивно осведомилась миссис Санта-Клаус. – Что же вы нам посоветуете, доктор?

Женщина под простыней, как бы торопя ответ, потянула Кедра к себе; лоб ее был липким от пота.

– Вы не понимаете, что делаете, – сказал доктор Кедр миссис Санта-Клаус.

– По крайней мере, я хоть что-то делаю, – со спокойной враждебностью произнесла старушка. – Если вы умеете лучше, почему не делаете? – спросила она. – Если и правда умеете, почему бы вам не научить меня?

Женщина под простыней все еще была не в себе, но силы уже возвращались к ней. Она села и стала себя ощупывать; почувствовала руками свое платье и окончательно осознала происходящее.

– Пожалуйста, выслушайте меня, – обратился к ней доктор Кедр. – Если у вас будет температура или сильное кровотечение, немедленно идите в больницу. Немедленно.

– Я думала, вы меня пришли консультировать, – вмешалась миссис Санта-Клаус. – Мне-то что вы посоветуете?

Кедр не слышал ее. Вернулся в приемную и велел матери с девочкой идти с ним. Но мать все волновалась из-за денег.

– Верни им деньги! – распорядилась миссис Санта-Клаус.

– Задаток не возвращается, – упрямо повторил кассир.

– Верни им все, вместе с задатком! – гневно приказала старушка.

Она тоже вышла в приемную проследить, чтобы кассир вернул деньги. Затем повернулась к доктору Кедру и тронула его за плечо.

– Спросите у нее, кто отец, – сказала она.

– Меня это не касается, – отрезал Кедр.

– Верно, – согласилась старушка. – По крайней мере, в этом вы правы. А вы все-таки спросите. Любопытная история.

Кедр снова как не расслышал. Тогда миссис Санта-Клаус обратилась к матери с дочерью.

– Скажите ему, кто отец, – приказала она.

Дочь зашмыгала носом и стала тихонько поскуливать, но миссис Санта-Клаус смотрела только на мать.

– Рассказывай! – властно повторила она.

– Мой муж, – прошептала женщина и добавила, словно требовались какие-то пояснения: – Ее отец.

– Слышали? Ее отец! – Миссис Санта-Клаус взглянула на доктора Кедра. – Понятно?

– Да, понятно, благодарю вас, – сказал доктор Кедр и поддержал тринадцатилетнюю пациентку за плечи – та начала с закрытыми глазами оседать на пол.

– Та же история примерно с третью всех девочек-подростков, – саркастически проинформировала Кедра миссис Санта-Клаус. Тон у нее был такой, точно в этом случае виноват был именно он. – Каждая третья беременна от отца или брата. Изнасилование, – пояснила миссис Санта-Клаус. – Кровосмешение, понимаете?

– Да, благодарю вас, – повторил Кедр, увлекая девочку за собой и дернув за рукав мать, чтобы та поторапливалась.

– Делай дело или слезай с горшка! – крикнула им вслед миссис Санта-Клаус.

– Сраные коновалы! – вторил ей кассир. – Какой от вас толк!

Хор продолжал петь. Кедру почудилось, что он уловил слова «vom keinen Sturm erschreckt» – «не убоимся бури».

В пустой комнате, отделявшей хор от абортных, Кедр и мать с дочерью нос к носу столкнулись с той самой женщиной из-под простыни. Ее все еще шатало, взгляд блуждал, платье приклеилось к потной спине.

– Прошу вас, запомните! – воззвал к ней Кедр. – Если повысится температура, будет сильное кровотечение... – И тут он увидел женские трусики, приколотые к плечу платья. Этот знакомый эполет, видимо, служил эмблемой «Гаррисона-2», чем-то вроде ленточки за отвагу.

Судя по всему, женщина и не подозревала, что ее трусики находятся не там, где им положено. Кедру представилось, что Южный район наводнен шатающимися женщинами с труси-

ками на плече. Неустраняемая метка, как та давняя буква «А», выжигаемая женщине на груди в пуританской Новой Англии.

– Подождите! – крикнул Кедр, схватив женщину за трусики.

Она явно не собиралась ждать, дернулась, пытаясь освободиться, английская булавка раскрылась и уколола Кедра в руку. Когда женщина ушла, он машинально сунул трусики в карман пиджака и забыл про них.

Он провел мать и дочь через переднюю комнату, обычно сотрясаемую хоровым пением, но сейчас у исполнителей был антракт, скрашенный кружкой пива. Худой лысый дирижер только-только уткнулся в шапку пены, как в комнате появился доктор Кедр с женщинами: дирижер поднял глаза; белая пена образовала пышные усы над верхней губой и сверкнула на кончике носа. Дирижер повернулся в сторону Кедра, воздел руку с пивной кружкой и возгласил тост. «Возблагодарим Господа! – выкрикнул он. – И впредь приходите на помощь заблудшим душам, док!»

– Данке шён, – дружно поддержал его хор.

Разумеется, не мог этот хор петь малеровские «Песни об умерших детях», но именно они тогда ему слышались.

«В других местах на земле, – запишет Уилбур Кедр уже в Сент-Облаке, – высоко ценится способность действовать без долгих размышлений, но оптимальным образом. Здесь, в приюте, времени на размышления наверняка будет больше».

После того случая он стал в Бостоне знаменитостью. Но долго это не могло продолжаться. Кедр привел мать с девочкой к себе в больницу. С его слов дежурный врач записал в журнале:

«Девочка тринадцати лет. Таз узкий. Мягкие ткани повреждены в ходе двух тяжелых досрочных родов, в результате чего образовались множественные рубцы. Это ее третья беременность, ставшая следствием изнасилования и инцеста. Показано кесарево сечение, которое, принимая во внимание физическое и психическое состояние ребенка (ибо она еще ребенок), представляет опасность для жизни. Ввиду вышеизложенного мною принято решение произвести аборт».^[10]

– Вы это серьезно? – переспросил дежурный.

– Да, – кивнул Уилбур Кедр и, обращаясь к сестре-анестезиологу, добавил: – Приготовьте все для аборта.

Операция заняла не больше двадцати минут; искусное обращение Кедра с эфиром всегда вызывало зависть у его коллег. Он применил набор расширителей с дугласовыми наконечниками, а также две кюретки – среднего и малого размера. Разумеется, у девочки не было ни рубцов, ни поврежденных тканей. Это была ее первая, а не третья беременность, да и таз, невзирая на хрупкое телосложение, был не такой уж узкий. Эти вымышленные детали, коими Уилбур Кедр снабдил дежурного врача, должны были придать его отчету большую убедительность. В результате никто в Бостонском родильном доме ни разу не оспорил решения Кедра сделать этот аборт, никто никогда даже не упоминал о нем, но доктор Кедр почувствовал: что-то вокруг него изменилось.

Он заметил, как стихают разговоры при его появлении. Ощутил некую общую отчужденность; не то чтобы его намеренно избегали, но не стали никуда приглашать. Обедал он в одиночестве в соседней немецкой таверне, ел свиные ножки с кислой капустой. Однажды вечером выпил даже пива и вспомнил отца. Эта кружка пива стала в его жизни первой и последней.

В те годы жизнь Уилбура Кедра, казалось, была подчинена закону единственного раза: одна кружка пива, один половой акт, один аборт. Исключением был только эфир. Новость о появлении еще одного благодетеля, безопасного, в отличие от миссис Санта-Клаус, распространилась по Южному району с быстротой молнии.

Первой к нему обратилась высокая тощая женщина, с кошелкой и бельевого сумкой, подошла к нему, точно материализовалась из воздуха, когда он пил у тележки с фруктами свежеприготовленный апельсиновый сок.

– Он еще не дергается, – прошептала она на ухо Уилбуру Кедру. – Сколько это будет стоить? Не дергается, клянусь вам.

Они преследовали его повсюду. Просыпаясь среди ночи в Южном отделении, он каждый раз задавал будившему его коллеге один и тот же вопрос: «Разве сегодня моя очередь?» И получал столь же неизменный ответ: «Она говорит, что вы ее лечащий врач».

Как истинный уроженец штата Мэн, Уилбур Кедр раньше всегда смотрел людям прямо в глаза, теперь же все больше вниз или в сторону; собеседникам приходилось ловить его взгляд, в этом он больше не отличался от жителей мегаполиса. Вместе с каталогом хирургических инструментов он получил по почте экземпляр книги миссис У. Х. Макссуэлл «Женщина-врач – женщинам Америки»^[11]. До конца 187... года миссис Макссуэлл руководила гинекологической больницей в Нью-Йорке. «Автор основала эту больницу не только для беременных женщин, – писала миссис Макссуэлл. – Она твердо убеждена, что ввиду немилосердного отношения общества к заблудшим и оступившимся эти несчастные должны иметь некое прибежище, приют, где могли бы беспрепятственно поразмыслить над своим горьким прошлым, навсегда с ним проститься и укрепить свою решимость более мудро поступать в будущем. Душа настоящего врача не бывает излишне милосердной!»

Разумеется, Уилбур Кедр сознавал, что Южный район изобилует примерами немилосердного отношения к заблудшим и что в глазах этих заблудших он и есть прибежище от суровой реальности.

В результате он сам стал искать прибежища. Вернулся в штат Мэн. Обратился в совет здравоохранения, чтобы ему нашли место врача-акушера, где он мог бы приносить пользу. Подыскивая ему работу в новых районах, совет обратил внимание на его прекрасный диплом и избрал своим членом. Уилбур Кедр ожидал назначения в родной город Портленд, тихую гавань его детства, где еще стояли старый особняк мэра – в нем он вырос – и просоленные мебелишки, где миссис Уиск так немилосердно приобщила его к взрослой жизни.

Интересно, будет ли он скучать по Южному району и его обитателям: по хироманту, уверявшему, что он проживет долгую жизнь, обзаведясь множеством (и не счесть!) детей. Это пророчество лишний раз убедило Кедра в правильности выбранной им стези врача-акушера; по гадалке, предсказавшей молодому Кедру, что он ни в чем не пойдет по стопам отца: она не ошиблась – он ничего не понимал в токарных станках, не выносил алкоголя и был уверен, что уж печень-то у него будет в порядке до последней минуты; по китайскому лекарю, уверявшему, что сможет вылечить триппер, прикладывая к пенису смесь зеленых листьев и хлебной плесени. Китаец был недалек от истины: хлорофилл, содержащийся в листьях, уничтожает бактерии гангрены, но бессилен против танцующих гонококков, а вот пенициллин, полученный из хлебной плесени, оказался для них настоящим ядом. Годы спустя Кедр мечтал – вот бы соединить голову Гарольда Эрнста (бактериолога из Гарвардской медицинской школы и знаменитого питчера, подающего закрученные мячи) с головой китайского знахаря из Южного района. Ни одна болезнь не устояла бы!

«Только сиротство устояло бы, – записал доктор Кедр, очнувшись от мечтаний.

Благодаря Бостонскому дому он стал задумываться и о сиротах. В 189... году в браке официально состояло меньше половины всех матерей. А в уставе родильного дома было сказано, что его пациентками могут быть только замужние либо недавно овдовевшие женщины, причем безупречной репутации.

Это условие поставили добропорядочные граждане, пожертвовавшие первые тысячи долларов на родильный дом для бедняков. На практике же роды принимались почти у всех: тогда вдруг объявилось поразительно много женщин, утверждавших, что они вдовы или замужем

за моряками, ушедшими в плавание и где-то сгинувшими. «Вместе с „Грейт-истерном“» – всегда приходило на ум Уилбуру Кедру в таких случаях.

Интересно, размышлял он, почему это в Портленде нет ни сирот, ни детей или женщин, нуждающихся в помощи? В уютном Портленде Уилбур Кедр чувствовал себя не у дел; по иронии судьбы, пока он сидел и ждал места, где будет полезен, то самое письмо проститутки о брошенных женщинах и сиротах, двигаясь по инстанциям, неотвратимо сокращало расстояние между ним и Сент-Облаком.

В те дни томительного ожидания Уилбур Кедр вдруг получил необычное приглашение. Его общества внезапно возжаждала некая миссис Ченнинг-Пибоди из Бостона; семейство Ченнинг-Пибоди каждое лето проводило в своей вилле на берегу океана восточнее Портленда. В приглашении было сказано, что молодой доктор Кедр, по всей вероятности, скучает по бостонскому высшему кругу, к коему, несомненно, принадлежит, а стало быть, не откажется от партии в теннис или крокет, а может, и от прогулки на яхте; визит завершится обедом в обществе семейства Ченнинг-Пибоди и их друзей. Разумеется, доктор Кедр никакого касательства к бостонскому высшему обществу не имел. Фамилия Ченнинг-Пибоди ассоциировалась у него с Кембриджем или Бикон-Хиллом, куда никто его никогда не приглашал. Он знал, конечно, что Ченнинги и Пибоди – старинные бостонские роды, но подобное сочетание встретил впервые. Он объяснил его себе тем, что Ченнинги и Пибоди, наверное, устраивают совместный прием и, чтобы упростить дело, пишут в приглашении эти фамилии через дефис.

Что касается яхты, он никогда не плавал ни на яхте, ни без нее. Он родился в Мэне, и, как всякого уроженца Мэна, его не очень-то тянуло купаться в океане. Здешние прибрежные воды, по его мнению, годились только для омаров да еще разве для курортников. Для тенниса и крокета у него не было подходящей одежды; он как-то увидел изображенную на акварели незнакомую игру на лужайке: игроки били деревянными молотками по деревянным шарам. Наверное, и в самом деле здорово, только сначала хотелось бы потренироваться в одиночестве, без свидетелей.

Поездка с самого начала вызвала у него отрицательные эмоции. Пришлось заплатить уйму денег таксисту, да и одет он явно не по сезону, у него был всего один выходной костюм, темный и слишком теплый. Он не надевал его ни разу после того памятного визита к миссис Санта-Клаус. Поднимая медное кольцо на парадной двери виллы Ченнинг-Пибоди (Кедр решил сразу же представиться хозяевам – очень уж не хотелось бродить одному среди веселых, одетых в белое гостей, увлеченно гоняющих шары), он остро осознал, что костюм его не только слишком темный и теплый, но еще и изрядно помятый. В кармане пиджака обнаружились те самые трусики; Уилбур Кедр еще разглядывал их, вспоминая, как они вызывающе смотрелись на плече у женщины, когда миссис Ченнинг-Пибоди распахнула перед ним дверь.

Доктор Кедр поспешно скомкал их, сделав вид, что в руке у него носовой платок, в который он только что высморкался. Но по тому, как миссис Ченнинг-Пибоди быстро отвела взгляд, Кедр понял – она опознала в них предмет женского туалета.

– Доктор Кедр? – довольно уверенно спросила миссис Ченнинг-Пибоди, словно именно трусики подсказали ей, кто перед ней.

Надо повернуться и уйти, подумал Уилбур Кедр, но вместо этого произнес: «Да, доктор Кедр» – и вежливо поклонился хозяйке, огромного роста женщине с загорелым лицом и шлемом серебристо-серых волос, обтянувшим голову, грозную на вид, как пушечное ядро.

– Вы должны познакомиться с моей дочерью, – заявила хозяйка. – И со всеми остальными, конечно! – добавила она, разразившись громовым смехом, от которого доктора Кедра прошиб холодный пот.

Все остальные, насколько он понял, были Ченнинги, или Пибоди, или то и другое вместе. Имена у многих смахивали на фамилии: Кэбот, Чедуик, Лоринг, Сапфир – глядевший на мир тусклыми карими глазками. Но из всей компании самой некрасивой, какой-то даже дохлой,

оказалась дочь миссис Ченнинг-Пибоди, с которой она так настоятельно советовала ему познакомиться. Ее звали Мисси.

– Мисси? – переспросил Уилбур Кедр.

Девушка кивнула и пожала плечами.

За длинный обеденный стол их посадили рядом. Напротив сидел молодой человек приблизительно одного с ними возраста в белом теннисном костюме, то ли Чедуик, то ли Кэбот. Вид у него был мрачный, словно он только что поссорился с мисс Ченнинг-Пибоди или, напротив, хотел бы сам сидеть рядом с ней. А может, это ее брат, которому хочется сидеть подальше от нее, мелькнуло у Уилбура Кедра.

Девушка, прямо сказать, выглядела неважно. Среди загорелых родственников она выделялась какой-то прозрачной бледностью; в тарелке ковырялась безо всякого аппетита. Обед был из тех, когда каждое новое блюдо сопровождается полной сменой тарелок, и чем натянутее становилась застольная беседа, тем громче и настойчивее звучал звон серебра. Напряжение явно сгушалось. И создавалось оно не темой беседы, а скорее полным ее отсутствием.

Дряхлый, отошедший от дел хирург, сидевший по другую руку, – не то Ченнинг, не то Пибоди, казалось, был очень разочарован, узнав, что его молодой коллега – врач-акушер. Это не помешало, однако, старому чудачу спросить у доктора Кедра, каков его любимый прием выталкивания плаценты из матки в нижнюю часть полового тракта. Уилбур Кедр описал доктору Пибоди (или доктору Ченнингу, или как его там) этот прием, понизив голос; но старичок оказался туг на ухо и потребовал, чтобы доктор Кедр говорил громче. Общий разговор за столом не клеился, беседовали только два врача, теперь доктор Кедр объяснял возможные повреждения промежности при родах, коснулся способов сдерживания головки ребенка, техники надрезов входа во влагалище в случае угрозы разрывов. Ведя ученую беседу, Уилбур Кедр заметил: цвет лица у Мисси меняется, как кожа хамелеона. Из бледной она стала желтой, потом в лице разлился оттенок весенней травки, потом бледность опять взяла верх, и тут Мисси потеряла сознание. Кожа ее на ощупь была холодной и липкой, глаза закатились. Мать с мрачным молодым человеком в белом теннисном костюме (то ли Кэбот, то ли Чедуик) вынесли ее из-за стола.

– Ей нужен воздух, – объявила миссис Ченнинг-Пибоди, но как раз воздуха-то в штате Мэн хоть отбавляй.

Уилбур Кедр теперь уже точно знал, что сейчас нужно Мисси. Ей нужен аборт. Об этом говорили и мрачный вид молодого Чедуика (или Кэбота), и озабоченное ворчание старого хирурга, вдруг заинтересовавшегося современными акушерскими методами, отсутствие тем для общего разговора и даже нарочито громкий стук ножей, вилок и тарелок. Так вот почему его пригласили сюда. Мисси Ченнинг-Пибоди, страдающей от токсикоза, требуется аборт. Значит, и богатые не могут обойтись без аборт. Значит, и богатые, которые, по мнению Кедра, все всегда узнают последними, прослышали о нем. Ему захотелось встать и уйти, но судьба уже крепко держала его за шиворот. Иногда приклеенный ярлык как-то незаметно становится призыванием; Уилбур Кедр почувствовал, что призван. Письмо проститутки из Сент-Облака было уже совсем близко, он получит его и откликнется на его зов. Но сперва послужит призыванию здесь.

Он вышел из-за стола. Мужчин отослали в другую комнату – курить сигары. Дамы обступили вошедшую няню (или гувернантку, что, в общем, тоже прислуга) с ребенком на руках и зашебетали вокруг него. Уилбур Кедр тоже решил взглянуть, дамы расступились. Малыш был розовощекий и жизнерадостный, месяцев трех от роду, но на его щеке были явно заметны следы щипцов. «Наверняка останется шрам. Я с этим справляюсь лучше», – подумал он.

– Разве не прелесть, доктор Кедр? – обратилась к нему одна из женщин.

– Плохо, что на щеке отметина от щипцов, – сказал доктор Кедр, и дамы разом умолкли.

Миссис Ченнинг-Пибоди повела его в холл, оттуда в уже приготовленную для него комнату.

– У нас небольшая проблема, – по дороге сказала она.

– На каком месяце? – спросил он миссис Ченнинг-Пибоди. – Уже дергается?

Дергается или нет, но подготовились к чистке чрева Мисси – лучше нечего и желать. Небольшой кабинет, где на стенах висели портреты мужчин в военных мундирах, а на полках по стойке смирно выстроились шеренги книг (которых лет сто никто не трогал), превращен в идеальную операционную. На переднем плане мрачноватой комнаты – массивный стол, на нем подстилка, поверх которой прорезиненная ткань. На столе в правильной гинекологической позе – Мисси. Лобок уже выбрит и протерт антисептическим раствором. Словом, домашняя работа выполнена на отлично. Во всем чувствовалась опытная рука, скорее всего дряхлого семейного врача-хирурга. Тут были спирт, зеленое мыло, щеточка для ногтей (которыми он немедленно воспользовался), набор из шести металлических расширителей, три кюретки в кожаном футляре, выстланном изнутри атласом. И наконец, хлороформ с маской, и этот их просчет – откуда им знать, что Уилбур Кедр отдавал предпочтение эфиру, – почти примирил его с ними.

Не мог он простить им одного – очевидного отвращения, которое они питали к нему. У стола, как на страже, стояла женщина за шестьдесят, верная служанка, бывшая, возможно, повивальной бабкой множества маленьких Ченнинг-Пибоди, включая и Мисси. Старуха окинула Кедр высокомерным и вместе острым взглядом, как будто ожидала, что доктор Кедр рассыплется в признательности, а она демонстративно не услышит его. Тут же была и миссис Ченнинг-Пибоди, которой явно претило близко подойти к нему; все-таки она пересилила себя и взяла протянутый пиджак. После чего доктор Кедр попросил ее выйти.

– Пришлите сюда того молодого человека, – распорядился Кедр. – Его место здесь. – Он говорил о мрачном юнце в белом теннисном костюме, не важно, кто он, гневающийся брат или провинившийся любовник.

«Эти люди нуждаются во мне, и они же меня презирают», – думал Кедр, тщательно моя руки. Окунул руки по локоть в спирт и опять подумал: скольких врачей, должно быть, знает семейство Ченнинг-Пибоди (и сколько врачей наверняка имеется в самом семействе!), но ни к кому из своего круга они не обратились с этой «небольшой проблемой». Слишком чисты.

– Вам нужна моя помощь? – осведомился мрачный молодой человек.

– В общем, нет, – отозвался Кедр. – Ни к чему не прикасайтесь, станьте за моим левым плечом и внимательно следите за тем, что будет происходить.

Когда Уилбур Кедр пустил в ход кюретку, вся классовая надменность молодого Чедуика (а может, Кэбота) вмиг улетучилась; при первом появлении на свет божий «продуктов зачатия» прокурорская окаменелость черт сменилась приятной размягченностью, а лицо стало под стать теннисному костюму.

– Стенки матки, – начал объяснять доктор Кедр, – это твердая мышечная ткань, и если матка высоблиена начисто, ее стенки издадут легкий скрипящий звук. Это означает, что продукты зачатия полностью удалены. Напрягите слух и ждите. Ну что, слышите? – спросил он.

– Нет, – прошептал молодой человек.

– Может, я не совсем точно выразился, – сказал Уилбур Кедр. – Возможно, это скорее ощущение, чем звук. Но мне звук слышится явственно. Как будто песок на зубах скрипит, – добавил он, наблюдая за тем, как молодого Чедуика (или Кэбота) рвет в сложенные ковшиком ладони. – Измеряйте температуру каждый час, – сказал Кедр суровой служанке, державшей наготове стерилизованные полотенца. – Если начнется сильное кровотечение или поднимется температура, немедленно вызывайте меня. И обращайтесь с ней как с принцессой, – приказал

Уилбур Кедр пожилой женщине и мертвенно-бледному, выжатому как лимон молодому человеку. – Следите, чтобы у нее не появилось чувства вины.

Он заглянул под веки Мисси, еще не очнувшейся после наркоза, и решил немедленно откланяться, как подобает джентльмену. Надевая пиджак, обнаружил в нагрудном кармане толстый конверт, считать не стал, но прикинул на глаз – в конверте больше пятисот долларов. Обслуга есть обслуга, опять особняк мэра с черным ходом для слуг. Значит, никаких больше приглашений от Ченнинг-Пибоди не будет – ни на партию тенниса, ни на обед, не говоря уже о морских прогулках.

Пятьдесят долларов Кедр вручил старой служанке, она уже успела обмыть гениталии антисептическим раствором и положить стерильную прокладку. Долларов двадцать сунул несчастному теннисисту, отворившему двери в сад глотнуть свежего воздуха. Теперь можно и уйти. Сунул руку в карман пиджака, опять нащупал трусики, не отдавая себе отчета, взял со стола щипцы и двинулся искать старого хирурга, но в столовой были только слуги, убиравшие грязную посуду. Каждому досталось долларов двадцать-тридцать.

Его дряхлый коллега крепко спал в кресле в соседней комнате. Доктор Кедр вынул из кармана трусики и щипцами пришил их к лацкану отставного хирурга.

Затем отыскал кухню и оставил там еще долларов двести.

Выйдя из особняка, он отдал последние двести долларов садовнику, стоявшему на клумбах посреди цветочной клумбы у парадной двери. Хорошо бы пустой конверт вернуть лично миссис Ченнинг-Пибоди, но величественная дама явно от него пряталась. Он сложил конверт вдвое и хотел повесить его на медное кольцо; но конверт, сдуваемый ветром, не желал висеть на кольце. Рассердившись, Кедр скомкал конверт и швырнул белый бумажный шарик на зеленую травку аккуратно подстриженного газона, который огибала подъездная аллея. Двое игроков в крокет прервали игру на соседней лужайке и изумленно воззрились сперва на скомканную бумажку, а затем на синее летнее небо, словно ожидая, что оттуда вот-вот грянет гром и убьет доктора Кедра на месте.

На обратном пути в Портленд Уилбур Кедр задумался о последнем столетии в истории медицины. С чего все началось? Сначала узаконили аборты, потом пришел черед более сложных операций вроде внутриматочной декапитации и пульверизации плода (вместо не такого уж безопасного кесарева сечения). Он снова и снова шепотом повторял эти мудреные слова: декапитация, пульверизация. В Портленд он вернулся с готовой концепцией. Итак, он, врач-акушер, способствует рождению детей. Это – говорят его коллеги – работа Господня. Но он еще и делает аборты, споспешествует матерям. Для коллег это работа дьявола, он, однако, уверен – обе эти работы угодны Богу. Как верно заметила миссис Максвелл, «душа настоящего врача не бывает излишне милосердной».

Впоследствии, стоило ему усомниться в своем призвании, он вызывал в памяти прошлое – переспал однажды с матерью, после чего оделся при свете сигары дочери. Затем всю жизнь преспокойно обходился без секса. Так какое же он имел право осуждать ближнего своего за секс? И еще вспоминал, что мог сделать и не сделал для дочери миссис Уиск и чем это кончилось.

Он будет помогать деторождению, но будет помогать и мамам.

А в Портленде его уже ждало письмо из Сент-Облака. Когда члены совета здравоохранения штата Мэн проводили его в Сент-Облако, они, конечно, не знали о его чувствах к сиротам, равно как и о желании поскорее уехать из Портленда, этой тихой гавани, которую во время оно покинуло судно «Грейт-истерн», чтобы никогда не возвращаться. Они не узнают, что уже в первую неделю работы доктор Кедр создал в Сент-Облаке сиротский приют^[12] (деваться-то было некуда); принял роды у трех женщин (один младенец желанный, два – нет, но и желанный стал сиротой) и сделал третий в своей жизни аборт. Несколько лет приобщал он местное население к достижению цивилизации – противозачаточным средствам, так что соотношение

«один аборт на троих новорожденных» сохранялось довольно долго. Со временем оно стало один к четырем, а затем и один к пяти.

В Первую мировую войну, когда Уилбур Кедр находился во Франции, замещавший его врач отказался делать аборт; рождаемость сразу выросла, число сирот удвоилось; но врач, замещающий Кедра, говорил сестрам Эдне и Анджеле, что послан на эту землю творить работу Господню, а не дьявола. Эти выражения привились и стали слетать с уст не только сестер, но потом и самого доктора Кедра. В письмах из Франции, которые он слал своим верным сподвижницам, доктор Кедр писал: что-то, а работу дьявола он видит здесь каждый день – раны от осколков снарядов, гранат, шрапнели, засоренные землей и клочками одежды; и конечно, газовая гангрена, эта чума Первой мировой войны. Уилбур Кедр на всю жизнь запомнил, как потрескивает, если дотронешься, зараженная гниющая плоть.

«Скажите этому идиоту (его замене), – писал Кедр сестрам Анджеле и Эдне, – что в приюте любая работа – Господня. Все, что мы делаем, делаем для сирот. Ограждаем их от страданий!»

За годы войны сестра Эдна и сестра Анджела усвоили эти фразы, отвечающие реалиям Сент-Облака: работа Господня и работа дьявола. Доктор Кедр не возражал, он любил говорить: от слова работа не сделается, была бы польза. При этом, конечно, сестры были согласны с Кедром, любая работа в приюте – Господня.

С первой серьезной проблемой они столкнулись лишь в 193... году. Эта проблема была Гомер. Он столько раз покидал Сент-Облако и возвращался, что пришлось искать ему применение. Подросток, разменявший второй десяток лет, должен приносить пользу. Но сумеет ли он понять все как надо? – гадали сестры Эдна и Анджела, да и сам доктор Кедр. Гомер видел, как матери приезжают и уезжают, оставляя младенцев. А вдруг он начнет их считать? Ведь он сразу обнаружит, что младенцев меньше, чем мам, заметит, что не у всех беременных огромные животы, а многие даже не остаются на ночь. Нужно ли объяснять ему все, ломали они головы.

– Уилбур, – сказала сестра Эдна, и сестра Анджела укоризненно возвела глаза к небу, – наш мальчик давно знает приют как свои пять пальцев. Он сам обо всем догадается.

– Он взрослеет с каждой минутой, – подхватила сестра Анджела. – Каждый день приносит ему что-то новое.

В приюте было заведено не помещать женщин, оправляющихся после аборта, в той же палате, где родившие мамы готовились к расставанию со своими младенцами. Этого не мог не заметить даже ребенок. Кроме того, Гомеру часто приходилось опорожнять мусорные бачки, все, даже из операционной с особой крышкой, которые доставлялись прямо к мусоросжигателю.

– А что, если он заглянет в бачок, Уилбур? – спросила сестра Эдна доктора Кедра.

– Если он уже такой большой, что заглядывает в бачки, значит пора его учить, – ответил Святой Кедр.

Скорее всего, слова Кедра значили: такой большой, что может разобраться в содержимом бачка. После родов и аборта в бачок отправлялось почти одно и то же: кровь и слизь, вата и марля, плацента и лобковые волосы. Сестры наперебой уверяли доктора Кедра, что для аборта лобок пациентки можно не брить, но Кедр был неумолим: раз вся работа – Господня, говорил он, ни в чем не будет различий. Бачки, которые Гомер носил к мусоросжигателю, содержали вещественную историю Сент-Облака: обрывки шелковых хирургических ниток, мыльную воду от клизм и еще то, что Гомер (боялись сестры Эдна и Анджела) мог бы там невзначай обнаружить, – «продукты зачатия», другими словами – человеческие эмбрионы или узнаваемые их части.

Он и обнаружил, узнав таким образом (ему было уже тринадцать – несчастливое число), что в Сент-Облаке извлекают на свет божий и тех, кто «дергается» и кто «не дергается». Возвращаясь однажды с пустым бачком в больницу, он увидел на земле человеческий плод, выпав-

ший из бачка на пути к мусоросжигателю. Откуда здесь взялась эта странность, подумал Гомер, с неба, что ли, упала? Нагнулся, поднял и стал искать взглядом гнездо. Но деревьев поблизости не было. А птица не может снести яйцо на лету, да и упало оно здесь, рядом осталась бы скорлупа.

Может, это выкидыш какого-нибудь животного? В сиротском приюте, особенно если при нем такая больница, слово это не редкость. Но какого? Весил он меньше фунта, длина – дюймов восемь, на почти прозрачной головке что-то темнеет, да ведь это зачатки волос, не перьев; на сморщенном личике как будто брови, заметны даже ресницы. А это что за бледно-розовые точки на груди величиной с большой палец? Неужели соски? А крохотные скорлупки на кончиках пальцев рук и ног – это же ногти! Держа находку в ладони на вытянутой руке, Гомер помчался напрямик к доктору Кедр. Кедр сидел за пишущей машинкой в кабинете сестры Анджелы, печатая письмо в Новоанглийский приют для малолетних бродяжек.

– Я что-то нашел, – сказал Гомер и протянул руку.

Кедр взял у него плод и поместил на белый лист бумаги, лежащий на столе сестры Анджелы. Плоду было месяца три, от силы четыре. До аборта он, по-видимому, еще «не дергался», но был уже близок к этому.

– Что это такое? – спросил Гомер Бур.

– Работа Господня, – сказал Уилбур Кедр, главный святой Сент-Облака.

Ибо сию минуту ему открылось: это тоже работа Господня – учить Гомера всему, что он знал сам. Дабы мальчик умел отличить добро от зла. Работа Господня – тяжелый труд, но, раз уж хватило духу взвалить его на себя, исполнять его надо наилучшим образом.

Глава третья

Принцы Мэна, короли Новой Англии

«Здесь, в Сент-Облаке, – писал в дневнике доктор Кедр, – мы относимся к сиротам как к отпрыскам королевских фамилий».

Отголоском этого, по-видимому, и было ежевечернее благословение, произносимое доктором Кедром в темноте над рядами кроватей в отделении мальчиков. Благословение следовало сразу за вечерним чтением; после несчастного случая с Винклями доктор Кедр возложил эту обязанность на Гомера, который ему рассказал, с каким чувством читал Диккенса в походной палатке Винклей и что получилось у него это совсем неплохо; правда, Винкли почему-то заснули. Таланты надо поощрять, подумал доктор Кедр, к тому же это прибавит Гомеру уверенности в себе.

Шел 193... год. Гомер стал читать мальчикам «Давида Копперфильда» чуть не на другой день после того, как первый раз увидел человеческий эмбрион. Читал перед сном ровно двадцать минут, ни больше ни меньше. Пожалуй, на чтение романа у него уйдет больше времени, чем у Диккенса на его написание. На первых порах он слегка запинаясь, и мальчишки немного младше его посмеивались над ним, но очень скоро Гомер стал читать идеально. Часто уже в постели он громко шептал себе первую фразу романа. Она действовала на него благотворно, как молитва, и глаза у него сами собой смыкались.

«Эти страницы покажут, стану ли я главным героем собственной жизни, или им будет кто-то другой», – шептал Гомер. Ему вспоминалась котельная Дрейперов в Уотервилле, сухость в глазах и носу; водяной вал, смывший Винклей; холодная, влажная запятая эмбриона, мертво покоившаяся у него на ладони. Вот кому никогда уж не стать героем собственной жизни.

В спальне гас свет, сестра Эдна или сестра Анджела спрашивали, не хочет ли кто последний раз глотнуть воды или сходить на горшок; под потолком слабо мерцал заметный во тьме волосок лампы, одни мальчишки уже спали и видели сны, другие переживали приключения Давида Копперфильда; и вот тогда отворялась дверь, ведущая в коридор, стены и водопроводные трубы которого были окрашены в больничные цвета, в светлом проеме появлялась голова доктора Кедра, и он громко произносил:

– Спокойной ночи! Спокойной ночи, принцы Мэна, короли Новой Англии! – (Мертвая запятая эмбриона никогда не станет ни принцем, ни королем.)

Бам! – хлопала дверь, темнота воцарялась еще раз, и сироты оставались наедине каждый со своими царственными образами. Каких принцев и королев они вообразят? О каком будущем станут мечтать? Какую королевскую семью, распахнувшую им объятия, увидят во сне? Какую принцессу, готовую их полюбить? Рассеется ли мрак, окутавший их, когда хлопнула дверь и стихли шаги доктора Кедра и сестры Анджелы (или сестры Эдны)? (Эмбрион, скорчившийся у него на ладони, никогда не услышит этих шагов. А какие у него маленькие, сморщенные ушки!)

У Гомера были свои мечтания. Он и не помышлял расстаться с Сент-Облаком. Королевский двор был для него здесь, в приюте. Принцы и короли никуда не уезжали, не мечтали о морских путешествиях, никогда не видели океана. И все-таки даже Гомеру благословение доктора Кедра поднимало дух, вселяло надежду. Принцы Мэна, короли Новой Англии были главными героями своих жизней. Это ему ясно виделось в темноте спальни. Это ему внушил, как внушают отцы, доктор Кедр.

Вести себя, как подобает королю или принцу, можно и здесь, в Сент-Облаке. Наверное, в этом и заключался смысл вечернего благословения.

Гомер Бур, воображая себя принцем, благоговейно взирал на своего короля, стараясь не упустить ни слова, ни движения. Да вдруг вспоминал невзначай холодную, влажную мертвенность того эмбриона, который все не выходил у него из головы.

– Он холодный, потому что мертвый? – спросил он однажды доктора Кедр.

– Да, – ответил доктор Кедр. – В каком-то смысле он никогда не был живой.

– Не был живой, – как эхо повторил Гомер.

– Есть женщины, которые просто не могут прервать беременность, – сказал доктор Кедр. – Такая женщина чувствует в себе живого ребенка с первой секунды зачатия и уверена, что он должен родиться, хоть он ей не нужен, ей его не вырастить. Тогда она едет сюда, родит и оставляет ребенка нам. А мы ищем ему семью.

– Так получается сирота, – сказал Гомер. – И кто-то должен усыновить его.

– Обычно мы находим семью.

– Обычно, – кивнул Гомер. – По большей части.

– Рано или поздно, – уточнил доктор Кедр.

– А иногда, – сказал Гомер Бур, – женщина не хочет родить ребенка. И не родит.

– Иногда она с самого начала понимает, что ребенок ей ни к чему.

– И ребенок с первой секунды сирота?

– Можно сказать и так.

– И она убивает его, – продолжал Гомер.

– Если хочешь. Но можно и по-другому сказать: избавляется от него, пока он еще не стал ребенком. Прерывает беременность. В первые три или четыре месяца эмбрион, или плод (не ребенок!), еще не имеет собственной жизни. Он живет за счет матери. Он еще не развился.

– Не совсем развился, – поправил Гомер доктора Кедр.

– Не может самостоятельно двигаться.

– У него еще нет настоящего носа, – вспомнил Гомер. У того эмбриона было две дырочки, как на пяточке поросенка.

– Если женщина сильная и знает, что никто на свете не будет любить ее ребенка, она приходит сюда, и я помогаю ей.

– А как эта помощь называется? – спросил Гомер.

– Аборт, – ответил доктор Кедр.

– Точно, – опять кивнул Гомер. – Аборт.

– А в руке ты тогда держал абортированный плод. Трехмесячный эмбрион.

– Трехмесячный эмбрион, – повторил Гомер.

У него была несносная привычка повторять окончания фраз, как будто он тренировался произносить слова перед чтением «Давида Копперфильда».

– Вот почему, – продолжал терпеливо объяснять доктор Кедр, – некоторые женщины не похожи на беременных. Эмбрион, то есть плод, еще так мал, что ничего не заметно.

– Но они все беременные? – спросил Гомер. – Значит, эти все женщины или родят сироту, или убивают его?

– Да, – ответил доктор Кедр. – Я просто врач. Делаю то, что они хотят, помогаю родить сироту или делаю аборт.

– Сироту или аборт, – повторил Гомер.

– У вас, Уилбур, появилась еще одна тень, – пошутила сестра Эдна.

– Доктор Кедр, – сказала сестра Анджела, – вы обрели эхо, другими словами – попугая.

– Господь Бог, или что там есть, – ответил им доктор Кедр, – простит меня, что я сотворил себе ученика. Тринадцатилетнего ученика.

К пятнадцати годам Гомер так хорошо читал вслух, что старшие девочки обратились с просьбой к доктору Кедру: пусть Гомер и им почитает Диккенса.

- Только старшим девочкам? – спросил Гомер.
- Конечно нет, – ответил Кедр. – Если уж читать, то всем.
- Точно, – согласился Гомер. – А кому первым – мальчикам или девочкам?
- Девочкам. Девочки ложатся спать раньше мальчиков.
- Да? – спросил Гомер.
- Да. Во всяком случае, у нас.
- Начинать с того места, где я остановился у мальчиков?

Он перечитывал «Давида Копперфильда» уже четвертый раз (вслух третий) и дошел до шестнадцатой главы: «Новенький во всех смыслах».

Но доктор Кедр решил, что девочкам-сиротам лучше слушать про девочек, ведь мальчикам он выбрал книгу про сироту Давида. И дал Гомеру роман Бронте «Джейн Эйр».

Гомер сразу заметил, что девочки более благодарные слушатели, в худшую сторону их отличало одно: когда Гомер появлялся в спальне или уходил, они хихикали. Зато с каким наслаждением они слушали, ведь «Джейн Эйр» не столь интересная книжка, как «Давид Копперфильд». И пишет Шарлотта Бронте хуже, чем Чарльз Диккенс. Да и Джейн просто пискля, а девочки просили в конце прочитать еще хотя бы страничку. Но неумолимый Гомер отчитает двадцать минут, скорее вон из спальни и бегом в отделение мальчиков. Ночной воздух снаружи часто пах опилками, которых давно не было и в помине. Только тьма хранила еще след канувшего в Лету Сент-Облака, запахи лесопилки и даже тяжелую вонь сигар рабочих-пильщиков.

– Ночью иногда вдруг дохнет древесиной и сигарным дымом, – говорил Гомер доктору Кедру.

И у того всплывало воспоминание, от которого мороз подирал по коже.

В отделении девочек пахло не так, как у мальчиков, хотя в остальном было все то же – наружные трубы, больничный цвет стен, тот же распорядок дня. Пахло приятнее, но дух был гуще; лучше это или нет, Гомер не мог решить.

На ночь девочки и мальчики одевались одинаково – майки и трусы. Когда Гомер приходил к девочкам, они были уже в постелях, по пояс укрыты одеялами, одни лежали, другие сидели. У нескольких наметились груди, и они прикрывали их скрещенными руками; все, кроме одной, самой старшей и физически развитой. Она была старше и крупнее Гомера. Это она пересекала финишную прямую, приподняв его на бедро, в знаменитых гонках на трех ногах. Звали ее Мелони (по замыслу – Мелоди); это ее груди коснулся однажды Гомер, а она ущипнула его пенис.

Мелони слушала его, сидя на заправленной кровати в позе индейца, ночные трусы тесноваты, кулаки упираются в бедра, локти растопырены наподобие крыльев, полные груди выставлены вперед, над резинкой трусов – складка голого живота. Каждый вечер заведующая отделением миссис Гроган говорила ей:

- Ты простудишься, Мелони.
- Нет, – коротко отвечала та.

Миссис Гроган только вздыхала. Она старалась внушить девочкам – на этом зиждился ее авторитет, – что, вредя себе и другим, они причиняют боль ей, их воспитательнице.

– Вы делаете мне больно, – говорила она, глядя, как девочки дерутся, таскают друг друга за волосы, вцепляются в глаза, бьют кулаками по лицу. – Очень, очень больно.

На девочек этот воспитательный прием действовал. Но не на Мелони. Миссис Гроган любила ее больше всех, но завоевать ее расположение была бессильна.

– Если ты заболешь, Мелони, мне будет больно. Оденься, пожалуйста, – плачущим голосом просила миссис Гроган (за что и получила прозвище Плакса). – Ты совсем раздета. Мне очень, очень больно смотреть на тебя.

Но Мелони сидела не шелохнувшись, не сводя глаз с Гомера. Она была крупнее миссис Гроган, слишком велика для детского приюта. Слишком велика для удочерения. Девочкой

ее уже не назовешь, думал Гомер. Выше сестры Эдны, выше сестры Анджелы, ростом почти с доктора Кедр, тело как налитое. Гомер уже несколько лет не участвовал в гонках на трех ногах, но знал, что Мелони очень сильная. Он именно из-за нее отказался от гонок. Ведь бегать-то в паре приходилось с ней – они в приюте самые старшие.

Читая «Джейн Эйр», Гомер старался не глядеть на Мелони; стоило поднять на нее глаза, он чувствовал своим бедром ее бедро. Он знал: она недовольна, что он не участвует в гонках. И еще он боялся, вдруг она поймет, что его волнует ее полнота, что полнота кажется ему, сироте, даром Небес.

Чувствительные сцены из «Джейн Эйр» (слишком чувствительные для Гомера) исторгали слезы из глаз девочек, миссис Гроган громко вздыхала, даже всхлипывала. А Мелони, слушая эти умильные сцены, начинала тяжело, прерывисто дышать, как будто они будили в ней едва сдерживаемый гнев.

Конец четвертой главы оказался последней каплей.

– «Тот вечер отличался особым покоем, разлитой в мире гармонией, – прочитал Гомер и, услышав злобное шипение, храбро продолжал дальше: – Бетси рассказала мне несколько очаровательных историй и спела свои нежные песенки. – (К счастью, оставалось всего одно предложение, но могучая грудь Мелони уже пришла в движение.) – Даже в моей жизни (щебетала Джейн) проглядывало иногда солнышко», – успел прочесть Гомер заключительную фразу.

– Проглядывало солнышко! – взорвалась Мелони, возмущенная, на ее взгляд, явной фальшью. – Пусть бы приехала сюда! Посмотрела, как здесь проглядывает солнышко!

– Ах, Мелони, – вздохнула миссис Гроган. – Ты причиняешь мне боль.

– Солнышко! – взвилась опять Мелони.

Вся спальня заволновалась. Девочки полезли под одеяло, некоторые заплакали.

– Мне так больно от твоих слов! – лепетала миссис Гроган. – Я этого не вынесу!

Гомер поспешил уйти – глава все равно кончилась. На этот раз к хихиканью, обычно сопровождавшему его уход, примешивались всхлипывания и саркастические возгласы Мелони.

– Проглядывает, как же! – кричала она вслед Гомеру. – Может, где и проглядывает.

– Ты нам всем делаешь больно, – увещевала ее миссис Гроган.

Ночь снаружи была полна запахов. Пахло не только опилками, но еще чем-то едким – не то духами из бывшего борделя, не то застарелым потом из зальцы для игры в бинго. И ко всему примешивались идущие от реки испарения.

В отделении мальчиков его уже ждали. Младшие успели уснуть. Остальные лежали с открытыми глазами и ртом, как птенцы в гнезде, ожидающие пищи. Гомеру казалось, он кормит их своим голосом и они вечно просят еще. Как от сытости, от чтения у них начинали слипаться глаза, но сам Гомер не мог заснуть. Он лежал после вечернего благословения; в темноте еще витали его отголоски. И он жалел, что спит не в детской с младенцами, – их плач наверняка действует усыпляюще.

Сироты постарше мешали ему спать, производя различные шумы. Один из Джонов Уилбуров спал на прорезиненной простыне, и Гомер бодрствовал в ожидании, когда Джонни наконец помочится. Иногда он будил мальчика, вел в туалет, нацеливал маленький пенис и шептал: «Пи-пи-пи, Джон Уилбур. Писай здесь, писай!» Спящий мальчик оседал у него в руках, не чая вернуться в постель, в родную теплую лужу.

Иногда же, выйдя из терпения, Гомер подходил к кровати Джона Уилбура и шепотом приказывал: «Писай!» Приказ исполнялся незамедлительно.

Более печально дело обстояло с больным маленьким Фаззи Буком, «крестником» сестры Анджелы. Фаззи мучил постоянный сухой кашель. Красные глаза слезились. Спал он внутри палатки с увлажнителем воздуха: водяное колесо с вентилятором, приводимое в действие батареей, разбрызгивало всю ночь в палатке водяной пар. Грудь Фаззи хрипела, как будто в ней

работал маленький, теряющий обороты моторчик; влажные, прохладные простыни, которыми он был обернут, трепыхались всю ночь, как поверхность огромного полупрозрачного легкого. Водяное колесо, вентилятор, затрудненное дыхание Фаззи – все это сливалось в один протяжный шум; если бы что-нибудь одно вдруг умолкло, Гомер не понял бы, какие два звука продолжают жить.

По мнению доктора Кедр, у Фаззи Бука была аллергия на пыль, а мальчик родился и все годы жил в бывшей лесопильне – не самое лучшее для него место. Но ребенку с хроническим бронхитом не так-то легко подыскать семью. Кто согласится денно и нощно терпеть этот надсадный кашель?

Когда кашель Фаззи Бука становился невыносим, когда легкие, водяное колесо и вентилятор – все, что поддерживало жизнь Фаззи, – начинали сверлить голову, Гомер, неслышно ступая, шел в детскую. Там всегда дежурила одна из сестер. Они обычно не спали, подходя то к одной кровати, то к другой. Иногда младенцы, как сговорившись, вели себя тихо, дежурная сестра засыпала, и Гомер на цыпочках проходил мимо нее.

Однажды в детской он увидел мать, отказавшуюся от ребенка. Она не искала свою малышку, просто стояла в больничном халате посреди детской с закрытыми глазами, впитывая в себя запахи и звуки спящих младенцев. Гомер боялся, что она разбудит сестру Анджелу, дремавшую на дежурной койке, и сестра Анджела на нее рассердится. Медленно, осторожно, как, по мнению Гомера, надо обращаться с лунатиками, он отвел женщину в палату для матерей. Матери часто просыпались, когда он заглядывал к ним, просили пить, и он приносил им стакан воды.

Женщины, приезжавшие делать аборт, редко оставались на ночь. После абортов приходят в себя быстрее, чем после родов. Доктор Кедр заметил, что они предпочитают приехать спозаранку и уехать в тот же день с наступлением сумерек. Днем плач новорожденных не так слышен из-за шумных игр старших детей, разговоров матерей и сестер, а именно детский плач особенно волновал женщин после аборта. По ночам, если не считать журчания, доносившегося изредка с кровати Джона Уилбура, и кашля Фаззи Бука, все было тихо. Разве что ухнет сова или заплачет младенец. Не составляло труда заметить, что женщинам после аборта тяжело слышать их плач. Роды принимаются не по графику, зато аборт доктор Кедр всегда назначал на утро, после чего женщина днем отдыхала и вечером покидала приют. Некоторые жили далеко, он советовал им приезжать накануне: на ночь он даст снотворное, а за день успеют набраться сил для обратной дороги.

Женщины, приехавшие вечером, никогда не ночевали в одной палате с пациентками на сносях или уже родившими. Гомер, бродя в бессонные ночи по Сент-Облаку, видел, что лица у этих женщин во сне так же тревожны, как лица родивших или готовых родить. Гомер пытался представить себе, среди спящих и бодрствующих, лицо собственной матери. Куда она уехала после родов? А может, ей и некуда было ехать? Что в те дни думал его отец (если знал, что будет отцом), пока она здесь лежала? И вообще, знала ли она, кто отец?

Женщины иногда спрашивали его:

- Это у тебя практика?
- Ты будешь врачом, когда вырастешь?
- Ты тоже сирота?
- Сколько тебе лет? Тебя не усыновляли?
- Может, тебя взяли, а потом вернули?
- Тебе здесь нравится?

И он отвечал:

- Можно сказать и так.
- Наверно, буду; доктор Кедр – очень хороший учитель.
- Да, сирота.

– Скоро шестнадцать. Были попытки, но усыновление не для меня.
– Я сам захотел вернуться.
– Да, мне здесь нравится.
– Значит, ты отказался бы, если бы кто захотел тебя усыновить? – спросила одна из женщин, с огромным животом под туго натянутой простыней.
– Отказался бы. Точно.
– И ты даже не думаешь об этом?
– Думаю. Но сколько бы ни думал, все равно не передумаю. Буду здесь, пока нужен. Пока приношу пользу.

Беременная женщина заплакала. Гомер боялся взглянуть на нее, живот у нее, казалось, сию минуту лопнет.

– Пока приношу пользу, – повторила она сквозь слезы, как будто переняла у Гомера повторять окончания фраз. Спустила к ногам простыню, задрала больничную рубашку. Сестра Эдна уже побрила ее.

Женщина положила руки на огромный живот.

– Гомер, – прошептала она, – хочешь принести пользу?

– Да. – У Гомера перехватило дыхание.

– Никто, кроме меня самой, не клал мне на живот руку. Никто не прикладывал ухо послушать, как он там. Нельзя беременеть, если некому слушать, как ребенок ворочается у тебя под сердцем. Правда?

– Не знаю, – проговорил Гомер.

– А ты не можешь положить мне на живот свою руку?

– Конечно могу, – сказал Гомер и коснулся ладонью твердого горячего живота.

– Приложи сюда ухо, – попросила женщина.

Он приблизил к животу ухо, и женщина с силой прижала его к себе. Внутри у нее как будто били на барабане. Вся она была горячая, как выключенный, но еще не остывший мотор. Если бы Гомер видел океан, он сравнил бы ее еще с колыханием прибоя, с волнами, набегающими на берег и откатывающимися назад.

– Нельзя родить ребенка, если никто не хочет спать, положив сюда голову, – шептала женщина, похлопывая ладонью по животу рядом с головой Гомера.

«Куда „сюда?“» – думал Гомер, ведь на всем животе и грудях не было ни одного плоского местечка. Грудь были все-таки более подходящей подушкой, но она говорила не о них. Вслушиваясь в бурление и ворочание у нее в животе, Гомеру не верилось, что там только один ребенок. Ему померещилось, что там целый народ.

– Хочешь принести пользу? – спросила женщина, продолжая тихо плакать. – Поспи так немного.

Он сделал вид, что спит на этом живом валуне, к которому она все прижимала и прижимала его голову. Он первый понял, что у нее стали отходить воды; наплакавшись, она забылась коротким сном. Гомер, не будя ее, пошел искать сестру Эдну. И с первыми проблесками зари родилась крепкая, восьми фунтов, девочка. Сестры Эдна и Анджела девочкам имен не давали; нарекли ее через несколько дней – не то миссис Гроган, любившая ирландские имена, не то секретарша, которая плохо печатала на машинке (это из-за нее Мелони упустила шанс именоваться Мелоди), но обожала придумывать девочкам имена.

Сколько потом ни искал Гомер эту девочку, так и не смог найти. Вглядывался в появившихся той ночью детей, как будто не сомневался, что ночное бдение на животе ее матери обострит его чувства и он опознает ее.

Но конечно, он ее не нашел. Примет на ней никаких не было, единственной подсказкой были звуки материнского чрева.

Он даже Мелони посвятил в эту игру. Но Мелони, верная себе, отнеслась к ней с насмешкой.

– Что, по-твоему, девочка могла сделать такого в животе, чтобы ты потом узнал ее? Булькнуть, пукнуть или стукнуть тебя пяткой по уху? – сказала она.

Гомер ничего не ответил. Это была его сокровенная игра – для себя и с собой. Сироты любят такие игры. Есть еще одна стародавняя игра: сирота вдруг вообразит, что родители, одумавшись, теперь всюду ищут его. А Гомер целую ночь провел с матерью уже потерявшейся девочки, узнал, что и отец никогда не будет ее искать. Может, потому он и пытался найти ее. Она наверняка будет когда-нибудь играть в «одумавшихся родителей», так пусть хоть один человек на земле ищет ее, даже если это просто другой сирота.

Доктор Кедр решил поговорить с Гомером о Мелони.

– Злость – смешная штука... – сказал он, уверенный однако, что это не совсем так.

– Я что хочу сказать, – перебил его Гомер. – Я согласен, отрывок с этим самым солнышком и правда слишком чувствительный. Читаешь его – и тебя коробит. Но Джейн Эйр именно так говорит, просто она такая. Что тут поделаешь. А Мелони почему-то зашла от злости.

И доктор Кедр стал рассказывать. Мелони – одна из немногих сирот, родившихся не в больнице приюта. Ее нашли рано утром у больничной двери. Ей было года четыре, может, пять, она всегда была крупный ребенок, и точно определить, сколько ей лет, никто не мог. До восьми или девяти лет она молчала, и доктор Кедр даже подумал, что имеет дело с умственно отсталым ребенком. Но проблема заключалась в другом.

– Мелони всегда была злоюкой, – говорил доктор Кедр. – Мы не знаем, где она родилась, у кого, что пережила в раннем детстве. И она сама вряд ли сознаёт причину своего озлобления. – Кедр замолчал, взвешивая, сказать ли Гомеру, что Мелони пробовали отдать на воспитание более четырех раз. И все-таки решился. – Мелони претерпела несколько неудачных удочерений, – осторожно произнес он. – Попроси ее рассказать об этом, если представится случай. Рассказывая, она даст выход накопившейся злобе. Как раз то, что в ее случае нужно.

– Спросить об удочерении? – Гомер покачал головой. – Не знаю. Я никогда ни о чем с ней не разговариваю.

Доктор Кедр тут же пожалел о сказанном. Наверное, Мелони помнит о своей первой семье. Они вернули ее обратно, утверждая, что она укусила их любимую собачку, подравшись из-за мяча. Ладно бы один раз. Но она все время ее кусала, уверяли они. Подкрадется к собаке, когда та ест или спит, и куснет. Собака чуть не сошла с ума.

От вторых и третьих родителей Мелони сама сбежала, объяснив побег тем, что отцы или братья в этих семействах проявляли к ней нездоровый интерес. Четвертая семья обвинила Мелони в нездоровом интересе к младшей дочери. Пятые родители из-за Мелони разошлись. Жена утверждала, что муж соблазнил приемную дочь. Муж утверждал, что приемная дочь сама соблазнила его, применив насилие. Мелони прокомментировала ситуацию недвусмысленно. «Меня соблазнить не может никто», – гордо заявила она миссис Гроган. В шестом семействе вскоре после появления Мелони умер муж, и жена отправила ее назад в Сент-Облако, написав, что одна не сможет воспитывать Мелони, чувствуя себя недостаточно к этому подготовленной. (В разговоре с миссис Гроган Мелони отпустила только одно замечание: «Видели бы вы эту неподготовленную!»)

Не дай бог Гомеру услышать все это из уст самой Мелони, подумал доктор Кедр. И совсем огорчился. Чему только он не учит Гомера, допустил до таких операций! Так почему же старается оградить его от темных сторон жизни?

Сестра Анджела называла Гомера ангелом, это было в ее характере. Сестру Эдну восхищала его душевная чистота и другие добродетели. И все равно доктора Кедра беспокоило общение Гомера с «падшими» созданиями, которым в Сент-Облаке оказывали помощь, с теми

горемыками, которых здесь тщательно выскабливали и которые уезжали, оставив только продукты зачатия, и с матерями, бросившими детей, в чьих судьбах он, конечно, искал сходство с судьбой матери. Какой след они оставляют в его душе?

У Гомера было приветливое, открытое лицо; оно отражало любое чувство, любую мысль, как поверхность равнинного озера малейшее изменение погоды. У него была сильная рука, на которую можно опереться, и глаза, которым не боишься довериться. Какие истории ему предстоит выслушать, а главное, в каком тоне они будут преподноситься? Не грязь волновала доктора Кедр, а жизненная философия.

А тут еще Мелони, этот чемпион-тяжеловес отделения девочек, изливает на Гомера свою озлобленность. Это еще цветочки, думал доктор Кедр, ягодки – впереди. Ее потенциальные возможности по части просвещения Гомера виделись ему безграничными и чудовищными.

Мелони взялась просвещать Гомера во второй же вечер чтений. Гомер пришел в спальню рано, чтобы пораньше уйти. В спальне царил беспорядок; многие девочки еще не легли; увидев его, они запищали, поспешно пряча под одеяло голые ноги. Гомер смутился, стоял как потерянный посередине спальни под свисающей с потолка голой электрической лампочкой и безуспешно искал глазами миссис Гроган, которая всегда была так добра к нему. При этом он крепко сжимал в руках «Джейн Эйр», точно боялся, что девчонки силой вырвут ее у него.

Он заметил, что Мелони, почти голая, уже сидит на постели в своей обычной позе. Встретив ее буравящий взгляд, он опустил глаза, отвел в сторону, взглянул на свои руки, сжимающие «Джейн Эйр».

– Эй, ты! – услышал он ее возглас, обращенный к нему, и вслед за ним шиканье девочек, призывающих к тишине. – Эй, ты! – повторила Мелони.

Он поднял на нее глаза и вдруг увидел выставленный в его сторону огромный голый зад устрашающих размеров – Мелони успела встать на четвереньки. На одном из тугих бедер лежала синеватая тень, скорее всего от ушиба; между округлых ягодичек темнел, вперясь в Гомера, немигающий глаз.

– Эй, Солнышко! – опять сказала Мелони; Гомер стал пунцовым, как небесное светило на утренней или вечерней заре. – Солнышко, солнышко, – приговаривала Мелони.

Так и родилось это прозвище, подаренное сироте Гомеру Бурой сиротой Мелони.

Гомер рассказал доктору Кедру о поступке Мелони, и доктор Кедр засомневался, мудро ли он поступил, позволив Гомеру читать у девочек. Но обратного хода нет. Запретить читать – все равно что понизить в должности, Гомер может потерять веру в себя. Работая в сиротском приюте, колебаться нельзя. А он колебался, обдумывая судьбу Гомера, значит, в нем говорят отцовские чувства. Мысль, что он позволил себе эту слабость, стал отцом, обреченным на вечные колебания, подействовала на него так угнетающе, что он обратился к верному утешителю – эфиру, без которого уже не мог жить.

В Сент-Облаке шторм на окнах не было. Окна провизорской, угловой комнаты, смотрели на юг и восток. И по мнению сестры Эдны, доктор Кедр вставал с зарей именно из-за восточного окна. Белая железная койка всегда выглядела так, словно ночью на нее не ложились. Доктор Кедр последний шел спать и утром первый вставал, почему и ходили слухи, что он вообще никогда не спит. По ночам в кабинете сестры Анджелы он печатал на машинке летопись Сент-Облака. Сестры давно забыли, почему эта комната называется «кабинет сестры Анджелы». Это было единственное административное помещение приюта, и доктор Кедр всегда там писал. Спал же он в провизорской, которая считалась его комнатой, и возможно, доктор Кедр хотел, чтобы контора справедливости ради числилась за кем-то еще.

Кроме окон, в провизорской было две двери (вторая вела в туалет с душевой). Два окна, две двери – стало быть, ни одной стены, где можно поставить мебель, и сирая больничная койка примостилась под восточным окном. В центре комнаты стоял провизорский стол, вокруг

которого выстроился лабиринт запертых шкафов с хрупкими стеклянными дверцами. Считалось удобным держать медикаменты, перевязочный материал и хирургические инструменты поближе друг к другу. Но у Кедр были на то и свои соображения. Лабиринт шкафов в центре, оставляя проход к дверям в туалет и коридор, скрывал от постороннего взгляда его койку. Из коридора ее, во всяком случае, не было видно; существенное обстоятельство, ведь в приюте ни одна дверь не запиралась.

Заставленная шкафами провизорская служила хорошим укрытием для эфирных отключек доктора Кедр. Он любил тяжесть этих баллончиков весом в четверть фунта. Эфир – дело тонкое, требующее навыка и знания приемов. Жгучий на вкус, легко испаряющийся, эфир в два раза тяжелее воздуха; доктор Кедр мастерски давал наркоз своим пациенткам, у которых первые секунды удушья вызвали панический страх. Нервным и ослабленным он для начала капал на маску цитрусовое масло, а уж потом эфир.

Сам он не нуждался в цитрусовой поблажке. Он слышал стук баллончика, который рука ставила на пол возле кровати, но не всегда улавливал мгновение, когда пальцы другой руки разжимались и маска под действием его дыхания сваливалась с лица. Но обычно он чувствовал, как его ватные пальцы отпускают ее; странно, но именно эта рука первая возвращалась к жизни и начинала нашивать маску, которой на лице уже не было. Он всегда слышал, если кто звал его перед дверью, и был уверен, что сумеет вовремя откликнуться.

– Доктор Кедр! – то и дело звали сестра Анджела, сестра Эдна или Гомер.

И их голоса тотчас возвращали его из эфирных странствий.

– Сейчас иду! – откликнулся доктор Кедр. – Я тут прилег отдохнуть.

В конце концов, это провизорская, а в провизорских всегда пахнет эфиром. И разве человек, который столько работает и так мало спит (если спит вообще), не может днем ненадолго прилечь?

Мелони первая открыла Гомеру глаза на отрицательные стороны доктора Кедр: во-первых, у него была одна вредная привычка и, во-вторых, диктаторские наклонности.

– Послушай, Солнышко, – сказала она однажды Гомеру, когда они спускались к берегу, – почему твой драгоценный доктор не смотрит на женщин? Он действительно не смотрит, поверь мне. Не смотрит даже на меня, а ведь все мужики, старики и мальчишки еще как смотрят. Даже ты, Солнышко. Ты тоже на меня смотришь.

На сей раз Гомер смотрел в сторону.

– А ты заметил, чем от него всегда пахнет? – спросила Мелони.

– Эфиром. Он ведь хирург. Вот от него и пахнет эфиром.

– По-твоему, это нормально, да?

– Да, – ответил Гомер.

– Как навозом и молоком от фермера с молочной фермы?

– Да.

– Чепуха, Солнышко. От твоего любимого доктора пахнет так, как будто эфир течет у него в жилах. Вместо крови.

На это Гомер предпочел ничего не ответить. Макушкой он как раз доставал до плеча Мелони. Они шли по голому, подтачиваемому водой берегу там, где стояли заброшенные дома; размывая берег, река обнажала фундаменты этих домов; у некоторых ни фундаментов, ни подвалов не было, они стояли на деревянных сваях, которые потихоньку догнивали в воде.

Гомера с Мелони притягивал дом с небольшой верандой, нависавшей над рекой, что изначально не предусматривалось. Теперь же сквозь широкие щели в полу виднелись бурно мчащиеся потоки.

Дом когда-то был общежитием рабочих лесопилки старого Сент-Облака; в нем не было и следов уюта, присущего человеческому жилью; все начальство и даже мастера, работавшие на компанию «Рамзес», жили в номерах гостиницы, вторую половину которой занимал бор-

дель. В этом же доме влачили существование пилющики, складские рабочие, сплавщики леса – словом, все, кто стоял на самой нижней ступени лесопильного производства.

Как правило, дальше веранды они не шли. Внутри не было ничего интересного – одна пустая кухня и несколько убогих спален, о чем единственно свидетельствовали полуистлевшие матрасы, населенные мышами. Сент-Облако связывала с миром железная дорога, поэтому здесь когда-то находили приют бродяги; они метили свою территорию на манер собак, писая вокруг матрасов, менее пострадавших от мышей. Несмотря на то что стекла в окнах были выбиты и зимой в комнатах наметало сугробы, по всему дому стоял неистребимый запах мочи.

Поднявшись на веранду, Мелони с Гомером увидели на половицах черную змею, пригревшуюся на нежарком еще весеннем солнце.

– Эй, Солнышко, смотри, – сказала Мелони и с удивительным для ее дородности проворством схватила дремлющую змею за загривок.

Это была гадюка почти трех футов длиной. Она билась и извивалась в руке Мелони, которая держала ее умело, ниже головы, не причиняя змее вреда. Схватив ее, Мелони тут же о ней забыла, возвела глаза к небу, точно ожидала знамения, и продолжала беседовать с Гомером.

– Твой драгоценный доктор, Солнышко, – сказала Мелони, – знает о тебе больше, чем ты сам. И обо мне, может быть, больше, чем я знаю.

Гомер и на это ничего не сказал. Он опасался Мелони, тем более со змеей в руке. «Ей ничего не стоит и меня так же ловко сцапать, – думал он. – Еще запустит в меня змеей».

– Ты думал когда-нибудь о своей матери? – спросила Мелони, глядя в небо. – Хотел узнать, кто она, почему оставила тебя, кто был твой отец, ну и все такое?

– Да.

Гомер не отрывал глаз от змеи. Она обвила руку Мелони, затем развила кольца и повисла, как веревка; то раздувалась, то опадала, по собственному хотению. Ощупав хвостом могучее бедро Мелони, уложила туловище на ее внушительной талии – самом, как ей показалось, безопасном месте – и угомонилась.

– Мне сказали, что меня нашли у больничного входа, – продолжала Мелони. – Может, оно так, а может, и нет.

– Я родился здесь, – сказал Гомер.

– Так, во всяком случае, тебе это преподнесли.

– Мне дала имя сестра Анджела, – возразил Гомер, приведя в доказательство хорошо известный ему факт.

– Если бы тебя подкинули, все равно тебя бы назвал кто-то из сестер.

Мелони все смотрела в небо, забыв про змею. «Она выше меня, – думал Гомер, – старше и знает гораздо больше. К тому же в руке у нее змея», – напомнил он себе и оставил последние слова Мелони без ответа.

– Солнышко, – отсутствующе проговорила Мелони, – подумай сам: если ты родился в Сент-Облаке, об этом должна быть в журнале запись. Твой драгоценный доктор знает, кто твоя мать. У него в архивах есть ее имя. Тебя обязательно зарегистрировали. Этого требует закон.

– Закон, – эхом откликнулся Гомер.

– Запись должна быть, – продолжала Мелони. – И должно иметься твое дело, Солнышко, где вся твоя история.

– История, – повторил Гомер. В его глазах встал образ доктора Кедра, сидевшего за машинкой в кабинете сестры Анджелы. Если и есть какие-то записи, они наверняка где-нибудь там.

– Хочешь знать, кто твоя мать, – сказала Мелони, – начинай поиски. Найди свое дело. И мое заодно. Ты, Солнышко, так быстро читаешь, что у тебя это много времени не займет.

Наши истории будут поинтереснее, чем «Джейн Эйр». Моя-то уж точно интересней, могу поспорить. И кто знает, что окажется в твоей.

Гомер позволил себе отвлечься от змеи. Он смотрел в щель между половицами на плывущие внизу предметы: вон толстый сук, похожий на сапог, может, даже чья-то нога, уносимая внешней водой. Услыхав звук, подобный свисту хлыста, Гомер отскочил в сторону: как он мог забыть про змею! Мелони вращала гадюку над головой, все еще глядя в небо; она больше не ждала знака, а смотрела в одну точку – на рыжего коршуна. Он висел в небе над рекой в ленивом круговом парении, характерном для охотящихся хищников. Хорошенько раскрутив змею, Мелони метнула ее на середину реки, и коршун сразу же ринулся за ней. Змея не успела еще коснуться воды и поплыть к берегу, спасая жизнь, а коршун уже вошел в пике. Змея не боролась с течением, она вписалась в него, стараясь плыть под таким углом, который привел бы ее как можно скорее на безопасную отмель, в заросли папоротника на берегу.

– Смотри, смотри, Солнышко! – позвала Мелони.

Коршун настиг змею в десяти метрах от берега и взмыл с ней в небо – змея била хвостом, извивалась, но исход борьбы был уже ясен.

– А сейчас я покажу тебе еще кое-что, – сказала Мелони.

– Да, – сказал Гомер, весь обратившись в зрение и слух.

Сначала коршун с трудом нес змею: ее вес и движения мешали полету. Но чем выше он летел, тем ему становилось легче. Как будто воздух в небе обладал другими свойствами, чем тот, каким дышат на земле змеи.

– Солнышко! – проявляя нетерпение, позвала опять Мелони и повела Гомера по лестнице внутрь старого дома в одну из полутемных спален. В комнате пахло так, словно в ней был кто-то живой, но в темноте трудно было разобрать, что там в глубине – матрас, начиненный мышами, или человеческое тело. Мелони с силой дернула ветхий ставень, висевший на одной петле, открыла его. И встала на колени на матрас у стены, освещенной открытым окном. На стене, приколотая одной ржавой кнопкой, висела старая фотография – чуть выше уровня изголовья давно отсутствующей кровати. От кнопки вниз по бурому фону фотобумаги шел ржавый подтек.

Гомер видел в других комнатах старые фотографии и сначала не обратил на эту внимания. На снимках были обычно матери, дети, отцы – словом, семейные фото, занимающие воображение сирот.

– Иди сюда, Солнышко, – позвала Мелони. – Взгляни.

Она пыталась ногтями отколупнуть кнопку, но кнопка сидела в дереве не одно десятилетие. Гомер встал на колени рядом. Он не сразу понял, что изображает снимок; наверное, его смущала близость Мелони; после тех гонок, когда они вместе упали на финише, он ни разу не был физически так близко к ней.

Разобрав, что на фото, но не уловив в нем смысла, Гомер совсем смутился: как можно смотреть на такое в присутствии Мелони! Но глаз не отвел – еще подумает, что он трус. Изображение свидетельствовало о том, как лихо преломлялась действительность в творческом сознании фотографов начала века. Снимок обрамляла дымка, что-то вроде стилизованных облаков, создавая не то траурный, не то романтический эффект. И позирующие совершали свой сногшибающий акт то ли в раю, то ли в аду.

По мнению Гомера – в аду. Действующие лица – длинноногая девица и низенький пони. Обнаженная женщина, разбросав ноги в позе парящего орла, лежала на ковре, в котором безнадёжно перепутались персидские и восточные мотивы (впрочем, Гомер этой путаницы не заметил); пони стоял над ней хвостом к голове, пропустив ее тело между ног, параллельно своему крупу. Голова опущена, точно пони собирается щипать травку, прямо к густой копне лобковых волос, морда слегка смущенная не то из-за нацеленного объектива, не то от стыда; хотя, возможно, не смущенная, а попросту глупая. Пенис у пони был толще и длиннее, чем рука

Гомера, но девице пришлось-таки изогнуть шею, чтобы дотянуть пенис до рта. Щеки у нее раздулись, глаза чуть не вылезли из орбит; но по лицу не поймешь, лопнет ли она от смеха или задохнется от этого странного кляпа. Что до пони, то его лохматая морда выражала как бы напускное безразличие, под которым скрывалось сдержанное достоинство животного.

– Повезло пони, а, Солнышко?

Мелони взглянула на Гомера, которого пробрала дрожь: ему вдруг явился образ фотографа, сочинившего эту дьявольскую композицию – женщина и пони, обрамленные не то райскими облаками, не то испарениями преисподней. На мгновение из прошлого восстал злой дух камеры-обскуры, автор фотошедевра. Но его тут же сменил хозяин матраса, на котором они с Мелони стояли коленопреклоненные, словно молились его святыне. Пильщик прикрепил ее над самой подушкой, чтобы утром, продрав глаза, насладиться ее видом: пони и женщина заменили ему семейный альбом. Вот что сокрушило Гомера; вымотанный работой обитатель ночлежки смотрит на этот снимок, потому что нет у него никого – ни детей, ни матери, ни отца; ни жены, ни возлюбленной; ни друга, ни брата.

Но, несмотря на почти физическую боль в сердце, он не мог оторвать взгляд от фотографии. Мелони же с неожиданной девичьей застенчивостью продолжала, потупившись, выковыривать ржавую кнопку, стараясь при этом не загородить рукой фотографию.

– Если я отколупну этот чертов снимок, – сказала она, – я подарю его тебе.

– Мне он не нужен, – неуверенно произнес Гомер.

– Еще как нужен. Вот мне он ни к чему. Пони меня не интересуют.

Сломав ноготь и поцарапав палец, она выколупала наконец кнопку из дерева, на фотографию упали свежие капельки крови и тут же высохли, приняв цвет ржавого подтека, пересекшего гриву пони и бедро молодой женщины. Мелони сунула пораненный палец в рот и, прижав нижнюю губу к зубам, вручила фотографию Гомеру.

– Понял меня, Солнышко? – спросила она Гомера. – Ты видишь, что делает эта женщина?

– Да, – ответил Гомер.

– А ты бы хотел, чтобы я сделала тебе то же?

Она сунула весь палец в рот, зажала его губами и стала ждать, что Гомер ответит, но он опять промолчал. Мелони вынула палец изо рта и прикоснулась к неподвижным губам Гомера. Он не шевельнулся, не смотрел на ее палец, боясь, что, если взглянет, его глаза скажут «нет».

– Если хочешь, чтобы я тебе это сделала, Солнышко, – сказала Мелони, – найди мое личное дело. – Она придавила пальцем его губы. – Найдешь – можешь почитать, если тебе интересно, – прибавила она, убрав наконец палец. – А теперь дай мне твой, – приказала она.

Но Гомер, держа снимок в обеих руках, не шевельнулся.

– Дай же палец, не укушу, – уговаривала его Мелони.

Он протянул ей левую руку, держа фото в правой, вернее сказать, протянул ей сжатый кулак, так что ей пришлось сначала разжать его.

– Взгляни на фото, Солнышко, – велела она; он взглянул. Мелони легко постучала его пальцем по своим зубам и при этом произнесла: – Достань запись, и я сделаю тебе то же. Береги этот снимок и хорошенько подумай.

Но у Гомера в уме сейчас свербело одно: скорее бы кончилось это кошмарное стояние на коленях рядом с Мелони, на этом матрасе – месте обитания многих поколений мышей, с обжигающей руку фотографией и пальцем у нее во рту. Как вдруг на крышу прямо над головой с оглушительным стуком хлопнулось что-то тяжелое, вроде человеческого тела, и тут же раздался хлопок полегче, словно тело подпрыгнуло; Мелони от испуга прикусила Гомеру палец – он не успел его отдернуть. Стоя на коленях, они прижались друг к другу и затаили дыхание. Гомер чувствовал, как сердце его колотится о груди Мелони.

– Что это? – прошептала Мелони.

Гомер и на этот вопрос не ответил. Ему представилось: на крышу с небес низринулось тело привидения пыльщика – хозяина фотографии, которая приклеилась к его пальцам. В руках у пыльщика по пиле – уши его привыкли слышать в вечности только визг циркулярных пил. В этом стуке мертвого груза о крышу Гомеру почудился зловещий отголосок вжикания старинных пил. А что это за протяжный, высокий звук, почти человеческий, тонкий, как папиросная бумага? Наверное, плач новорожденных – первых сирот Сент-Облака...

Горячей щекой он чувствовал, как бьется жилка на шее Мелони. По крыше кто-то ходил – легчайшие, почти воздушные шаги, как будто тело, ударившись о крышу, опять стало призраком.

– Господи Иисусе Христе! – воскликнула Мелони, оттолкнув Гомера с такой силой, что он ударился о стену.

Шаги на крыше от произведенного шума участились, и призрак издал пронзительный двусложный посвист, несомненно принадлежащий коршуну.

Мелони, видно, не знала, кто издает подобные крики, потому что сама в страхе взвизгнула, но Гомер сразу понял, кто ходит по крыше. Он сбежал вниз по лестнице и, перепрыгнув через щели веранды, остановился у перил. И успел увидеть, как коршун взмыл с крыши; на этот раз он легко нес змею, она висела ровно, как кусок водопроводной трубы. Непонятно, почему коршун бросил ее – не удержал или нарочно отпустил, догадавшись, что это самый верный, хоть и не профессиональный способ убийства. Но это не так уж и важно, падение с такой высоты убило змею, что и требовалось, ведь мертвую нести легче: не извивается, не бьет по груди. А Гомер ни с того ни с сего подумал, что змея немного длиннее пениса пони, правда не такая толстая.

Мелони, переводя дух, стояла на веранде рядом с Гомером. Коршун наконец скрылся из виду, и она еще раз повторила:

– Храни этот снимок и хорошенько подумай.

В таких наставлениях Гомер не нуждался. Что-что, а думать он думал – об очень многих вещах!

«В юности, – писал Уилбур Кедр, – у человека первый раз в жизни появляется секрет, который приходится скрывать от тех, кого любишь».

Первый раз в жизни Гомер утаил что-то от доктора Кедра и, конечно, от сестер Анджелы и Эдны. Утаил фотографию женщины с пенисом пони во рту. А вместе с ней свое первое недовольство доктором Кедром. И первое вожеление, пробужденное не только женщиной, державшей во рту невероятный орган пони, но и предложением Мелони. Вместе с фотографией под матрасом приютской койки хоронились его страхи, что может обнаружиться в записях о его рождении. И конечно, желание приоткрыть завесу над тайной матери.

Он доставал фотографию из-под матраса три или четыре раза в день, а ночью во время бессонницы рассматривал при слабом дрожащем свете свечи. Глаза женщины не казались тогда такими выпученными. Неровное пламя свечи колыхало гриву пони, и Гомеру чудилось, что шевелятся и щеки молодой женщины. Он смотрел на снимок и слышал, как пишет Джон Уилбур, как хрипло дышит Фаззи Бук; это трио – легкие, вентилятор и водяное колесо – было удачным сопровождением для женщины и пони, будоражащих воображение Гомера.

Что-то изменилось в Гомере, в его бессоннице; и доктор Кедр сразу это заметил; перемена, собственно, заключалась в том, что Гомер, тая что-то от доктора Кедра, стал подозрителен, ему мнилось, что доктор Кедр неотступно наблюдает за ним. Когда он крался на цыпочках в кабинет сестры Анджелы, он был уверен, что доктор Кедр нарочно ночь напролет стучит на машинке. Наблюдает за его действиями.

– Тебе нужна моя помощь, Гомер? – спрашивал изредка доктор Кедр.

– Нет, мне просто не спится.

– Да, этому горю не поможешь.

А доктор Кедр только и мог писать свою летопись по ночам. Днем кабинет Анджелы вечно занят, единственное место для интервью с намечающимися родителями и телефонных разговоров. Он был весь завален бумагами доктора Кедра, перепиской с другими приютами, агентствами по усыновлению, с будущими родителями, тут был и его замечательный (сдобренный местами мрачноватым юмором) дневник, называемый Кедром «Краткая летопись Сент-Облака», хотя это название явно устарело – дневник из месяца в месяц разбухал. И каждая новая запись начиналась одним и тем же: «Здесь, в Сент-Облаке» или «В других местах на земле».

Среди бумаг доктора Кедра хранились исчерпывающие истории семей, но только тех, кто брал на воспитание сирот. Вопреки уверениям Мелони доктор Кедр не вел записей о настоящих родителях. В записи о рождении значились лишь дата рождения младенца, пол, вес в фунтах, рост в дюймах, имя, данное сестрами (если мужского пола), миссис Гроган или секретаршей отделения девочек (если женского). Личное дело сироты включало еще болезни и прививки – вот, собственно, и все. Гораздо толще были папки с историями усыновителей. Доктор Кедр старался вывести о них всю подноготную.

«Здесь, в Сент-Облаке, – писал он, – все равно, нарушаю ли я правила или создаю новые, мной руководит одно – забота о будущем сироты. Поэтому я и уничтожаю все сведения о матерях. Бедная женщина, давшая жизнь ребенку и оставившая его у нас, принимает очень трудное решение; нельзя, чтобы в будущем ей приходилось принимать его еще раз. Необходимо сделать все, чтобы сирота не искал родителей, уберечь его от встречи с ними.

Я всегда думаю только о них, сиротах. Конечно, когда-нибудь они захотят узнать тайну своего рождения, проявят любопытство. Но какая от этого польза? Не прошлое залог будущего. А сироты – особенно сироты! – должны именно о нем думать.

Что будет хорошего, если родная мать по прошествии лет раскается в принятом когда-то решении? Конечно, по архивным документам легко было бы найти ребенка. Но моя забота – не восстановление биологических корней, а устройство жизни родившихся в приюте детей».

Застав Гомера в кабинете сестры Анджелы – Гомер искал что-то в его бумагах, – доктор Кедр дал ему прочитать этот кусок из своей «летописи».

– Я тут ищу одну вещь, – заикаясь проговорил Гомер. – Но не могу найти.

– Я знаю, что ты ищешь, Гомер, – сказал доктор Кедр. – Но поиски твои бесполезны.

«Поиски бесполезны» – было в записке, которую Гомер передал Мелони во время очередного вечернего чтения. Каждый вечер они с Мелони обменивались бессловесными посланиями; она глубоко совала в рот палец и выпучивала глаза, передразнивая женщину с фотографии, на что Гомер отрицательно мотал головой, давая понять, что ничего пока не нашел. Мелони отнеслась к записке с сомнением, что сейчас же отразилось на ее подвижном лице.

– Гомер, – сказал доктор Кедр, – я не помню твоей матери. Я даже не помню тебя, когда ты родился. Ты для меня стал Гомером гораздо позже.

– Я думал, что есть закон, – бормотал Гомер. Ему вспомнились слова Мелони о законе, требующем точной регистрации рождений.

Но Уилбур Кедр, создатель и летописец Сент-Облака, был сам себе закон. По доктору Кедру, жизнь сироты начиналась в тот день, когда он, доктор Кедр, переставал путать его с другими сиротами. Если же удавалось найти сироте семью раньше (дай-то Бог!), то именно там начиналась его жизнь. Таков был непреложный закон Кедра. В конце концов, взял же он на себя ответственность, опираясь на традиционные представления, единолично решать необходимость аборта, выбирать между жизнью младенца и матери.

– Я много думал о тебе, Гомер, – сказал доктор Кедр. – И думаю все больше и больше. Но не трачу попусту время, не силюсь вообразить, каков ты был, когда родился. И тебе не советую тратить напрасно силы и время.

И дал прочитать Гомеру неоконченное письмо, вынув его из машинки; письмо предназначалось коллеге из Новоанглийского приюта для малолетних бродяжек, созданного прежде Сент-Облака.

Письмо было дружеское (переписка, по-видимому, длилась не один год), выдержанное в тоне привычной полемики, как пишут постоянному оппоненту, оттачивая свои взгляды.

«Ребенка следует усыновлять до наступления подросткового возраста, поры первого сокрытия правды, по той причине, что рядом с ним в это время должны быть любящие и любимые люди, – писал доктор Кедр. – Подросток скоро начинает понимать, что обман так же соблазнителен, как секс, но более доступен. И что легче всего обманывать тех, кто тебя любит. Любящие люди меньше других склонны замечать лживость, но и у них рано или поздно открываются глаза. Если же рядом их нет, некому пристыдить маленького лжеца, отучить от неправды. Сирота, не нашедший семьи до этого опасного возраста, так потом и будет обманывать себя и других.

В эту кошмарную пору жизни подросток лжет себе и уверен, что может обмануть весь мир. Уверен, что не попадется. И существует опасность, что подросток-сирота, не имеющий близких, так никогда и не станет взрослым».

Доктор Кедр, конечно, знал, что к Гомеру эти рассуждения не относятся. Его любили сестры Анджела и Эдна и сам он, наперекор себе. Гомер не только сознавал, что его любят, но, несомненно, и сам любил всех. Так что его поре сокрытия правды не грозило затянуться надолго.

А вот Мелони – разительный пример, подтверждающий правоту доктора Кедра, подумал Гомер, отдавая ей записку.

– Зачем ты ищешь мать? – спросил он.

– Я ее убью, – без колебания ответила Мелони. – Может быть, отравлю. А если она не такая большая и сильная, как я, что вполне вероятно, задушу ее собственными руками.

– Собственными руками, – механически повторил Гомер.

– А ты бы что сделал, если бы нашел мать? – спросила Мелони.

– Не знаю, – сказал он. – Наверное, стал бы расспрашивать.

– Расспрашивать! – воскликнула Мелони с тем же презрением в голосе, с каким передразнила радующуюся солнышку Джейн Эйр.

Гомер знал, его коротенькая записка: «Поиски бесполезны» – не успокоит Мелони. Сам же он, как всегда, внял рассуждениям доктора Кедра, но до конца своих тайн не открыл. Фотография женщины с пони все еще лежала у него под матрасом; он так часто на нее смотрел, что бумага в конце концов утратила жесткость. Честно признаться, разговор с доктором Кедром разочаровал Гомера; значит, не найти ему матери Мелони и не испытать умопомрачительного ощущения, подаренного судьбой бесчувственному пони.

– Что это значит: «Поиски бесполезны»?! – криком вопрошала Мелони. Они с Гомером опять стояли на парящей веранде дома, в котором столько лет провели женщина и пони. – Строит из себя Господа Бога! Распоряжается нашей жизнью!

«Здесь, в Сент-Облаке, – писал доктор Кедр, – передо мной встал выбор: взять на себя прерогативу Бога распоряжаться судьбами других людей или просто плыть по течению. Жизненный опыт подсказывал – всем или почти всем управляет случай. Так что люди, уповающие на победу добра над злом, должны по возможности вмешиваться в ход событий. Играть роль Бога. Такие случаи редко выпадают. Но здесь, в Сент-Облаке, чаще, чем в других местах. Наверное, потому, что те, кто к нам приезжает, уже отдали дань случаю».

– Черт бы его побрал! – кричала Мелони, но река ревела еще громче, а пустой дом слышал и не такое, и Гомер промолчал. – Не повезло тебе, Солнышко! – вдруг выпалила Мелони. –

Да? – (Но Гомер как воды в рот набрал.) – Да?! – крикнула во все легкие Мелони, на что лес за рекой откликнулся только коротеньким «а-а!».

Мелони ударила могучей ножицей по трухлявой балюстраде, и целая секция рухнула в реку.

– Вот так-то! – крикнула Мелони, но лес был такой густой, что поглотил без остатка возглас Мелони. Промолчал, как Гомер. – Господи Иисусе! – воскликнула Мелони, но мэнские леса опять не откликнулись.

Старый дом, кажется, проскрипел что-то, а может, вздохнул. Такой дом разрушить непросто, хотя время и другие вандалы частично сделали свое дело. Мелони пошла искать, к чему еще приложить силы. Гомер побрел следом, стараясь держаться на безопасном расстоянии.

– Солнышко... – позвала его Мелони, но тут увидела целое стекло в окне и разбила. – Солнышко, – повторила она, – у нас с тобой никого нет. Если ты сейчас скажешь, что у тебя есть я, а у меня – ты, я тебя убью.

Гомер не знал, как ее утихомирить, и опять не проронил ни слова.

– Если ты мне скажешь, что у нас есть твой обожаемый доктор или приют... – продолжала Мелони, топнула ногой по доске, проломила ее и, схватив обеими руками, стала расшатывать один из обломков. – Если ты это скажешь, то перед смертью я буду тебя пытаться.

– Угу, – кивнул Гомер.

Вооружившись доской, Мелони стала бить ею по перилам ведущей наверх лестницы; перила с балясинами отвалились легко, но толстый столб, держащий первый пролет, стоял прочно. Отшвырнув доску, Мелони заключила его в свои медвежьи объятия.

– Черт бы вас всех побрал! – обругала она доктора Кедра, свою мать, Сент-Облако и весь мир. Попробовала повалить столб, но он никак не отдирался от балки, идущей под полом. Тогда Мелони схватила кусок перил и стала, крутя им, как дубинкой, колотить по столбу, пока он наконец не рухнул. Попыталась его поднять, не смогла и рывкнула на Гомера: – Помоги мне! Ты что, ослеп?!

Взявшись вдвоем за столб, они, как тараном, пробили им стену кухни.

– Почему ты молчишь? Неужели тебя не мучит, кто с нами это сотворил? Тебе что, все равно?

– Не знаю, – ответил Гомер.

Затем стали вместе крушить один из столбов, на котором держался второй этаж. Нанесли три удара, каждый раз отскакивая в сторону. После четвертого столб рухнул. И сейчас же что-то над головой пришло в движение. Бросив таран, Мелони схватила рухнувший столб, попыталась разбежаться с ним, но сила инерции вынесла ее через порог на веранду. В тот же миг одна из верхних спален обрушилась в кухню. Тут же следом от крыши веранды отвалился кусок и увлек за собой в реку остаток перил. Даже Мелони поразил масштаб разрушений. Она почти нежно взяла Гомера за руку и потащила за собой на второй этаж – часть лестницы еще уцелела, вместе с комнатой, где когда-то пыльщик любовался по утрам фотографией женщины с пони.

– Помоги мне, – мягко сказала Мелони Гомеру.

Подожли к окну, сорвали ставень, висевший на одной петле, бросили вниз и смотрели, как он, пробив крышу и пол веранды, плашмя упал в реку.

– Здорово, правда? – почему-то упавшим голосом произнесла Мелони.

Она сидела на том самом матрасе, где они стояли на коленях в тот день, когда с небес на крышу дома шлепнулась брошенная коршуну змея.

– Помоги мне, – сказала еще раз Мелони и рукой пригласила его сесть рядом. – Помоги, не то я сбегу, – сказала она и прибавила: – Помоги, не то убью кого-нибудь.

По-видимому, убить и сбежать было в ее понятии одно и то же. Да, Мелони не так-то легко помочь, но Гомер все-таки сделал попытку.

– Не убивай никого, – сказал он. – И не сбегай.

– А зачем оставаться? – возражала Мелони. – Ты ведь не останешься. Нет, ты не сбежишь. Тебя кто-нибудь усыновит.

– Никто не усыновит. Да я ни к кому больше и не поеду.

– Поедешь.

– Нет. Так что, пожалуйста, не сбегай и не убивай.

– Значит, если я останусь, ты тоже останешься? Да? Ты это хотел сказать? – спросила Мелони. «Это ли я хотел сказать?» – подумал Гомер. Но Мелони, по обыкновению, не дала ему времени на раздумье. – Обещай, Солнышко, что не уедешь, пока я здесь, – сказала она. Придвинулась к нему, взяла за руку, разжала пальцы и положила его указательный себе в рот. – Счастливчик-пони, – проговорила она, но Гомер не был уверен, что пони очень уж повезло. Старый дом закричал. Мелони подвигала языком его палец. – Обещай, Солнышко, что не уедешь, пока я здесь, – повторила она.

– Да, – кивнул Гомер.

Мелони укусила палец.

– Обещаю, – сказал Гомер.

Еще один кусок лестницы рухнул в кухню, жалобно скрипели покосившиеся стропила, поддерживающие остаток крыши веранды.

Что же так завладело его вниманием, когда Мелони, достав его маленький пенис, затолкала его себе в рот? Он не боялся, что старый дом рухнет и убьет их, хотя основания для страха были. Не думал о предыстории матраса, на котором они лежали; она, конечно, была чудовищна даже по меркам Мелони. Не думал о собственной утраченной предыстории и о том, что лежать так с Мелони – значит предавать доктора Кедр. Частично его внимание отвлекали звуки: чмокание Мелони, его и ее прерывистое дыхание. Этот шум похоти вызвал в памяти маленького Фаззи Бука и аппарат, увлажняющий легкие. Его грубая механическая работа всегда напоминала Гомеру, как хрупка человеческая жизнь.

Пенис Гомера во рту у Мелони сначала слегка вырос, но потом вдруг съехался, и Мелони удвоила усилия. Больше всего Гомеру мешала злополучная фотография, она отчетливо стояла у него в глазах. Он видел даже чистый четырехугольник на стене, где она недавно висела. Именно она разбудила его похоть, но вот теперь была явной помехой. Если раньше женщина с пенисом пони во рту напоминала предложение Мелони, то теперь и женщина, и Мелони вызвали одно чувство – сострадание к униженным. Пони на фотографии, как и полагается бессловесной скотине, являл полнейшее равнодушие к происходящему. И Гомер чувствовал, что его пенис во рту у Мелони становится все меньше, каким, по его понятию, вообще никогда не был.

Мелони вдруг резко оттолкнула его. Такое унижение!

– Черт возьми! – крикнула она. – Что с тобой? Не говори, что дело во мне, а не в тебе!

– Точно, не в тебе, – сказал Гомер.

– Еще бы во мне! – кипела Мелони; губы у нее распухли, даже появились ссадины, на глазах навернулись слезы.

Она выдернула из-под него матрас, сложила вдвое и выбросила в окно. Матрас упал на крышу веранды и застрял в дыре, проделанной ставнем. Увидев, что матрас не спикировал в воду, Мелони взбеленилась, стала крушить ближайшую койку и плакала, не пряча слез. Гомер, как во второй вечер чтения «Джейн Эйр», поспешил уйти – еще попадешь под горячую руку! Сбежал по шатким ступеням вниз, ступил ногой на веранду, она затрещала и тяжело обрушилась в реку. Гомер потерял было равновесие. Услыхал, как над головой на остатки крыши упала не то койка, не то кусок стены. Спрыгнул на землю и бросился бежать на открытое место, подальше от рухившегося дома. Мелони, должно быть, видела его из окна второго этажа.

– Запомни, Солнышко, – крикнула она ему вдогонку, – ты обещал, что никуда не уедешь, пока я здесь! Не оставишь меня одну.

– Запомню! – крикнул он в ответ и быстро зашагал в сторону городка и дальше на холм, где стоял сиротский приют.

Он был еще на берегу, когда Мелони удалось наконец обрушить в реку остатки веранды вместе с частью второго этажа. Гомер остановился и долго смотрел, как вниз по реке уплывает чуть ли не половина старого дома. И он подумал, что Мелони, дай ей волю, могла бы спустить по реке весь городок. Но он не стал смотреть на дальнейший погром. А в приюте поспешил прямо в отделение мальчиков. Поднял матрас, хотел немедленно избавиться от фотографии. Но фотография исчезла.

– Это не я взял, – сказал Фаззи Бук.

Хотя был полдень, Фаззи все еще находился в увлажняющей палатке. Значит, опять началось ухудшение. По ночам он всегда в ней спал, она была, так сказать, его спальней. Если же оставался в ней на день, палатка становилась лечебницей. Каждый день ему что-то вливали и делали анализы, как говорил доктор Кедр. Гомер стоял у трепещущего, дышащего, хрипящего аппарата и допрашивал Фаззи, куда делась фотография. Выяснилось, что Джон Уилбур напрудил в постели такую лужу, что сестра Анджела велела ему лечь пока на кровать Гомера, а сама стала менять полусгнивший матрас. И тут Джон Уилбур под матрасом Гомера нашел фотографию.

– А что было дальше? – спросил Гомер задыхающегося Фаззи.

Сестра Анджела вернулась с новым матрасом, увидела фотографию и взяла с собой. Конечно, Джон Уилбур не стал запираяться и сказал, где нашел ее, поведал Гомеру девятилетний Фаззи – после Гомера он был самый старший в отделении мальчиков. Гомер хотел было пойти и побить Джона, но передумал, Джон был совсем маленький, только и умел, что писать в постель. К тому же это еще удлинило бы список грехов.

– А что это было? – спросил Фаззи.

– Ты же видел, – ответил Гомер.

– Видел, но все-таки что? – Лицо у Фаззи было явно испуганное.

Лужок Грин решил, что женщина ест кишки пони, и убежал в туалет. Уилбур Уолш тоже убежал куда-то.

А Джон Уилбур, наверное, опять надул в постель, в сердцах подумал Гомер.

– Что они делали? – допытывался Фаззи Бук. – Эта женщина... как же она дышала? – сам едва дыша, спрашивал он.

Когда Гомер уходил из спальни, Фаззи заходил хрипом. При дневном свете он выглядел совсем прозрачным, казалось, можно разглядеть все его органы, выбивающиеся из сил, чтобы поддерживать жизнь.

Гомер думал найти доктора Кедра в кабинете сестры Анджелы, но там его не было. Какое счастье, что ни сестры Анджелы, ни сестры Эдны поблизости нет. Сестра Анджела говорила снаружи у входа с уборщиком, который вывозил несжигаемый мусор, объясняла ему, что сделать с матрасом Джона Уилбура. И Гомер пошел в провизорскую – нет ли доктора Кедра там.

Этот день выдался особенно тяжелым. Доктор Кедр лежал на койке, прижав к лицу маску, более, чем обычно, пропитанную эфиром. Случай вандализма – разрушение так называемого барака пыльщиков – не очень расстроил доктора Кедра, во всяком случае гораздо меньше, чем горожан, видевших своими глазами, как Мелони и Гомер крушили старый дом. Он не сомневался – зачинщиком и главным исполнителем была Мелони. Для чего еще брошенные дома, говорил себе доктор Кедр, как не для того, чтобы дать выход инстинкту разрушения у детей. А то, что по реке уплыло чуть ли не полдома, наверняка преувеличение.

Он вдохнул пары эфира и стал думать о том, что действительно огорчило его, – о фотографии. О женщине и пони. Фотография означала, что пришла пора возложить на Гомера более серьезные обязанности, учить его более серьезным предметам.

Сюжет на снимке не был для доктора Кедр потрясением. Ведь он как-никак работал в Южном районе Бостона. Таких фотографий в его время было пруд пруди, в Бостонском родильном доме их продавали десять центов штука.

Но Кедр как громом поразила женщина на фотографии: он сразу узнал бравую дочь миссис Уиск. Помнил, как у нее раздувались щеки, – она была заядлой курильщицей, любила еще тогда совать в рот всякую гадость. А когда ее привезли в больницу с острым перитонитом – последствием неопишуемой операции, сделанной в «Гаррисоне-2», – глаза у нее были вот так же выпучены. Фотография вернула доктора Кедр в прошлое, напомнила, что пришлось испытать этой женщине. Напомнила, что он мог немного облегчить ей жизнь, совсем немного, если бы сделал тогда аборт. Мог бы тогда спасти ее. Пусть ненадолго. Несчастливая дочь миссис Уиск должна была стать его первой пациенткой – и не стала.

Интересно, сколько она заработала, позируя с пони перед объективом? Хватило бы на аборт? Скорее всего, нет. И фотографы-то были дрянные. Не заметили ее роскошной каштановой косы, которая могла бы послужить эффектной подробностью; уложенная на плечо и обнаженную грудь, она бы еще подчеркнула белизну кожи. Даже просто откинута назад, вызвала бы восхищение – такая это была длинная, толстая, ровная коса. А фотограф просто не заметил ее. Она лежала у щеки дочери миссис Уиск, свернувшись змеей, в тени короткой волосатой ноги пони. Бездарный снимок убил красоту косы. Не зная этой женщины, нельзя было разобрать, что за пятно темнеет справа от ее напряженно застывшего лица.

– Прошу меня простить, – сказал доктор Кедр, вдохнув эфир.

Дочь миссис Уиск не ответила.

– Простите, прошу вас, – повторил доктор Кедр, сделал выдох.

И ему вдруг почудилось, что она зовет его:

– Доктор Кедр!

– Рифмуется с «писк», – шептал доктор Уилбур Кедр.

Он сделал глубокий, глубже некуда, вдох. Рука выпустила маску, и маска скатилась под койку.

– Доктор Кедр! – еще раз позвал Гомер.

Запах эфира показался ему сильнее, чем обычно; и он пошел сквозь лабиринт шкафов к окну – посмотреть, здесь ли доктор Кедр.

– Делай дело или слезай с горшка, – услышал Гомер его голос. (Вдох – выдох.)

– Прошу прощения, – сказал доктор Кедр, увидав возле кровати Гомера. Слишком порывисто сел; голова была легкая, комната перед глазами плыла. – Прошу прощения, – еще раз повторил он.

– Все в порядке, – сказал Гомер. – Простите, что разбудил вас.

– Рифмуется с «писк», – повторил Уилбур Кедр свою странную фразу.

В заставленной провизорской влажный ватный шарик посылал во все стороны пахучие позывные.

– Садись, Гомер, – сказал доктор Кедр, видя, что тот уже сидит.

Как ему хотелось, чтобы именно сейчас голова была свежая, ведь предстоит очень важная беседа с мальчиком. Гомер ждет нагоняя не вообще, а в точных и ясных словах. Но доктор Кедр не мог сейчас говорить точно и ясно.

– Вандализм! – воскликнул он. – Порнография!

Ничего себе начало, мелькнуло у него в голове. Гомер сидел на краю кровати и покорно ждал. Доктор Кедр вдохнул, как ему казалось, чистого воздуха; но запах эфира был так силен, что вгонял в сон и зажигал звезды на потолке провизорской.

– Вандализм, Гомер, – это одно, – продолжал доктор Кедр, – а порнография – совсем другое.

– Точно, – ответил Гомер, с каждой минутой взрослея, набираясь опыта.

– Впрочем, для наших отношений, Гомер, более важно другое – ты утаил от меня правду. Верно?

– Да, – ответил Гомер.

– Прекрасно, – сказал Кедр.

Звезды на потолке заблестели так ярко, что он подумал, уж не под ночным ли небом они беседуют. Он откинул голову назад, подальше от паров эфира, потерял равновесие и упал на подушку.

– Вы хорошо себя чувствуете? – забеспокоился Гомер.

– Прекрасно! – от души воскликнул доктор Кедр. И вдруг засмеялся; никогда еще Гомер не слышал, как доктор Кедр смеется. – Послушай, Гомер, – наконец начал он свое наставление, время от времени прерывая его смешком. – Ты уже так вырос, что можешь разрушить дом и мастурбировать, глядя на фотографию женщины, сосущей пенис у пони. Значит, ты вполне можешь быть моим ассистентом.

Эта мысль показалась ему такой забавной, что он зашелся от смеха. Гомеру тоже это показалось смешным, и он несмело улыбнулся.

– Ты понял, что я хочу сказать? – Доктор Кедр заболтал ногами в воздухе, наблюдая, как над ним плывет небосвод, усеянный звездами. – Я буду учить тебя хирургии! – крикнул он, что вызвало у обоих теперь уже пароксизм смеха, даже слеза прошибла. – Обучу всем тонкостям акушерства, – продолжал доктор Кедр.

Гомер тоже упал на постель, рядом с Кедром.

– «Работа Господня» и «работа дьявола», Гомер, – это ведь две работы! – кричал доктор Кедр.

Гомер от смеха даже закашлялся. И чуть не упал с койки, когда Кедр, как волшебник, извлек откуда-то ту самую фотографию и помотал ею у него перед носом.

– Ты уже такой большой, что тебя интересуют подобные вещи, – сказал он. – Значит, ты можешь делать любую работу взрослых!

Это была соломинка, способная сломать спину верблюду. Доктор Кедр сунул фотографию Гомеру, не то, изнемогая от хохота, уронил бы ее на пол.

– Слушай меня, Гомер! Ты пройдешь университетский курс медицины, не окончив даже средней школы! – прорывались сквозь смех слова.

Это показалось Гомеру особенно забавным, но доктор Кедр вдруг посерьезнел и вырвал фотографию.

– Посмотри вот на это, – сказал доктор Кедр. Оба сели на край койки, и Кедр положил фотографию себе на колено, крепко ее придерживая. – Я тебе сейчас покажу, чего ты не знаешь, – продолжал он. – Смотри вот сюда. – Он показал на косу, едва различимую в тени пони. – Что это? – спросил он Гомера. – Юность! Вам всегда кажется, что вы знаете все, – произнес он укоризненно.

Гомер уловил новый тон в голосе доктора Кедра и стал вглядываться в эту часть снимка, на которую раньше не обращал внимания. Наверное, какое-то пятно на ковре, возможно кровь, вытекшая из уха женщины.

– Ну? – спросил доктор Кедр. – Это не «Давид Копперфильд» и не «Джейн Эйр». В них нет того, что тебе необходимо знать, – почти с издевкой проговорил он.

Медицинский уклон в разговоре укрепил догадку Гомера: на снимке наверняка кровь. Что еще может увидеть врач в этом загадочном пятне?

И он сказал:

– Кровь! У женщины из уха идет кровь.

Доктор Кедр подбежал с фотографией к провизорскому столу.

– Кровь? – переспросил. – Кровь! – опять взглянул на фотографию. – Это не кровь, дуралей! Это – коса!

Он еще раз показал фотографию Гомеру. И больше никогда в жизни Гомер этой фотографии не видел, хотя сам доктор потом часто на нее смотрел: он хранил ее среди страниц «Краткой летописи Сент-Облака» и смотрел на нее не из похотливого интереса, а потому, что она напоминала ему о женщине, которой он дважды нанес обиду. Спал с ее матерью в ее присутствии и не оказал медицинской помощи, на которую она была вправе рассчитывать. А то, что она напомнила о себе такой фотографией, только делало острее осознание ошибок. Доктор Кедр предпочитал именно такое восприятие своих ошибок.

Он был суров не только к другим.

Он и за Гомера взялся сурово, если вспомнить, под какие раскаты смеха был начертан план обучения. Дело нешуточное – приобщить юнца к их работе. Хирургия, акушерство, обычные роды и даже «Р-К»^[13] – все требовало углубленного и длительного обучения.

– Ты думаешь, Гомер, большое геройство – смотреть на женщину с пенисом пони во рту? – сказал на другой день доктор Кедр на свежую голову. – Тебе уже пора заниматься чем-то более серьезным. Возьми-ка вот это. – С этими словами он протянул Гомеру сильно потрепанную «Анатомию» Грея и прибавил: – Внимательно изучи все, что там есть. Заглядывай в нее три, даже четыре раза в день. И еще вечером перед сном. Забудь пенис пони и займись анатомией.

«Здесь, в Сент-Облаке, – когда-то записал в „летописи“ Уилбур Кедр, – я мало пользуюсь „Анатомией“ Грея. А вот во Франции в Первую мировую заглядывал в нее ежедневно. Это была моя единственная походная карта».

Кедр отдал Гомеру справочник акушера, записи, сделанные в Гарвардской медицинской школе и, позже, в ординатуре; занятия начал с лекций по химии и изучения университетского учебника. Определил в провизорской угол для простейших опытов по бактериологии, хотя вид чашек Петри все еще вызывал у него приступы боли, – он не любил мир, открывающийся под микроскопом. И еще не любил Мелони. За то, что она, несомненно, имела над Гомером власть. Так он, по крайней мере, считал.

Кедр догадывался, что Гомер с Мелони занимаются сексом: думал, что инициатива исходила от Мелони (в этом он был прав) и что связь продолжается только ее стараниями, что было, пожалуй, не совсем так: связь как-то сама собой вошла в их жизнь. Власть же Мелони над Гомером, столь неприятная доктору Кедру, уравнивалась чувством, которое она, несомненно, питала к Гомеру. Вспомнить хотя бы вырванное у Гомера обещание не покидать без нее Сент-Облако. Но доктор Кедр этого не замечал. Он считал Мелони головной болью миссис Гроган и не сознавал, что забота о Гомере застит ему глаза и он многое просто не видит.

Однажды он послал Гомера за лягушкой, дал задание ее вскрыть – изучать внутренние органы; по «Анатомии» Грея, конечно, их не выучишь. Гомер спустился к берегу первый раз после того, как спасся бегством из дома, разрушаемого Мелони. Половины дома как не бывало – впечатляющее зрелище!

Но больше всего поразили Гомера увиденные первый раз роды. Не столько искусство доктора Кедра (ничего неожиданного в этом не было) или профессиональная согласованность действий сестер Анджелы и Эдны – Гомера потрясла слаженная работа организма матери и плода до вмешательства акушера, весь естественный механизм родов: ритмичность схваток, хоть проверь по ним часы, выталкивающая сила мышц матки, и все при этом подчинено одному неминуемому результату – рождению ребенка. Самым необъяснимым было то, что новорожденный воспринимал новую для него среду как нечто враждебное, ту самую среду, чьим воздухом его легкие будут дышать до последнего дня. Так неласково встретил младенца этот мир, что казалось, будь его воля, он навсегда бы остался там, откуда явился. Неплохо для начала, сказала бы

Мелони, будь она рядом. Конечно, физическая близость с ней доставляла Гомеру удовольствие, и все-таки он, поживаясь, отметил, что половой акт сам по себе более прихотлив, чем роды.

Читая у девочек «Джейн Эйр», Гомер обратил внимание, что в последнее время Мелони как-то сникла; не то чтобы совсем сложила оружие или совсем ушла в себя. Чувствовалась в ней какая-то угнетенность, как будто что-то надломилось в ее душе. У доктора Кебра не было истории ее рождения, в этом она заблуждалась, а отказ от заблуждения иногда слишком дорого стоит. А тут еще два таких унижения: маленький пенис Гомера почему-то у нее во рту стал еще меньше, а начавшаяся потом близость очень быстро ему приелась. Да еще физическая усталость, думал Гомер. Шутка ли, одна уничтожила такой кусище рукотворной истории Сент-Облака. Сплавила по реке полдома! Устанешь тут!

Что-то изменилось и в нем самом, в его восприятии «Джейн Эйр»; тот или иной эпизод обретал новый смысл под действием недавних событий. Слишком много на него свалилось – находка срамной фотографии, первый сексуальный опыт, такой неудачный, безрадостная связь с женщиной, «Анатомия» Грея, первые увиденные роды. Читая «Джейн Эйр», он теперь больше понимал тревоги героини, которые недавно казались скучными и надуманными. А ведь Джейн-то вправе была тревожиться. И надо же, чтобы после всего пережитого ему попала именно эта фраза из середины десятой главы. В ней Джейн, мечтая, как уедет из школы, начинает понимать, что мир огромен, а жизнь ее – «крохотная песчинка». Возможно, Гомеру померещилось, что девочки с особым вниманием слушают эту главу, а Мелони ловит каждое слово, точно никогда ее не слышала. И тут как раз эта фраза:

«Как-то после полудня я вдруг почувствовала, что больше не в силах выносить это длящееся восемь лет однообразие жизни».

Он читал эти слова, и у него запершило в горле, он откашлялся, сделав короткую паузу, как бы выделив мысль Джейн. Стал было продолжать, но Мелони остановила его:

– Что-что, Солнышко? Прочти-ка это место еще раз.

– «Как-то после полудня я вдруг почувствовала, что больше не в силах выносить это длящееся восемь лет однообразие жизни».

– Я ее понимаю, – сказала Мелони горько, но без надрыва.

– Твои слова, Мелони, причиняют мне боль, – мягко проговорила миссис Гроган.

– Я ее понимаю, – повторила Мелони. – И ты тоже, Солнышко, – добавила она. – А пожила бы Джейн так целых шестнадцать лет! Что бы она тогда сказала?

– Успокойся, деточка, не растравляй себе душу, – уговаривала Мелони миссис Гроган.

И Мелони вдруг расплакалась. Она была уже совсем взрослая и не могла уткнуться в колени миссис Гроган, чтобы та погладила ее по головке. Взгляд миссис Гроган говорил, что Гомеру лучше уйти. Но он еще не дочитал главы, не кончил даже абзаца.

– «Я жаждала свободы»... – продолжил он и вдруг замолчал: слишком жестоко продолжать. Джейн Эйр облекла их чувства в слова. Они с Мелони пережили несколько таких вечеров – когда от безысходности не хотелось даже шевельнуть пальцем.

В ту ночь снаружи воздух был лишен запахов, лишен истории. Было просто очень темно.

Вернувшись к себе в отделение, Гомер узнал от сестры Анджелы, что Джона Уилбура усыновили и уже увезли.

– Такая хорошая семья, – радостно сообщила сестра Анджела. – Отец семейства тоже долго писался по ночам. Они будут добры с Джоном.

Вечером того дня, когда очередной воспитанник покидал Сент-Облако, доктор Кедр немного менял вечернее благословение.

– Давайте порадуемся за Джона Уилбура, – сказал он в тот вечер, обращаясь к темной спальне. – Джон нашел семью. Спокойной ночи, Джонни.

– Спокойной ночи, Джонни! Спокойной ночи, Джон Уилбур, – нестройным хором повторили за ним мальчики.

Сделав торжественную паузу, доктор Кедр прибавил свое обычное:

– Спокойной ночи, принцы Мэна, короли Новой Англии!

Перед сном при свете свечи Гомер немного почитал «Анатомию» Грея – это ему позволялось. В ту ночь некому было писать в постель, но отсутствовали какие-то еще привычные звуки. Гомер скоро понял какие: доктор Кедр распорядился перевести Фаззи Бука с его шумной аппаратурой в больницу. Его поместили в отдельную палату рядом с операционной, поближе к сестрам. Видно, ему, с его хозяйством, потребовался дополнительный уход.

Познакомившись с работой расширителя и кюретки, Гомер понял, на кого похож Фаззи Бук, – точь-в-точь человеческий эмбрион, только говорящий, такая же прозрачная кожа, изогнутая серпом спина, потому-то он и выглядел таким уязвимым. Как будто находился в той стадии, когда плоду еще положено зреть во чреве матери. Доктор Кедр объяснил, что Фаззи родился недоношенным и легкие у него так никогда и не расправились. Что это значит, Гомер уразумел, разглядев несколько узнаваемых органов во время банальной операции – удаления «продуктов зачатия».

– Ты меня слушаешь, Гомер? – спросил Уилбур Кедр, закончив операцию.

– Да, – ответил Гомер.

– Я не утверждаю, что это правильно, понимаешь? Я говорю только, что это ее решение. Женщина вправе распоряжаться своей судьбой.

– Точно, – кивнул Гомер.

В тот вечер он долго не мог уснуть, все время думал о Фаззи Буке. Спустился вниз и пошел в палату рядом с операционной; в ней никого не было. Он стоял, прислушиваясь к ночным звукам. По хрипам легких, шуму водяного колеса и вентилятора он всегда легко определял местопребывание Фаззи.

Тишина ударила его по барабанным перепонкам сильнее, чем стук упавшей на крышу змеи, Мелони тогда еще прикусила ему палец. Бедняжка Мелони, слушает «Джейн Эйр», как будто ей читают про ее собственную жизнь; в последние дни она только однажды прервала его чтение. Напомнила про обещание («Помнишь, ты обещал, что не уедешь, пока я здесь? Ты дал мне слово»).

– Где он? – спросил доктора Кедра Гомер. – Где Фаззи?

Доктор Кедр сидел за пишущей машинкой в кабинете сестры Анджелы, в котором допоздна засиживался почти каждую ночь.

– Я думал, как лучше тебе сказать, – тихо произнес доктор Кедр.

– Вы говорите, что я ваш ученик, да? Тогда говорите мне все прямо. Вы мой учитель. Не надо ничего утаивать от меня.

– Точно, Гомер, не надо, – согласился доктор Кедр.

Как изменился этот мальчик! Время в приюте измеряется другими мерками. Как же он не заметил, что Гомеру уже пора бриться? Почему не научил его этому? «Раз уж я взвалил на себя эту ношу, я в ответе за все», – напомнил себе Кедр.

– У Фаззи были очень слабые легкие, Гомер, – сказал он. – Они так до конца и не расправились. Он не был защищен от дыхательных инфекций.

Гомер ничего не ответил. Он жалел, что Фаззи видел его фотографию. Он становился взрослым; в душе его шла работа, рождающая чувство ответственности. Фотография сильно разволновала Фаззи; конечно, ни Гомер, ни сам доктор Кедр не могли помочь его легким, но лучше бы он этой фотографии не видел.

– Что вы скажете малышам? – спросил Гомер.

Уилбур Кедр посмотрел на Гомера; господи, как он любил это свое творение! Отцовская гордость мешала ему говорить. Любовь к Гомеру действовала на него, как эфир.

– А ты как думаешь, что им сказать? – ответил он вопросом на вопрос.

Гомер задумался, ему предстояло принять первое взрослое решение. В 193... году ему немного не было шестнадцати лет. Он начал изучать медицину, когда сверстники учатся водить машину. Гомер водить еще не умел, а Уилбур Кедр так никогда и не научится.

– По-моему, – начал наконец Гомер, – малышам надо сказать то, что вы говорите всегда. Скажите, что Фаззи Бука усыновили.

Гомер менялся не по дням, а по часам. Доктор Кедр записал в «Краткой летописи»: «До чего я ненавижу отцовство! И те чувства, которые оно рождает. Они убивают объективность, перечеркивают правила честной игры. Меня огорчает, что я лишаю Гомера детства, что никогда в жизни он не был просто мальчишкой. А ведь многие сироты предпочли бы вот так лишиться детства, только бы избежать пустого, сиротского. Может, лишив его детства, я спасаю его от чего-то гораздо худшего? Черт бы побрал эти путанные ощущения отца! Родительская любовь, как облако, застит верную линию поведения». Написав эту строку, Уилбур Кедр вспомнил обманчивое облако, кокетливо обрамляющее фото дочери миссис Уиск – продукцию фотостудии начала века. И перешел к следующему абзацу, посвященному погоде и облакам (во внутренних районах Мэна погода всегда ужасна, облака в Сент-Облаке и проч.).

Взвесив совет Гомера, доктор Кедр решил ему последовать. Никакой лживой бахромы, украшающей это решение, не было. И на другой день вечером он отправился в спальню мальчиков, намереваясь произнести вечернее благословение с довеском, предложенным его юным учеником. Но должно быть, из-за того, что предстояло сказать неправду, он сбился с привычной последовательности и начал не с Фаззи Бука, а с благословения.

– Спокойной ночи, принцы Мэна, короли Новой Англии, – обратился к темноте доктор Кедр; спохватившись, что говорит не то, охнул, да так громко, что один из малышей подпрыгнул на кровати.

– Что случилось? – воскликнул Лужок, которого рвало при каждом удобном и неудобном случае (но почему-то не вырвало при виде женщины, пожирающей кишки пони, хотя мутило сильно).

– Ничего страшного, – с чувством проговорил доктор Кедр, но вся спальня уже переполюшилась.

В этой ожившей темноте ему предстояло сказать обычные слова о необычном.

– Давайте порадуемся за Фаззи Бука, – произнес он, нарушив порядок вечернего благословения.

В спальне воцарилась тишина, «слышно, как муха пролетит», Гомер знал эту поговорку.

– Фаззи Бук нашел семью, – продолжал доктор Кедр. – Спокойной ночи, Фаззи.

Промах доктора Кедра сгустил в спальне смутную тревогу, и Гомер сразу уловил ее.

– Спокойной ночи, Фаззи, – уверенно прозвучал его голос, и следом пискнуло еще несколько голосов.

Когда доктор Кедр закрыл за собой дверь, Гомеру вспомнилась еще одна поговорка: «тишина оглушала».

Первым тишину нарушил Лужок.

– Гомер! – позвал он.

– Да, – откликнулся Гомер.

– Кто мог взять Фаззи, а, Гомер?

– Правда, кто? – подхватил Уилбур Уолш.

– Тот, у кого есть дыхательный аппарат получше, чем у доктора Кедра, – ответил Гомер. – Его новая семья производит такие аппараты. Это их бизнес.

– Счастливчик Фаззи, – сказал кто-то. – Аппараты, семья, бизнес...

– Спокойной ночи, Фаззи, – прошептал Лужок, и Гомер с облегчением вздохнул: мальчишки поверили.

Гомер Бур, которому не было еще шестнадцати лет, ученик врача-акушера, ветеран бессонницы, спустился вниз к реке, в воды которой кануло столько артефактов Сент-Облака.

Шум реки успокаивал лучше, чем сонная тишина спальни. Гомер стоял на берегу в том месте, где еще недавно нависала веранда «барака пилющиков». С нее он смотрел, как коршун камнем упал с неба и змея не достигла спасительного берега, а ведь плыла так быстро.

Если бы Уилбур Кедр увидел сейчас Гомера, он опять бы разволновался – слишком уж рано Гомер прощается с детством. Доктору Кедру помогал засыпать эфир, а у Гомера лекарства от бессонницы не было.

– Спокойной ночи, Фаззи! – крикнул он, стараясь достать голосом другой берег. Но леса Мэна – таково уж их свойство – не откликнулись эхом.

Он заставит их отозваться.

– Спокойной ночи, Фаззи! – крикнул Гомер во всю силу легких. – Спокойной ночи!

Он кричал и кричал – взрослый ребенок, чей плач когда-то был знаменит не только в Порогах-на-третьей миле, но и во всей округе.

– Спокойной ночи, Фаззи Бук!

Глава четвертая

Юный доктор Бур

«В других местах земли, – писал Уилбур Кедр, – есть то, что принято называть обществом. В Сент-Облаке общества нет, а потому и не существует понятия, что лучше, что хуже, а ведь в любом обществе это четко определено. Нам проще, не из чего выбирать, выбор за нас раз и навсегда сделан. Вот почему наши дети так жаждут общества, какого угодно, с пересудами, интригами, чем больше, тем лучше. И если выпадет случай, сирота ныряет в общество с головой, как выдра в воду».

Когда доктор Кедр писал эти слова, он думал о Гомере. Мелони и профессия акушера – вот и весь его выбор. Им с Мелони предрешиено быть вместе, другого партнера просто нет. Живи они в нормальном обществе, их несоответствие друг другу сыграло бы свою роль, но в Сент-Облаке это не имело значения. То же с профессией: взяв что можно от жалких сеятелей просвещения, подвизавшихся в Сент-Облаке, Гомеру ничего не оставалось, как заняться хирургией или, точнее, акушерством. И тем, чему проще всего научить, – владению расширителем и кюреткой.

Гомер вел записи на полях институтских тетрадей доктора Кедра. Уилбур Кедр и тогда уже писал убористо, но оставлял на листках много свободного места. Так что можно обойтись без новых тетрадей, слишком уж велика цена бумаги. Стоит только глянуть в окно – лес сведен, на его месте сироты, и все во имя этого атрибута цивилизации.

Под заголовком «Р-К»^[14] Гомер писал: «Самое безопасное – применять ногодержатели. Согласно правилам доктора Кедра, перед абортom необходимо снять волосы с лобка. Влагилице обрабатывают антисептическим раствором (некоторые слова Гомер выводил заглавными буквами, в унисон привычке повторять концы фраз и ключевые слова), затем на ощупь определяют величину МАТКИ: одну руку кладут на брюшную стенку, два-три пальца другой вводят во влагилице. Затем с помощью зеркала, похожего на утиный клюв, открывают доступ к шейке матки. (Шейка матки, записал он в скобках как напоминание, – это нижняя суженная часть матки.) В ней имеется отверстие, так называемый зев. У беременной матки шейка вздута и лоснится.

С помощью набора металлических расширителей ШЕЙКУ МАТКИ расширяют и вводят АБОРТНЫЕ ЩИПЦЫ. Это специальные щипцы, с помощью которых постепенно удаляют все содержимое матки».

Под «содержимым матки» Гомер разумел кровь и слизь. Это называлось «продукты зачатия».

«С помощью КЮРЕТКИ СТЕНКИ МАТКИ выскабливаются дочиства, пока не послышится характерный скрип».

Вот и все, что записал Гомер в тетради доктора Кедра о выскабливании, сопроводив запись небольшим примечанием: «МАТКА, о которой можно прочесть в специальной литературе, – это та часть генитального тракта, в полость которой внедряется плодное яйцо». На полях против записи Гомер поставил номер страницы «Анатомии» Грея, где начинается глава «Женские органы размножения», содержащая соответствующую информацию и рисунки.

К 1940 году Гомер Бур, которому не было двадцати, принял как акушер несчетное количество родов и ассистировал при абортax, число которых равнялось тогда одной четверти числа родов. Многие роды он провел сам, конечно под наблюдением доктора Кедра, но делать аборты ему запрещалось. Надо сперва окончить мединститут, говорил Кедр, и поработать в больнице. Не потому, что это очень сложная операция. Напротив, она довольно проста. Но аборты

делают врачи, следуя внутреннему убеждению, что это их долг. А такое убеждение складывается на основе личного опыта, которого у Гомера пока еще не было.

Доктор Кедр мечтал о спонсоре, который послал бы Гомера учиться в колледж; это путь не только в высшую медицинскую школу, но и во внешний мир, лежащий за пределами Сент-Облака.

Но как найти спонсора, ломал голову доктор Кедр. Может, обратиться к своему постоянному корреспонденту из Новоанглийского приюта для малолетних бродяжек, у них такой длинный список благотворителей. Не напишешь же в объявлении: *«Опытный акушер-гинеколог ищет спонсора для поступления в колледж плюс расходы на высшее медицинское образование»*. Где то общество, та ниша, куда Гомер мог бы вписаться, ломал голову доктор Кедр.

Но самое главное – отвадить Мелони от Гомера. Как эта пара удручала Уилбура Кедра! В его глазах они были равнодушные, надоевшие друг другу супруги. От той сексуальной тяги, которую Мелони как-то удавалось поддерживать в начале их нескладного жениховства, давно уже не осталось следа. Если и случалась между ними близость, она не приносила им радости. За завтраком они сидели вместе, но всегда молча, иногда в отделении мальчиков, иногда девочек; вместе рассматривали потрепанную «Анатомию» Грея, точно это был атлас дорог, по которым они будут странствовать, если когда-нибудь вырвутся из Сент-Облака.

Мелони даже перестала убегать. Доктору Кедру казалось, что они опутаны какими-то безрадостными, бессловесными узами. Их угрюмый тандем напоминал ему дочь миссис Уиск, которая была обречена на вечный союз с пони. Мелони и Гомер никогда не грызлись, не спорили; Мелони перестала повышать голос. Если их когда и тянуло друг к другу, то влечение возникало не от наплыва чувств, а просто от безысходной скуки.

Доктор Кедр даже нашел ей работу в Порогах-на-третьей-миле – ухаживать за богатой старухой, живя в ее доме на полном пансионе. Старуха, наверное, давно уже выжила из ума и жаловалась бы даже на ангела; на Мелони она, во всяком случае, жаловалась не переставая: и нечуткая, и слова от нее не добьешься, а уж помочь выйти из ванны – лучше и не проси, на такую нарвешься грубость. Этому доктор Кедр мог поверить. Мелони тоже была недовольна: ей не хотелось жить в людях.

– Я хочу утром уходить на работу, а вечером возвращаться домой, – объяснила она доктору Кедру и сестрам Эдне и Анджеле.

«Домой», – покачивая головой, думал доктор Кедр.

Подыскали Мелони другую работу, здесь, в городке, но хозяину требовался человек, умеющий водить машину. Кедр нашел шофера, который согласился давать Мелони уроки вождения. Она, однако, проявила такое лихачество, что парень побоялся с ней ездить, и Мелони лишь с третьего захода сдала экзамен и получила права. Но на работе – она возила инструмент и материалы на строительную площадку – долго не удержалась. Не смогла объяснить, откуда на спидометре взялись лишние двести миль.

– Мне было скучно ездить по одному маршруту. Вот я и каталась где хотела, – объяснила она доктору Кедру и, пожав плечами, прибавила: – И еще пару дней встречалась с одним парнем.

Кедру пришлось с огорчением признать, что Мелони, которой было уже двадцать, не годится ни для какой работы, ни для удочерения. Единственной ее зацепкой в жизни была дружба с Гомером, хотя они могли весь день не перемолвиться словом. Все их отношения сводились к тому, что она просто присутствовала рядом с Гомером (хотя, конечно, она не из тех, кто просто присутствует). Мелони раздражала доктора Кедра. Наверное, и Гомера, думал он.

Уилбур Кедр никогда никого так не любил, как этого юношу, и не представлял себе, как будет жить, если Гомер вдруг покинет Сент-Облако; но он понимал: рано или поздно это случится, если Гомера потянет туда, где есть из чего выбирать. Была у него мечта: потолчется

Гомер среди людей и вернется обратно. «Да только кто в здравом уме захочет вернуться в Сент-Облако?» – спрашивал себя Кедр.

В штате Мэн много маленьких городишек, но ни одного такого унылого, как Сент-Облако.

Кедр лежал на койке в провизорской, дышал эфиром и вспоминал тихую гавань Портленда, перебирал в уме городки к востоку и западу от него, обласкивая губами их добрые, чисто мэнские названия. (Вдох – выдох.) Он буквально ощущал вкус этих городков, их меняющиеся, как клубы дыма, имена: Кеннебанк и Кеннебанк-порт, Вассалборо, Ноблборо и Уолдборо, Уэскассет и Уэст-Бат, Дамарискотта и Френдшип, Пенобскот-Бей и Сагадахок-Бей, Ярмут и Кэмден, Рокпорт и Арандел, Рамфорд, Биддефорд и Ливермор-Фоллз.

К востоку от Кейп-Кеннета, заплеванного курортного местечка, находился на побережье хорошенький городок Сердечная Бухта, а к западу от этого городка с морским названием дремал Сердечный Камень, обязанный своим названием необитаемой скале, которая словно плавала, напоминая брюхо дохлого кита, посреди безупречной в остальном бухты. Крошечный необитаемый островок был бельмом на глазу у жителей Сердечной Бухты, и они наверняка называли соседний городишко по этой запятнанной птичьим пометом белой скале. Она была плоская, с небольшим уклоном, и во время прилива на поверхности плавало лишь небольшое белое пятно. Поэтому, наверное, скалу иногда называли Дохлый Кит.

В самом же Сердечном Камне никакой скалы не было, и вообще зря соседи смотрели на него свысока. Он находился всего в пяти милях от побережья, с окружающих его холмов (правда, не со всех) был виден океан, и на улицах чувствовалось его освежающее дыхание.

Но что поделаешь, по сравнению с Сердечной Бухтой все окрестные городки выглядели беспородными дворнягами. Жители Бухты презирали Камень не столько за простенькую старомодность двух его магазинов – универсального «Сэнборна» и «Скобяной лавки Титуса», сколько за Питьево озеро и летние домики на его болотистых берегах. Питьево озеро с его не очень-то питьевой водой было скорее большим прудом; к середине июля дно его становилось илистым, поверхность затягивали водоросли; но для жителей Сердечного Камня это было единственное место летнего отдыха с купанием, к тому же оно находилось в двух шагах и от Камня, и от Кеннетских Углов, так что переезд на дачу особых трудов не составлял. Летними домиками, рассыпанными по берегам, пользовались и осенью, в охотничий сезон. Их названия свидетельствовали об изобретательности и соревновательном духе хозяев; тут были «Эхо», «Раненый олень» (увенчанный оленьими рогами), «Вечные каникулы» (у дома был лодочный причал). Соседский дом именовался «Дубочки», и воображению невольно рисовался хозяин с физиономией, источающей патоку. Был еще дом с простым честным именем «Шермонова дыра».

В 194... году берега Питьевого озера были уже вполне обжиты, а к 195... – му катера, гребные лодки и моторные, буксирующие водных лыжников, во множестве бороздили его мутные воды, лопасти моторов без конца путались в водорослях, зато весла на взмахе радовали глаз длинной зеленой бахромой. Вот только яхты стояли как приклеенные к неподвижной водяной глади, играющей всеми цветами радуги от накопленных годами детской мочи и бензина. Озеро к тому же было отличным рассадником комаров.

В Мэне десятки прелестных уединенных озер, Питьево к таковым не относилось. Случайно попавшего в эти места любителя природы с байдаркой ждало разочарование. Безрассудным, безвременно погибшим Винклям здесь явно бы не понравилось; воду из Питьевого озера никто, конечно, без особой нужды не пил; на этот счет ходило немало обидных шуток, пущенных жителями Сердечной Бухты, которые с незапамятных времен хаяли соседний городок единственно из-за этого озера, пребывающего в столь плачевном состоянии.

Увидев впервые озеро, Гомер сказал себе: если кто-нибудь когда-нибудь подумает о летнем отдыхе для бедных сирот Сент-Облака, болотистая лощина между «Эхом» и «Шермоновой дырой» – самое подходящее для этого место.

Но не все вокруг Сердечного Камня было столь безотраднo – поколения его жителей обратили близлежащие земли в плодородные угодья, фруктовые сады и молочные фермы. В 194... году вдоль Питьевого шоссе тянулись на несколько миль ухоженные, обильно плодоносящие яблоневые сады, принадлежащие ферме «Океанские дали». Даже по мнению скупых на похвалу обитателей Бухты, сады были образцовые. Хотя административно они находились в черте Камня, но по виду принадлежали скорее Бухте. Площадки перед фермерским домом вымощены, между ними клумбы цветущих роз, вокруг бассейна зеленый газон, идущий до самых яблонь; ухаживали за газоном и цветниками те же садовники, чьими усилиями содержались в порядке лужайки и клумбы городка, лежащего на берегу океана.

Даже имя хозяина «Океанских далей» больше подходило бы жителю Сердечной Бухты; во всяком случае, в Сердечном Камне оно звучало некоторым диссонансом. Это было вполне объяснимо, ведь Уоллес Уортингтон был родом из Нью-Йорка; он хорошо разбирался в денежных операциях и сообразил вложить свой капитал в яблочную ферму незадолго до того, как все другие инвестиции пошли прахом. Владея яблоневыми садами, он оставался до мозга костей джентльменом, что было заметно даже по одежде. Разумеется, он ничего не понимал в яблочном деле и потому нанимал управляющих.

Уортингтон был бессменным членом совета клуба Сердечной Бухты. Кроме него, ни один житель Сердечного Камня не удостоивался такой чести. Половина жителей Сердечного Камня работала у него в садах, и он пользовался редкой привилегией – его в равной мере почитали в том и другом городке.

Уилбуру Кедру Уоллес Уортингтон напомнил бы кого-нибудь из Ченнинг-Пибоди, в чьем особняке он делал второй в жизни аборт – аборт богатых, как он говорил. А Гомеру он показался бы настоящим королем Новой Англии.

Пожив в этих двух городках и познакомившись с их историей, вы бы узнали, что жена Уоллеса Уортингтона отнюдь не была королевой во всех отношениях. Держалась как королева – да и выглядела как королева с головы до пят. Но старожилы помнили, что Олив Уортингтон хоть и родилась в Сердечной Бухте, но не в лучшем районе. Человеческое общество так уж устроено, что даже в таких глухих городишках кварталы делятся на лощеные и малопримечательные.

Олив Уортингтон родилась на свет божий как Алис Бин. Она была дочерью Брюса Бина, сборщика моллюсков, и младшей, «умной» сестрой бурильщика колодцев Баки Бина. Прозвище «умная сестра», казалось, намекало на то, что брат ее особым умом не отличался. Но он был, однако, поумнее отца, неудачника Брюса. Бурение колодцев (профессия отца сестры Анджелы, давшая Гомеру фамилию) было делом доходным, моллюски отставали от него, как шутят в Мэне, «и в долларах, и в милях».

Олив Уортингтон выросла, торгуя устрицами с кузова грузовичка, который всегда подтекал из-за тающего в нем льда. Ее мать Мод целыми днями не разжимала рта, может, потому, что беспрестанно курила; на кухонном столе, заставленном косметикой вперемежку с раковинами, на толстой разделочной доске стояло треснутое зеркальце, перед которым она красилась. Иногда к флакону с помадой прилипал черный ошметок устрицы, а пепельницей ей неизменно служила большая раковина. Умерла она от рака легких, когда Олив еще училась в школе.

Алис Бин стала Алис Уортингтон, выйдя замуж за Уоллеса Уортингтона, а имя Алис сменила на «Олив», честно заполнив соответствующую форму в муниципалитете; в ее случае дело упрощалось тем, что в имени надо было сменить всего лишь две буквы. Местные остроусловы так и этак склоняли ее имя, оно каталось у них на языке, точно косточка малопонятного плода

того же имени. За спиной кое-кто еще называл ее Алис, но только брату Баки позволялось называть ее так в лицо. Люди к ней относились с почтением и, раз уж ей так хотелось, величали ее Олив. Общий приговор был таков: пусть она вышла за Уортингтона, а значит, породнилась с деньгами, став хозяйкой яблочной фермы, но она все равно продешевила себя.

Веселый, общительный, любящий развлечения, Уоллес Уортингтон был к тому же человек добрый и даже щедрый. Он боготворил Олив, любил в ней все: серые глаза, светло-пепельные волосы с платиновым отливом, ее образованную речь, коей часто подражали в местном клубе. Этим последним она была обязана брату Баки: копая колодцы, он разбогател и отправил сестру учиться в колледж. Возможно, именно этим она и привлекла внимание Уоллеса Уортингтона. И скорее всего, поэтому, как благодарная сестра, позволяла Баки называть ее Алис. Она терпеливо переносила его набег на свои владения, что само по себе было бы в порядке вещей, но его сапоги всегда облепляла рыжая глина, извлеченная из земных недр, какую только и мог принести в дом бурильщик колодцев. Олив прятала раздражение, когда он в своих сапожищах расхаживал по всему дому, называя ее «Алис-малышка», а в жаркий день, сняв только сапоги, нырял в чистейшую воду бассейна. После его ухода вода еще долго бурлила в нем, как океанский прибой, а на стенках оставался грязно-бурый оком, как в ванне после купания чумазого мальчишки.

Выигрыш от замужества, спасшего Олив от судьбы Алис Бин, уравнивало странное поведение Уоллеса Уортингтона, с которым явно творилось что-то неладное. Притом что он был настоящий джентльмен: радел о своих работниках (купил всем страховые полисы, тогда как работники других ферм влачили в то время жалкое существование), необидно подшучивал в клубе над республиканцами, любил радовать людей приятными затеями (все машины «Океанских далей» украшала его монограмма на большом красном яблоке) – словом, при всех его достоинствах у него был некий изъян: казалось, что он всегда в легком подпитии, – такое он проявлял иногда озорство и детскую непоседливость. И жители обоих городков были единодушны во мнении: жизнь с Уоллесом Уортингтоном не сахар.

Он был пьян, когда на теннисном корте укоротил сетку, откромсав от нее широкую полосу лезвием складного ножа, – наверное, долго мучился, натягивая ее. Он был пьян опять же в клубе, когда у доктора Дарриримпла случился инсульт. Уоллес окунул почтенного старца в бассейн (разумеется, на мелком месте), чтобы привести того в чувство, как он потом объяснил. Бедняга чуть не утонул в довершение к удару. Оскорбленные до глубины души Дарриримплы в знак протеста сложили с себя членство клуба. Уоллес был пьян и тогда, когда въехал у себя на ферме в пятисотгаллонный распылитель «Харди», забрызгав себя и свой белый «кадиллак» химикалиями, отчего колени у него покрылись сыпью, а красная обивка «кадиллака» пошла белесыми пятнами. Он был пьян, когда пожелал вести трактор с прицепом, нагруженным половиной всех ульев Айры Титкома; не доехав метров пяти до пересечения Питьевого шоссе с просекой Дей, он опрокинул на землю все улья вместе с медом и миллионами разгневанных пчел. Их жертвами стали он сам, Эверет Тафт, его жена Толстуха Дот и ее сестренка Дебра Петтигрю, которые работали в это время в соседнем саду.

Но в супружеской верности Уоллеса не сомневался никто; циники посмеивались: столько пить – ни с какой другой женщиной не получится; впрочем, наверное, и с Олив тоже. Хотя, очевидно, с Олив один раз таки получилось; у него был сын, которому в описываемое время шел двадцать первый год. Он был высок, красив и обаятелен, как отец; с сизо-дымчатыми глазами матери, но, в отличие от нее, светлый шатен – у Олив волосы были светло-пепельные, у него – цвета гречишного меда. Уоллес Уортингтон-младший был так добр и прекрасен, что все ласково звали его Уолли. А Уортингтона-старшего после рождения сына стали именовать Сениором, даже Олив, а со временем и Уолли.

Это, конечно, самая поверхностная информация о Сердечной Бухте и ее соседу Сердечном Камне. И если бы доктор Кедр знал только это, он, наверное, попытался бы помешать

Гомеру отправиться жить в те края, решив, что жизнь там слишком сложна для сироты: вряд ли он отличит правду от злословия и не запутается в сословных предрассудках. Но Сердечная Бухта и Сердечный Камень были для него только романтическими названиями, к тому же видевшимися сквозь эфирные пары.

Если бы, однако, доктор Кедр поближе узнал Уоллеса Уортингтона, он бы скоро понял, что окружающие к нему несправедливы. Да, Сениор много пил, все пьющие много пьют, но мало кто так себя ведет. Дело в том, что Сениор алкоголиком не был, и доктор Кедр скоро поставил бы безошибочный диагноз. Уортингтон страдал болезнью Альцгеймера^[15]. Для этой болезни характерны ослабление интеллекта и памяти, симптомы ее – гиперактивность, непоседливость, неадекватная оценка происходящего. Болезнь прогрессирует на глазах и за год-два сводит больного в могилу. Обыватели же Сердечной Бухты при всей своей сметливости не уловили разницы между алкоголизмом и болезнью и пребывали в уверенности, что владеют тайной семьи Уортингтонов. А это был классический случай органического прогрессирующего слабоумия.

Заблуждались они и насчет Олив Уортингтон. Она, бесспорно, заслужила свое новое имя. Конечно, она мечтала расстаться с устричным счастьем родителей. Но Олив умела работать, помнила, как быстро тает в грузовичке лед и как скоро портятся устрицы. В руках у нее спорилась любая работа. Она сразу сообразила, что муж ее, знающий толк в денежных операциях, в яблочном деле ничего не смыслит, и сама занялась фермой. Хорошим работникам повысила зарплату, нерадивых уволила, наняла молодых и добросовестных. Для тех, кто старался, пекла яблочные пироги и учила печь их жен. В яблочном павильоне поставила плиту с духовкой и стала печь пиццы – сорок восемь за один раз. И торговля в павильоне, где раньше продавались только сидр³ и яблочное желе, сразу оживилась. Она щедро оплатила погибшие улья Айры Титкома, и скоро на прилавке появился мед «яблоневого цвета». В конце концов Олив поступила на курсы и постигла всю яблочную науку – что такое перекрестное опыление, как сажают молодые деревца, прививают черенки, прорежают кроны, как борются с мышами, какие химикаты используют для опрыскивания. Теперь ей было известно про яблони больше, чем ее управляющим, и она охотно делилась с ними всем, что знала сама.

В памяти Олив всплывали иногда молчаливый образ матери, замороженной собственным стареющим отражением в треснувшем зеркальце; грязная кухня, всюду раковины, полные окурков, ватные тампоны цвета глины с сапог Баки и присыпанные пеплом (ими она наносила на лицо румяна). Эти видения прибавляли ей сил. Она помнила, откуда вырвалась, и не сомневалась, что заслужила свое место в яблонево́м раю. Приняв из ненадежных рук Сениора «Океанские дали», она завела на ферме образцовый порядок, неумолимо работая за него и для него.

Вечером, вернувшись из клуба – Олив всегда сама водила машину, – она оставляла спящего Сениора на переднем сиденье. Домой его переносил возвращающийся поздно Уолли, которого на подушке ждала записка Олив с просьбой позаботиться об отце. Уолли всегда выполнял просьбу, он был золотой ребенок не только по внешности. Но как-то, вернувшись домой в сильном подпитии, Уолли не смог перенести отца. И утром Олив Уортингтон устроила ему настоящий разгон.

– Ты можешь во всем походить на отца. Кроме пьянства, – сказала она Уолли. – Если ты в этом пойдешь по его стопам, фермы тебе не видать как своих ушей. Не получишь ни единого цента, ни единого яблока. Думаешь, отец сможет мне помешать?

Уолли взглянул на отца, который по его вине проспал всю ночь на переднем сиденье «кадиллака», испещренном белесыми пятнами после того случая с распылителем. Да, отец, пожалуй, не сможет ничему помешать.

³ Американский сидр – сладкий безалкогольный напиток, яблочный сок.

– Думаю, не сможет, – вежливо согласился он. И не только потому, что был хорошо воспитан (он мог бы учить клубных юнцов, кроме тенниса, и хорошим манерам). Он знал, что мать вышла замуж всего лишь за деньги, которые, правда, можно было куда-то вложить. Но процветающая ферма была делом ее рук. (Доктор Кедр очень ценил в людях трудолюбие, которое дает плоды.)

Самое печальное заключалось в том, что и Олив не понимала истинного состояния мужа. Несчастный Сениор страдал неизлечимым слабоумием, алкоголизм был только побочным явлением.

Ваши соседи могут многое знать о вас, но, конечно, не все. Уортингтон-старший терялся в догадках, почему день ото дня ему все хуже и хуже. И склонен был сам винить в этом пьянство. Старался пить меньше и все равно утром не помнил, что говорил или делал накануне; все равно дряхлел с устрашающей быстротой; не кончив одно дело, хватался за другое, бросал куртку здесь, шляпу там, забывал ключи от машины в оставленной где-то куртке. Пил меньше и все равно вел себя как маразматик. Это до такой степени удручало его, что он снова налегал на спиртное. Так он и пал жертвой двух зол – болезни Альцгеймера и алкоголя, оставаясь в глазах окружающих добродушным пьянчужкой с внезапными перепадами настроения. В просвещенном обществе его бы лечили и опекали как идеального пациента. Каковым он на самом деле и был.

В этом единственном отношении оба городка ничем не отличались от Сент-Облака. Тяжелобольной Сениор, так же как Фаззи Бук, был обречен.

Гомер первый раз открыл «Анатомию» Грея в 193... году, начав со строения скелета. С костей. В 194...-м он совершал уже третье путешествие по ее страницам, иногда прихватывая с собой Мелони. Непредсказуемая, как всегда, Мелони заинтересовалась нервной системой, особенно двенадцатым двигательным нервом, управляющим движениями языка.

– Что такое двигательный нерв? – спросила она, высунув язык.

Гомер стал было объяснять и не смог от какого-то отвращения. Он в шестой раз перечитывал «Давида Копперфильда», в седьмой – «Большие надежды» и в четвертый – «Джейн Эйр». Вчера дошел до места, на каком Мелони всегда морщилась, а Гомеру становилось не по себе.

В начале двенадцатой главы Джейн говорит: «Глупо внушать людям, что самое лучшее для них – покой. Человек должен действовать. И если у него этой возможности нет, он сам ее создает».

– Запомни, Солнышко, – сказала Мелони, прервав его чтение, – пока я здесь, ты никуда не уйдешь. Ты дал мне слово.

Гомеру надоели эти напоминания. И он с вызовом прочитал многозначительную строку еще раз:

«Глупо внушать людям, что самое лучшее для них – покой. Человек должен действовать. И если у него этой возможности нет, он сам ее создает».

Миссис Гроган даже вздрогнула – ей почудилась в голосе Гомера глухая угроза.

Гомер переписал эту строку четким убористым почерком, не хуже, чем у доктора Кедра, и перепечатал на машинке сестры Анджелы, сделав всего две-три ошибки. Дождавшись, когда Святой Кедр удалится «немного вздремнуть», тихонько вошел в провизорскую и положил цитату из «Джейн Эйр» на его усталую, вздымающуюся и опадающую грудь. Доктора Кедра не так встревожило содержание записки, как мысль, что мальчик знает о его тайном пристрастии, – подумать только, вошел, не боясь разбудить, и даже положил записку на грудь! И он ведь не проснулся, но, может, потому, что на этот раз превысил обычную дозу, мучился сомнениями доктор Кедр. Может, Гомер с умыслом придавил записку эфирной маской, намекая на что-то?

«Ход истории, – писал доктор Кедр, – определяют мельчайшие, часто нераспознанные ошибки». Эта его мысль как нельзя лучше подкрепляется историей названия Сердечной Бухты, схожей в какой-то мере с происхождением имени Мелони. Моряка, открывшего прелестную бухту, на берегу которой вырос городок, звали Сердж. По его имени бухта и была названа изначально. Имя первооткрывателя со временем забылось, и как-то само собой, возможно в результате ошибки писаря, Бухта Серджа превратилась в более понятное Бухта Сердца. А потом уж местные жители стали нежно называть свой городок: Сердечная Бухта. Этот моряк Сердж первый расчистил и плодородную долину Сердечного Камня, вознамерившись стать фермером, но жители Сердечного Камня название своего городка с его именем не связывают.

«Сердце – мускульный мешок конической формы, находящийся в грудной полости...» – шпарил Гомер, вы зубрив наизусть чуть не всю «Анатомию». К 194... году он уже видел сердца трех трупов, которых раздобыл для него доктор Кедр (каждый труп прослужил науке два года).

Все трупы, разумеется, были женские, не на мужских же изучать акушерство и гинекологию. Достать их было целой проблемой (с двумя пришлось сразу же расстаться – один прибыл в воде, которой полагалось быть льдом, другой, наверное, плохо забальзамировали). Но три трупа Гомер помнил прекрасно; правда, имя дал только третьему – сработало наконец чувство юмора. Гомер назвал покойницу Кларой в честь слабой, беспомощной матери Давида Копперфильда, позволившей негодяю мистеру Мэрдсону так скверно обращаться с ней и ее сыном.

– Ты бы лучше назвал ее Джейн, – посоветовала Мелони. Она хоть и отождествляла себя с Джейн Эйр, но временами ненавидела ее и в тот день питала к ней именно это чувство.

– А может, Мелони? – пошутил Гомер, но чужой юмор не доходил до нее. Мелони слышала только себя.

На трупе номер два Гомер тренировался перед своим первым кесаревым сечением. Во время операции взгляд доктора Кедра был как прикован к его рукам, отчего Гомер не ощущал их своими: они двигались с такой плавной точностью, что Гомеру невольно думалось, уж не открыл ли доктор Кедр способ делать идеальный разрез силой своей мысли, так что руки были как бы и ни при чем.

Затянувшаяся беседа доктора Кедра, пришедшего забрать прибывший на его имя труп, с начальником станции послужила причиной первого знакомства Гомера с эклампсией, или «родильными судорогами», как называли это осложнение в Бостонском родильном доме в дни юности Уилбура Кедра. В ту минуту, когда доктор Кедр потребовал у начальника станции сопроводительный документ, которым снабжаются путешествующие трупы, и выказал желание поскорее забрать бедняжку Клару, Гомер никак не мог найти на трупе номер два подвздошную вену. Но у него было оправдание – труп номер два отслужил свое, в нем почти все было уже нераспознаваемо. Надо заглянуть в «Анатомию» Грея, подумал Гомер, как вдруг в комнату ворвалась с отчаянным воплем сестра Эдна: ее обычная реакция, когда она видела Гомера в обществе кадавра номер два. Как будто заставляла его с Мелони.

– Ой, Гомер! – Она ничего больше не могла прибавить, а только била воздух руками, как испуганная курица крыльями.

Наконец ей удалось жестом махнуть в сторону провизорской. Гомер немедленно бросился туда: на полу лежала женщина с выпученными, невидящими глазами, так что в первое мгновение Гомер принял ее за труп, за которым отправился на станцию доктор Кедр. Но тут женщина зашевелилась, и Гомер понял – перед ним труп без пяти минут.^[16] Судороги начались с подергивания лица и скоро распространились по всему телу. Лицо, только что пылавшее, посинело до черноты и залоснилось. Она с такой силой ударила пятками об пол, что туфли слетели с ног и открылись отекающие лодыжки. Челюсти у нее были стиснуты, губы и подбородок в кровавой пене, язык, к счастью, прикушен: не дай бог, он запал бы в дыхательное горло. Дышала женщина с трудом, воздух из груди вырывался с хрипом и свистом; Гомер нагнулся

над ней, и в лицо ему фонтаном брызнула слюна, напомнив ярость брызг, летевших с реки, которая смыла на его глазах чету Винклей.

– Эклампсия, – сказал Гомер сестре Эдне и вспомнил объяснение доктора Кедр: слово древнегреческое, имеет отношение к вспышкам света, которые видит больная в первые секунды припадка.

Гомер знал: если беременность протекает под наблюдением врача, эклампсии можно избежать. Ей предшествуют очевидные симптомы: повышенное давление, белок в моче, отеки ног и рук, головные боли, тошнота, рвота и, конечно, яркие вспышки света в глазах. Больным требуется постельный режим, строгая диета, ограниченное питье, регулярное освобождение кишечника. Если указанный режим не помогает, вызывают преждевременные роды; судороги почти всегда сразу же прекращаются, и ребенок часто рождается живым. Но пациентки доктора Кедр не только никогда не обращались к врачам, но даже не подозревали, что существуют женские консультации. И вот пожалуйста – пациентка при последнем издыхании, даже по меркам доктора Кедр.

– Доктор Кедр на станции, – спокойно произнес Гомер, подняв глаза на сестру Эдну. – Пошлите за ним кого-нибудь. Вы с сестрой Анджелой нужны здесь, будете мне помогать.

Он поднял женщину и понес в родильную, ощущая ее холодную влажную кожу, напавшую на него труп номер один и труп номер два, который лежал сейчас, раскромсанный, на столе в комнате, отведенной доктором Кедром для анатомических занятий, за стеной которой была уютная кухня. Из рассказов доктора Кедр Гомер помнил: в прошлом веке врач-акушер дал бы пациентке эфир и, применив расширитель шейки матки, вызвал искусственные роды, что в большинстве случаев заканчивалось смертью роженицы.

Доктор Кедр еще в Бостонском родильном доме узнал, что первым делом надо назначить больной дигиталис перерально, он поддерживает сердце и не дает развиться отеку легких. Гомер слушал хлюпающее дыхание женщины и думал: даже если он помнит объяснения доктора Кедр, похоже, что этой женщине помощь уже не нужна. Он знал: при эклампсии показано консервативное лечение, и уж если вызывать роды, то их течение по возможности должно быть естественным. Женщина на столе застонала, голова и пятки одновременно ударили по столу, огромный живот взмыл в воздух, рука отскочила в сторону и наотмашь ударила Гомера по лицу.

Женщину иногда убивает один-единственный припадок, но бывает, что она остается жива и после сотого. А вот сколько припадков выдержала эта женщина – один или девяносто, этого Гомер, естественно, не знал.

Минут через пять вернулась с сестрой Анджелой сестра Эдна. Гомер распорядился дать женщине морфий, а сам ввел в вену магнезию, чтобы снизить давление. Затем попросил сестру Эдну взять у больной мочу, а сестру Анджелу проверить мочу на белок. Больная была в сознании, отвечала на вопросы, но сказать, сколько у нее было припадков, не могла. Она их не помнила, чувствовала только их приближение и последующее состояние опустошенности. Родить, по ее словам, ей предстояло еще через месяц.

С приближением судорог Гомер дал ей вдохнуть немного эфира, надеясь, что это уменьшит их интенсивность. Припадок на этот раз имел иной характер, хотя по силе не уступал первому: движения были более плавны, протяженны, но, пожалуй, даже более мощны. Гомер налег ей на грудь, но тело ее взвилось, как отпущенное пружиной лезвие ножа, и Гомер слетел с нее, как перышко. Во время следующей паузы Гомер исследовал влагалище – шейка матки еще не сгладилась и маточный зев не раскрылся, значит, роды еще не начались. Гомер мучился сомнениями, начинать ли роды. Как ему не хотелось принимать это решение! Куда же девался Кедр?

За доктором отправили воспитанника, у которого вечно тек нос; он вернулся один, без доктора, распустив сопли до нижней губы и размазав по щеке. Сопли засохли, и получился

точь-в-точь след от удара хлыстом. Звали мальчугана Кудри Дей (имя придумала, конечно, сестра Анджела); шмыгая носом, он сообщил, что доктор Кедр уехал на поезде в Пороги-на-третьей-миле, куда начальник станции, в приступе религиозного фанатизма, отправил прибывший медленной скоростью труп. Начальник станции отказался его принять, и труп последовал дальше. Разъярившись на начальника, доктор Кедр вскочил в следующий поезд, начав погоню.

– Ох! – всплеснула руками сестра Эдна.

Гомер начал давать больной дигиталис. В очередную передышку спросил, оставит ли она ребенка в приюте или приехала сюда как в ближайший родильный дом, другими словами – нужен ли ей этот ребенок.

– Вы думаете, он умрет? – не ответив, спросила женщина.

– Конечно нет, – улыбнулся Гомер ободряющей улыбкой доктора Кедра, а про себя подумал: если в ближайшие часы роды не вызвать, ребенок наверняка погибнет; если поспешить с родами, очень вероятно, что погибнет мать.

Женщина рассказала, что приехала сюда с попутной машиной, потому что у нее никого во всем свете нет, взять ребенка ей некуда, но она очень-очень хочет, чтобы он родился живой.

– Да, – кивнул Гомер, как будто сам принял это решение.

– Вы очень молоды, – сказала женщина. – Я не умру?

– Нет, конечно. – Гомер опять улыбнулся, подражая Кедру: может, хоть это придаст ему солидности.

Но после двенадцати часов борьбы с эклампсией (было уже семь припадков) Гомер и думать забыл про солидность.

Посмотрев на сестру Анджелу, помогающую держать бьющуюся в судорогах женщину, Гомер сказал:

– Будем вызывать роды. Надо вскрыть плодный пузырь.

– Я уверена, Гомер, ты знаешь, что делать. – Сестра Анджела тоже попыталась ободряюще улыбнуться, но улыбка явно не получилась.

Через двенадцать часов начались потуги. Гомер потом так и не мог вспомнить, сколько припадков перенесла женщина. Теперь его больше беспокоило, что с Кедром; страх мешал принимать роды, и он силился его подавить.^[17]

Еще через два часа женщина родила здорового мальчугана почти шести фунтов. Состояние ее, как и ожидал Гомер, сразу улучшилось. Судороги стали меньше, давление снизилось, белок в моче упал.

Вечером этого дня Уилбур Кедр вместе со спасенной Кларой – скоро так нарекут труп номер три, – усталый, но торжествующий, вернулся в Сент-Облако.

Накануне утром он имел бурное объяснение с начальником станции, который не принял странствующий в одиночку труп. Вскочив в следующий поезд, Кедр доехал до Порогов-на-третьей-миле. Но и там начальника станции чуть не хватил удар. Клара проехала еще одну станцию, потом еще одну, доктор Кедр следовал за ней по пятам, отставая на один поезд. Если бы кто и принял эту необычную посылку, так только затем, чтобы предать ее земле. Но в обязанности начальников похороны заблудившихся трупов не входят, так зачем же принимать труп, за которым никто не придет, – адресат-то в Сент-Облаке! Тем более что преданию земле он явно не предназначался: контейнер издавал неземные звуки – хлопанье бальзамирующего состава; кожа была как гуттаперча, сквозь которую проступали вены и артерии цвета космических бездн. «Что бы это ни было, – категорически заявил начальник станции Порогов-на-третьей-миле, – мне оно ни к чему».

Так Клара миновала Пороги, Мизери-клин, Мокси-клин, Ост-Мокси. На станции Гармония (штат Мэн), где Клара задержалась минут на пять, напугав до полусмерти станционный персонал, доктор Кедр устроил грандиозный скандалище.

– Это мое тело! – вопил он. – На нем мое имя! Оно предназначено для студента-медика, проходящего практику в моей больнице «Сент-Облако». Это мое тело! Слышите, вы, мое! – бушевал он. – Почему вы отправили его не в ту сторону? По какому праву лишили меня наглядного пособия?

– Оно прибыло к нам, а не в Сент-Облако, – оправдывался начальник станции. – Там, мне сдается, его не приняли.

– Наш начальник совсем спятил! – Доктор Кедр от ярости даже подпрыгнул – невысоко, чуть-чуть. Но тоже произвел впечатление слегка спятившего.

– Может, оно так, а может, и нет, – продолжал железнодорожный страж. – Тело адресовано не нам, и я его не принял.

– Господи помилуй! Ведь это не вурдалак!

– А я и не говорю, что вурдалак! Хотя кто его знает. За две минуты не разберешь!

– Обормоты! – крикнул доктор Кедр, едва успев вскочить на подножку отходящего поезда.

В Корнвилле, где поезд не останавливался, доктор Кедр выглянул в окошко и крикнул двум работникам с картофельных ферм, которые махали вслед поезду:

– В Мэне идиотов не сеют, не жнут!

В Скоухегене спросил у начальника, куда, тысяча чертей, приедет в конце концов его тело.

– В Бат, наверное, – ответил тот. – Ведь его послали оттуда, а по указанному адресу никто его не востребовал. Значит, рано или поздно вернется обратно.

– Как – никто не востребовал! Я востребовал! – кричал доктор Кедр чуть ли не до хрипа.

Мертвое тело отправила в Сент-Облако Батская городская больница. Это был труп женщины-донора, которая перед смертью завещала свои бранные останки науке. А патологоанатом этой больницы знал, что доктору Кедру как раз нужен свежий женский труп.

Поймал Клару доктор Кедр в Аугусте. Аугуста оказалась вполне здравомыслящим поселением – по меркам Мэна. Начальник станции обратил внимание, что тело едет не в ту сторону, и решил вернуть его по указанному адресу.

– Конечно не в ту! – продолжал кипятиться доктор Кедр.

– Какая-то дьявольщина. Что они там у вас, читать разучились? – удивился начальник станции.

– Не только разучились. Они вообще все сбрендили! Этим чертовым городкам неплохо бы каждый день получать по трупу!

Всю долгую дорогу обратно, с Кларой на руках, доктор Кедр никак не мог успокоиться. На каждой станции, нанесшей ему оскорбление, особенно в Гармонии, да и в Ост-Мокси и Мокси-клине, впрочем и на всех остальных, он сообщал на остановках начальникам станций, что он о них думает.

– Дебилвилл! – прокричал он в окошко на станции Гармония. – Вот как вас надо было назвать! Вы и понятия не имеете, что такое гармония!

– Нам всю гармонию перепутал ваш чертов труп! – ответили ему с платформы.

– Кретинбург! – успел он крикнуть в окно уже под стук колес.

Когда поезд наконец прибыл в Сент-Облако, начальника станции, к огромному разочарованию Кедра, на месте не оказалось. «Ушел обедать», – сказал кто-то, хотя был уже вечер.

– Может, все-таки ужинать? – не преминул съехидничать Кедр. – Перепутал, наверное, день с вечером.

Доктор Кедр нанял каких-то двух придурков, и они потащили Клару наверх в приютскую больницу.

Он очень удивился, увидев в прозекторской искромсанный труп номер два. Гомер с этой эклампсией совсем про него забыл и не вынес его, а Кедр велел тащить Клару прямо туда,

не подготовив носильщиков к ожидавшему их сюрпризу. Один в панике рванул вон и врезался в стену. Поднялся страшный переполох. Кедр бегал по дому в поисках Гомера, изливая душу:

– Гомер! Гомер! Я проехал чуть не половину чертова Мэна, гонялся за твоим трупом! А ты даже не побеспокоился все привести в порядок! У этих идиотов совсем разум отшибло! Гомер, Гомер, – перешел доктор Кедр на более спокойный тон: нельзя все-таки взваливать на желторотого юнца все чертову работу взрослых.

Не переставая бурчать себе под нос, доктор Кедр заглядывал во все комнаты. А Гомер как свалился на белую больничную койку Кедра, так и спал вот уже третий час мертвым сном. Возможно, крепости сна способствовали пары эфира, постоянно витающие над этой койкой у восточного окна. Хотя вряд ли он сейчас нуждался в снотворном – шутка сказать, чуть не сорок часов принимал роды, осложненные эклампсией.

К счастью, доктор Кедр скоро наткнулся на сестру Анджелу, помешавшую ему разбудить Гомера.

– Что здесь происходит, хотел бы я знать? – спросил он, уже слегка поостыв. – Неужели никому не интересно, где я столько времени пропадал? И почему этот юноша оставил на всеобщее обозрение труп, по виду побывавший в руках маньяка-убийцы? Оставь вас всего на одну ночь – и все пойдет кувырком.

И тогда сестра Анджела рассказала ему, что сразу после его ухода на станцию пришла женщина с тяжелейшим случаем эклампсии, тяжелее она не встречала, а ей, как и Кедру, многое довелось повидать на веку.^[18] Еще в Бостонском родильном доме он не раз сталкивался со смертью рожениц от эклампсии; и даже в 194... году она уносила четверть всех погибающих во время родов младенцев.

– И Гомер справился? – спросил доктор Кедр сестер.

Он прочитал отчет, посмотрел роженицу, которая чувствовала себя прекрасно, недоношенного, но вполне здорового ребенка.

– Он все время держался спокойно, почти так же, как вы, – с восторгом говорила сестра Эдна. – Вы можете им гордиться.

– Он просто ангел, – вторила ей сестра Анджела.

– Немного задумался перед тем, как вскрыть пузырь, – вспоминала сестра Эдна. – Но все сделал правильно.

– Он ни разу ни в чем не усомнился, – прибавила сестра Анджела.

Да, Гомер все сделал правильно, думал Уилбур Кедр, допустил всего одну маленькую ошибку: не записал точного числа припадков во вторые сутки (тем более что в первые все было подсчитано безупречно) и совсем не упомянул о силе и количестве судорог (если они были) после начала схваток. Но нечего придирааться, Уилбур Кедр был хороший учитель и понимал: критика сейчас неуместна. Все самое трудное решено верно, роды Гомер принял идеально.

– А ведь ему нет еще двадцати, так ведь? – спросил доктор Кедр.

Но сестра Эдна уже пошла спать, она тоже едва держалась на ногах. В ее сновидениях героическое поведение Гомера еще усилит любовь к Кедру, и ночной отдых будет ей в радость. Сестра Анджела была все еще у себя в кабинете. Доктор Кедр спросил, почему крохотный новорожденный еще не назван; она ответила, сегодня не ее очередь, а сестра Эдна очень устала.

– Очередь – это просто формальность. Я хотел бы, чтобы ребенок был назван еще сегодня. Вас ведь не убудет, если вы дадите ему имя вне очереди.

Но сестре Анджеле пришла в голову отличная мысль. Это младенец Гомера, он спас его и мать. Пусть он и называется.

– Вы правы, пусть, – согласился доктор Кедр.

Его переполняла гордость – его ученик блестяще выдержал первый трудный экзамен.

Назавтра был день присвоения имен. Гомер наречет новый труп Кларой и даст имя своему первому сироте. И конечно, назовет его Давид Копперфильд. Сейчас он читал у мальчи-

ков «Большие надежды», эта книга нравилась ему больше, но не называть же ребенка Пипом, да и малыш Давид был симпатичнее. Так что выбор имени не потребовал долгих раздумий. В то утро он проснулся хорошо отдохнувшим, готовым к принятию куда более трудных решений.

Он спал, не просыпаясь, всю ночь. Проснулся только однажды, еще с вечера; лежа на железной койке доктора Кедр, вдруг явственно ощутил его присутствие. Слава богу, Кедр вернулся; наверное, стоит рядом и смотрит на него. Но Гомер не открыл глаз; от доктора Кедр сладковато веяло эфиром (как от женщин духами), слышалось его ровное дыхание. Вдруг на лоб Гомеру легла ладонь – легкая ладонь врача, щупающего, нет ли у пациента жара. Гомер Бур, уже опытный акушер, знающий гинекологию не хуже любого практикующего врача (а ему еще нет двадцати), лежал очень тихо, притворяясь, что спит.

Доктор Кедр наклонился и едва слышно поцеловал его в губы.

– Хорошая работа, Гомер, – прошептал он. И Гомер почувствовал еще один поцелуй, легкий как пушинка. – Хорошая работа, мой мальчик, – тихо повторил доктор Кедр и ушел.

У Гомера по щекам текли слезы, скоро все лицо стало мокрым, так сильно он не плакал, даже когда умер Фаззи Бук, и ему тогда удалось обмануть Лужка; он вообще с того вечера ни разу не плакал. А сейчас не мог унять слез, плакал и плакал, молча, без всхлипов, – утром надо будет сменить наволочку на подушке доктора Кедр, промокла насквозь.

Гомер плакал, потому что первый раз в жизни ощутил поцелуй отца.

Конечно, Мелони целовала его. Раньше, теперь уже давно этого нет и в помине. И сестры Эдна с Анджелой целовали; у них это выходит глупо, но так они целуют всех сирот. Доктор Кедр никогда его не целовал. И вот сейчас поцеловал два раза.

Гомер Бур плакал, потому что только в тот вечер узнал, как сладок отцовский поцелуй, плакал, потому что думал, вряд ли еще когда-нибудь Уилбур Кедр поцелует его, да и вряд ли поцеловал бы, знай, что Гомер не спит.

Из провизорской доктор Кедр отправился полюбоваться на спящую здоровым сном роже-ницу, задавшую Гомеру столько хлопот, и на ее привыкающего к новой среде младенца, которого утром нарекут Давидом Копперфильдом (Давид Копперфильд-младший – будет шутливо называть его доктор Кедр). После чего пошел в кабинет сестры Анджелы, где его ждала пишущая машинка. Но сегодня он не мог писать. Даже не мог думать, так разволновался, поцеловав Гомера. Гомер Бур первый раз в жизни почувствовал поцелуй отца. А Уилбур Кедр первый раз в жизни целовал сына. После того дня в портлендских мебелишках, когда миссис Уиск наградила его гонореей, он никогда никого не целовал. Да и тот поцелуй не был залогом любви, его просто влекло тогда к неизведанному. «Господи, – думал доктор Кедр, – что со мной будет, если Гомер когда-нибудь покинет нас?»

Про место, куда уедет Гомер, нельзя сказать, что жизнь там кипит, что она может пробудить дерзкие мечтания или же что она юдоль скорби и беспросветного мрака. Место, куда попадет Гомер, будет просто приятным. Только вот как Гомер, с его прошлым, воспримет простые приятности жизни? Соблазнят ли они его? Да и можно ли вообще устоять перед их соблазном?

Жителям Сердечной Бухты и Сердечного Камня были неведомы темные стороны жизни. И они не были одержимы стремлением приносить человечеству пользу.

Конечно, Олив Уортингтон страдала от набегов брата Баки, после них на стенках бассейна оставался желто-бурый оком, а паласы в доме пятнали отпечатки его сапожищ. Никуда не денешься, брат, которому она стольким обязана. Конечно, Олив тревожило будущее Уолли: будет ли он учиться, продолжит ли после нее яблочный бизнес, или этот прелестный мальчик пойдет в отца, станет вторым Сениором – праздным шалопаем, вызывающим сострадание. Но разве можно сравнить эти заботы с горестями обитателей Сент-Облака? Вспомните «работу Господню» и «работу дьявола» – и первые покажутся вам пустяками. Бурей в стакане воды.

Но и в приятных местах бывают свои беды. Беда, заглянувшая в оба городка, была вполне тривиальной; началась она, как и следовало ожидать, с любви.

«Здесь, в Сент-Облаке, – писал Уилбур Кедр, – влюбиться нет никакой возможности. Слишком большая роскошь». Доктор Кедр не ведал, что сестра Эдна влюблена в него с первого дня, но в одном он был прав: отношения Гомера с Мелони любовью не назовешь. Осадок, оставшийся у них в сердцах после того, как схлынула страсть, разумеется, любовью не был. И фотография дочери миссис Уиск с пенисом пони во рту (самый древний артефакт Сент-Облака) даже отдаленно не напоминала любовь. Между этим совокуплением и любовью была та же пропасть, что между Сент-Облаком и двумя нашими городками.

«В других местах на земле, – писал Уилбур Кедр, – люди, наверное, только и делают, что влюбляются».

Влюбляются, конечно, хоть и не так часто. Юный Уолли Уортингтон считал, например, что к двадцати годам был влюблен дважды; затем раз в двадцать один год и вот теперь, в 194...-м (он был старше Гомера на три года), влюбился опять, не подозревая вначале, что эта любовь на всю жизнь.

Девушка, покорившая его сердце, была дочерью ловца омаров; был он, разумеется, не простой ловец, и дочь у него была особенная. Реймонд Кендел до тонкости знал свое дело, служа примером всем другим ловцам. Следя за ним в бинокль, они учились у него снимать и наживлять ловушки. Да и во всем старались ему подражать; он меняет причальные канаты – и они меняют; он не выходит в море, а сидит дома или чинит в доке ловушки – и они чинят свои. Но где им было тягаться с Реймондом Кенделом, у него было столько поставлено ловушек, что его черные с оранжевым буйки вносили немалую путаницу в состязания университетских команд. Члены клуба Сердечной Бухты, выпускники Йельского университета, не раз умоляли его сменить цвет буйков с черно-оранжевого на синий с белым, но всегда слышали в ответ одно: он не в игрушки играет, а делает дело.

Клуб Сердечной Бухты выходил окнами на дальнюю оконечность бухты, где издавна стоял дом над омаровым садком и пирс с причалом Реймонда Кендела. Будь он менее твердым человеком, он давно бы пошел навстречу клубу и навел чистоту и порядок в своих владениях. Его хозяйство, на взгляд курортников, было уродливым пятном, портящим красоту (природную и рукотворную) побережья. На окнах спальни висели буйки в разной стадии окрашенности. Ожидающие починки ловушки штабелями высились на пирсе, загораживая, как экраном, яхты. Стоянка машин всегда забита, и не только машинами покупателей (для них всегда не хватало места), но и другим транспортом – грузовиками и легковушками, которые Рей ремонтировал; тут же отдыхали разлапистые, в мазуте моторы его омаровой флотилии.

Вся территория вокруг дома, заставленная разобранными машинами и механизмами, казалось, находится в разгаре авральных работ: все размонтировано, не завершено, не просохло. Это столпотворение сопровождал к тому же постоянный шум – жужжал мотор, нагнетающий кислород в омаровый садок под домом, постукивал работающий вхолостую движок моторной лодки; и конечно, все источало запахи – пахло просмоленными канатами, омарами (по запаху их легко спутать с морской рыбой), мазутом, бензином, от которых вода вокруг пирса радужно переливалась; самый же пирс был устлан водорослями, усыпан ракушками береговичков и украшен, как флагами, желтыми брезентовыми робами, развешанными для просушки. Реймонд Кендел жил работой и любил видеть вокруг себя объекты приложения своего труда. Выдающаяся в море коса была его художественной мастерской.

Он был не только мастером ловить омаров, но и первоклассный механиком; все, что другой бы выбросил, у него шло в дело. И он никогда не представлялся ловцом омаров: не то чтобы считал этот труд зазорным. Но у него был талант механика, он им гордился и предпочитал называть себя «жестянщиком».

Клубные завсегдатаи сетовали, что Кендел развел на берегу бухты такое безобразие, но не очень громко; Реймонд Кендел чинил и клубные «жестянки». Наладил, например, фильтр плавательного бассейна, и это в те дни, когда ни у кого еще бассейнов не было, никто в фильтрах ничего не смыслил, да и сам он ни одного в руках не держал. Вся починка заняла у него десять минут. Закончив ее, он сказал: «Кажется, будет работать».

О Рее Кенделе говорили: он выбрасывает только остатки пищи – швыряет в воду за борт катера или с мостков причала. Тем, кто корил его, Рей отвечал: «Я подкармливаю омаров, которые кормят меня» или же «Я кормлю чаек, они голодные, не то что мы с вами».

Поговаривали, что он гораздо богаче, чем Уортингтоны; никто никогда не видел, чтобы он что-нибудь покупал; единственным его расходом была дочь. Как и все дети членов клуба, она училась в дорогой школе-пансионе; кроме того, Рей платил за нее достаточно большой ежегодный членский взнос и, конечно, за себя, хотя появлялся в клубе только затем, чтобы что-нибудь починить. Она училась плавать в клубном бассейне с подогретой водой, играла в теннис на корте, который часто осчастливливал своим присутствием Уортингтон-младший. У дочери Кендела был собственный автомобиль, достойный собрат тем, что заполняли стоянку Рея. Чудище, собранное из еще годных частей отслуживших свое машин: некрашеное крыло прикручено проволокой, на капоте эмблема Форда, на кузове – Крайслера; правая дверца не открывается. Зато аккумулятор и двигатель действовали безотказно. Если у кого-нибудь на клубной стоянке машина не заводилась, хозяин бросался искать дочь Рея Кендела; в багажнике ее уродца имелась рукоятка, которой она могла завести любую машину.

Говорили, что Рей Кендел скопил капитал, работая механиком у Олив Уортингтон; он зарабатывал не только омарами, но еще содержал в порядке машинный парк фермы «Океанские дали». Олив Уортингтон платила ему наравне с управляющим: он превосходно разбирался в яблочном деле и был при этом отличным механиком, хотя работал всего два часа в день и только в удобное для себя время. Иногда появлялся утром, объяснив, что в море сейчас не выйдешь, иногда к концу дня; на ферме всегда что-нибудь ломалось: то откажет распылитель у «Харди», то что-нибудь с насосом опрыскивателя, то забарахлит карбюратор у трактора или выйдет из строя сенокосилка. Рей с ходу видел, что случилось с косилкой, что отказало в вилоподъемнике, почему остановился конвейер, заглох мотор у грузовика, что разладилось в сидровом прессе. За два часа он делал то, на что у другого ушел бы день, и делал на совесть. И никогда ничего не просил купить, новый карбюратор, например, или ножи для косилки.

Олив сама предлагала заменить что-нибудь.

– Вам не кажется, Рей, – вежливо спрашивала она, – что неплохо бы купить новое сцепление для трактора?

Но у Реймонда Кендела, хирурга в своем деле, было, как у врачей, отвращение к смерти. Выбросить деталь и поставить вместо нее новую значило для него расписаться в собственном бессилии и некомпетентности.

И он почти всегда отвечал ей:

– Зачем же, Олив? Я чинил его раньше, починю и на сей раз. Чинить – моя специальность.

Олив особенно уважала Рея Кендела за то презрение, которое он питал к неумехам и бездельникам. Она разделяла его чувства и была благодарна ему, что в число этих дармоедов он не включал ни Сениора, ни ее отца Брюса Бина. Сениор Уортингтон умел шутя делать деньги: посидит часок за телефоном, и вот пожалуйста – прибыль.

– Урожай яблок, – как-то сказала Олив, – можно спасти, даже если в пору цветения плохая погода.

Плохой погодой был сильный ветер, дующий с океана; он запирал пчел Айры Титкома в ульях, мешая их лету, а диких сдувал обратно в леса, где они опыляли все, кроме яблонь.

– Яблоки переживут даже плохую осень, – продолжала она.

Осенью были страшные дожди. Мокрые яблоки выскальзывали из рук, падали, на них появлялись бочки – такие яблоки годны только на сидр. И разумеется, ураган, настоящее бедствие для прибрежных садов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания автора

1.

Английский писатель Энтони Троллоп посетил в 1861 г. Портленд, что в штате Мэн, и описал этот город в книге «Северная Америка»; в частности, он упомянул строящийся там лайнер «Грейт-истерн». О будущем лайнера Троллоп имел то же превратное понятие, что и отец Уилбура Кедр.

2.

О докторе Эрнсте, знаменитом подающем бейсбольной команды, я узнал от своего деда, доктора Фредерика Ирвинга; ему же я обязан медицинской терминологией, уснащающей эту главу. Перу моего деда принадлежит «Настольная книга для будущей матери», «Учебник акушерства», «Безопасные роды». Труды доктора Эрнста о возбудителях инфекционных болезней обратили на себя внимание некоего доктора Ричардсона из Бостонского родильного дома, где Уилбур Кедр проходил ординатуру, а потом работал врачом. Вполне возможно, что увлекшийся бактериологией Уилбур Кедр (жертва гонорейной инфекции) прочитал статью Ричардсона «Применение антисептиков в гинекологии» с большой для себя пользой.

3.

Интерес к антисептикам среди врачей-акушеров объясняется тем, что они помогли успешно бороться с самой опасной инфекцией того времени – родильной горячкой. В 1880-е гг. в некоторых родильных домах от нее погибала каждая восьмая женщина. В девяностые годы прошлого века, когда доктор Кедр все еще работал в Бостонском родильном доме, смертность среди рожениц из-за родильной горячки слегка снизилась, врачи мыли руки и обрабатывали своих пациенток раствором бихлорида ртути. Здесь же на его глазах антисептический метод обеззараживания сменился асептическим. «Асептический» – значит «свободный от бактерий»; в родильном доме стали стерилизовать все: простыни, полотенца, халаты, марлевые салфетки; все инструменты кипятились.

4.

Эту историю я также услышал от деда, окончившего Гарвардскую медицинскую школу в 1910 г. Он был главным врачом Бостонского родильного дома и многие годы преподавал акушерство и гинекологию в Гарварде. Помню, что он был великолепным рассказчиком и любил подшутить над кем-нибудь из своего большого семейства. В молодости он помог появиться на свет множеству младенцев в беднейших эмигрантских семьях Бостона; читая его книги, я только диву давался, как в нем уживались опыт, талант и знания с предвзятыми мнениями и предрассудками.

5.

Эфир был впервые синтезирован в 1540 г. двадцатипятилетним прусским ботаником. С тех пор стали устраивать «эфирные пирушки», которым позже пришли на смену вечеринки с веселящим газом. В 1819 г. Джон Дальтон опубликовал исследование физических и химических свойств этого соединения. Кольридж был известен пристрастием к веселящему газу, он посещал сборища приверженцев этого наркотика и участвовал в опытах с азотной кислотой, проводимых Хэмфри Деви. Поэт, безусловно, был знаком с эфиром. Жаль, он, кажется, предпочитал опиум.

6.

Сегодня кесарево сечение – простая операция; разрез брюшной стенки невелик, потому что матку рассекают внутри брюшной полости. Но в те годы, когда Кедр работал в Бостонском

родильном доме (1880–1890-е), разрез брюшной стенки был длиной тридцать дюймов, чтобы можно было легче извлечь матку, которая затем помещалась на живот роженицы. «Рассечение этого огромного, цвета сливы органа сопровождалось мощным выбросом околоплодных вод, смешанных с кровью», – писал мой дед. После извлечения плода матка зашивалась, возвращалась на место, и стенки брюшной полости сшивались. В дни доктора Кедр выздоровление было трудное и длительное. Операция, если не было осложнений, занимала около часа.

7.

Описанная здесь смерть от цинги имеет под собой реальный случай, известный как «странная смерть Элен Бин», по свидетельству деда, «незамужней тридцатипятилетней женщины», уроженки Новой Англии. Именно ее историей я наградил несчастную миссис Уиск.

8.

Вместо красного мертиолата доктор Кедр мог бы использовать раствор Дейкина. Узнать он о нем мог во время краткого пребывания во Франции в Первую мировую войну. Мой дед узнал там, что этот раствор применяется во многих случаях; там же он научился *débrider* – очищать края раны от омертвевших тканей. Он говорил, что французы в этом непревзойденные специалисты.

9.

Доктор Кедр слышал в пении «Германского хора» *Kindertotenlieder* Малера. Для этого надо было обладать даром предвидения, ведь Малер создал этот свой цикл в 1902 г., а Кедр посетил эту клоаку в 189... г. На что намекает фраза: «Разумеется, не мог этот хор петь малеровские „Песни об умерших детях“, но именно они тогда ему слышались».

10.

Так описал дед состояние одной из пациенток, которой он сделал кесарево сечение 13 июля 1894 г. в Бостонском родильном доме. Звали ее Эдит Флетчер, это была миниатюрная женщина с очень узким тазом.

11.

Книга миссис Максуэлл «Женщина-врач – женщинам Америки (для интимного пользования)» была издана в Нью-Йорке в 1860 г. В ней Максуэлл описала «женские болезни, которыми женщины могли заразиться от мужей, ведущих беспорядочную половую жизнь, или от часто меняемых партнеров». Другими словами, это был справочник венерических болезней. Книга обращена также к «женщинам... которые вынуждены из-за дисфункции половых органов или по каким-то причинам прибегать к прерыванию беременности». (Миссис Максуэлл, судя по этим словам, делала аборт.)

12.

Новоанглийский приют для малолетних бродяжек сначала назывался Приют Болдуин-Плейс; он получил лицензию от администрации штата Массачусетс в 1865 г. В Новоанглийский приют для малолетних бродяжек его переименовали в 1889 г., за десять с лишним лет до того, как Уилбур Кедр основал приют в Сент-Облаке.

13.

Аббревиатура «Р-К» употребляется в учебнике гинекологии 1928 г. Полагаю, что она могла употребляться и в 192... г.

14.

На этих страницах приводится точное описание операции «Р-К» по доктору Ричарду Зельцеру (Йельская высшая медицинская школа). Ричард Зельцер – хирург и автор многих книг, среди которых – «Смертельно опасно. Заметки об искусстве хирургии» и «Хирургические ритуалы». Я очень благодарен доктору Зельцеру: он прочитал мою книгу в рукописи и дал много ценных советов. Это он познакомил меня с доктором Ньюлендом, ставшим моим медицинским консультантом.

15.

Сведения о физических и психических проявлениях болезни Альцгеймера почерпнуты мной из журнала «История медицины и смежных наук», том XXXIV, № 3, июль 1979 г.; статья доктора Шервина Б. Ньюленда «Загадка Земмельвайса». Впервые доктор Ньюленд огласил результаты своих исследований на лекциях в Йельской медицинской школе. Он утверждал, что несчастный Игнац Земмельвайс, открывший болезнетворное начало, вызывающее родильную горячку, страдал не нервной формой сифилиса, как говорили, а болезнью Альцгеймера. Доктор Ньюленд не сомневается, что Земмельвайс умер от побоев в сумасшедшем доме: его забили до смерти тамошние надзиратели. В архивах Бедлама и других психиатрических больниц подобных случаев зарегистрировано много; они имели место вплоть до начала нашего века. Да и сейчас нет-нет и услышишь о жестоком обращении с пациентами в психиатрических больницах.

16.

Описанные мной роды, осложненные эклампсией, которые так успешно принял Гомер Бур, восходят к главе о судорогах, сопровождающих роды, в книге деда «Благополучные роды». Дед описал в ней историю болезни некой Люси Никерсон, умершей от эклампсии в 1880 г. Ее состояние резко ухудшилось, когда попытались вызвать искусственные роды – единственное, что врачи могли тогда сделать.

17.

Этот способ ведения родов также описан моим дедом доктором Фредериком Ирвингом (родные и близкие звали его Фриц). Дед привел случай Мэри О'Тул как пример правильного, безопасного родовспоможения. Роды имели место в 1937 г.

18.

Эти наблюдения также сделаны дедом в 1942 г. Сифилисом, хотя он был величайшей головной болью штатных отделов здравоохранения того времени, были заражены всего 2 % беременных. Эклампсия же характеризовалась более высокой цифрой: ею страдали до 8 % беременных женщин.